Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
http://Lib.kdais.kiev.ua

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
http://Lib.kdais.kiev.ua

Воспитание умственное, нравственное и физическое

Герберт Спенсер
Перевод с английского Е. А. Сысоевой

© Сканирование и создание электронного варианта:
Библиотека Киевской Духовной Академии
(www.lib.kdais.kiev.ua)

Українська православна церква
Київська духовна академія і семінарія
Св. прп.
Нестор

Киев
2012

Б-140
7281

Герберть Спенсеръ.

ВОСПИТАНІЕ

УМСТВЕННОЕ, НРАВСТВЕННОЕ

и

ФИЗИЧЕСКОЕ.

Переводъ съ англійскаго Е. А. СЫСОЕВОЙ.

БИБЛИОТЕКА
Одес. Вуз. Библиотека
Отд. XIV № 705
С-71. ИНВ 16777

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна 85 копѣекъ.

02547

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе редакціи журнала „РОДНИКЪ“.
1889.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 18-го Марта 1889 года.

Типо-литографія Мѣсника и Римана. Бассейная, 50.

Отъ редакціи журнала «РОДНИКЪ».

Первое изданіе моего перевода книги Спенсера было выпущено въ Декабрѣ 1881 года, и въ три года разошлась все. *Второе* изданіе, появившееся въ 1883 году и строго провѣренное съ послѣднимъ изданіемъ подлинника, вышедшемъ въ Лондонѣ въ 1883 г. имѣло такой же успѣхъ какъ и первое. Въ настоящее время мы выпускаемъ *третье* изданіе въ надеждѣ, что и оно принесетъ свою долю пользы родителямъ и воспитателямъ.

Екатерина Сысоева

Редакторъ-Издательница дѣтскаго журнала «РОДНИКЪ».

16 Марта, 1889 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Какимъ знаніемъ мы должны дорожить болѣе всего?

Очень вѣрно было замѣчено, что люди придумали украшенія раньше, чѣмъ одежду. Дикіе подчиняются сильнымъ физическимъ страданіямъ ради того только, чтобы быть красиво нататуированными и, въ то же время, переносятъ рѣзкія перемѣны температуры, не дѣлая ни малѣйшей попытки, чтобы смягчить ихъ вліяніе на себя. По словамъ Гумбольдта, индѣйцы штата Ориноко совершенно равнодушно относятся ко всему тому, что̀ можетъ доставить какое-либо удобство ихъ тѣлу и готовы проработать двѣ недѣли, лишь бы добыть денегъ на покупку краски для разрисовки себя. Та самая женщина, которая смѣло выйдетъ изъ хижины безъ всякихъ признаковъ одежды, никогда не дерзнетъ нарушить установленный законъ приличія и показаться не нататуированной. Путешественники говорятъ, что цвѣтныя бусы и блестящія бездѣлушки цѣнятся дикими племенами гораздо выше коленкора и тонкаго сукна. Извѣстные разсказы о томъ, какъ дикіе развѣшиваютъ напоказъ подаренныя имъ рубашки и платья, ясно свидѣтельствуютъ, насколько идея объ украшеніи беретъ у нихъ верхъ надъ идеей о пользѣ. Еще болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ справедливости сказаннаго служитъ фактъ, переданный капитаномъ Спикомъ, объ его

африканскихъ спутникахъ, которые важно прогуливались въ плащахъ изъ козьихъ шкуръ въ хорошую погоду, а въ сырую снимали ихъ, прятали и голые дрожали подъ дождемъ. Дѣйствительно, примѣры изъ первобытной жизни народовъ какъ бы указываютъ намъ на то, что одежда вошла въ употребленіе послѣ украшеній. Если же мы вспомнимъ, что и теперь многіе хлопочутъ болѣе объ изяществѣ матерій, чѣмъ объ ихъ плотности, о покроѣ платья болѣе, чѣмъ объ его удобствѣ, и что въ большинствѣ случаевъ, польза приносится въ жертву красивой внѣшности, то у насъ окажется еще новое основаніе подтвердить вышеприведенное заключеніе о времени происхожденія одежды.

Замѣчательно, что относительно ума можно сдѣлать совершенно тѣ же выводы. Въ заботахъ о развитіи ума, точно также, какъ и въ заботахъ о тѣлѣ, блестящая внѣшность всегда предшествуетъ пользѣ. Не только въ старину, но даже въ настоящее время, положительнымъ знаніямъ почти всегда предпочитаютъ такія, которыми можно щегольнуть. Въ древнихъ греческихъ школахъ главными предметами преподаванія были: музыка, поэзія, риторика и философія, хотя послѣдняя, до Сократа, мало прилагалась къ жизни; практическія же знанія занимали тамъ второстепенное мѣсто. Въ теперешнихъ нашихъ университетахъ и школахъ придерживаются той же ошибочной системы. Насъ могутъ упрекнуть въ повтореніи опошленной фразы, но мы все-таки скажемъ, что изъ десяти мальчиковъ, девяти не придется приложить на практикѣ, въ послѣдующей ихъ жизни, знаніе латинскаго и греческаго языковъ. Кому неизвѣстно, что въ торговлѣ, въ гражданской службѣ, въ сельскомъ хозяйствѣ, въ банкахъ и желѣзно-дорожныхъ обществахъ, — знаніе этихъ языковъ, изученію которыхъ было посвящено нѣсколько лѣтъ, такъ мало помогаетъ дѣлу, что даже они забываются, и если кто вздумаетъ, при случаѣ, привести латинскую поговорку или сослаться на греческій миѳъ, то скорѣе съ цѣлью произвести эффектъ, чѣмъ уяснить обсуждаемый предметъ. Ежели мы станемъ отыскивать настоящую причину, почему мы даемъ

мальчикамъ классическое образованіе, то увидимъ, что оно кроется въ желаніи согласоваться съ общественнымъ мнѣніемъ. Люди украшаютъ умъ своихъ дѣтей, равно какъ наряжаютъ ихъ тѣло, сообразно съ господствующей модой. Какъ индѣецъ штата Ориноко татуируется передъ выходомъ изъ своей хижины не для собственнаго удовольствія, а потому, что ему стыдно показаться не разрисованнымъ, точно такъ и мальчика пичкаютъ латынью и греческимъ языкомъ не потому, чтобы за ними признавалась существенная польза, а ради избѣжанія упрека въ невѣжествѣ, ради того, чтобы сейчасъ видѣли, что это джентльмэнъ по воспитанію — отличіе, указывающее на извѣстное положеніе въ обществѣ и внушающее своего рода уваженіе.

Украшенія предшествуютъ пользѣ. Вышеприведенное сравненіе еще рѣзче обнаружится, если мы обратимся къ другому полу. Какъ въ умственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи, декоративный элементъ гораздо болѣе преобладалъ и преобладаетъ у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ. Въ прежнія времена, наружными украшеніями одинаково увлекались оба пола; но въ позднѣйшую эпоху цивилизаціи мы уже видимъ, что мужчины, въ своей одеждѣ, стали въ значительной степени предпочитать удобства красивой внѣшности; за то въ вопросѣ о воспитаніи мальчиковъ только недавно польза взяла верхъ надъ украшеніемъ. У женщинъ, въ этомъ отношеніи, не произошло никакихъ перемѣнъ; ношеніе серегъ, колецъ, браслетъ, вычурныхъ прическъ, употребленіе косметическихъ средствъ, стараніе придумать какъ можно болѣе изящные фасоны платьевъ, готовность переносить всевозможныя стѣсненія ради моды,—все это показываетъ, какъ сильно развито въ женщинахъ желаніе щегольнуть своимъ туалетомъ, даже въ ущербъ теплотѣ и удобствамъ. Точно также и въ воспитаніи дѣвочекъ: почти исключительное развитіе въ нихъ «пріятныхъ общественныхъ талантовъ» свидѣтельствуетъ, что и тутъ польза подчинена внѣшности; наибольшее вниманіе обращается на танцы, хорошія манеры, музыку, пѣніе и рисованіе. Если вы спросите, зачѣмъ ихъ учатъ по итальян-

ски и по нѣмецки,—вамъ приведутъ, кромѣ разныхъ воображаемыхъ причинъ, еще и ту, что знаніе этихъ языковъ считается въ свѣтѣ необходимымъ условіемъ для каждой благовоспитанной лэди. Иностраннымъ языкамъ учатъ дѣвочекъ не для того, чтобы онѣ могли читать полезныя книги—такихъ книгъ имъ никогда не даютъ—но для того, чтобы онѣ распѣвали въ гостиныхъ итальянскія и нѣмецкія аріи и вызывали своимъ искуствомъ одобреніе общества. Дѣвочекъ заставляютъ затверживать наизусть годы рожденій, кончинъ, браковъ королей и другія, ни на что не нужныя историческія подробности, вовсе не съ цѣлью расширить кругъ ихъ познаній, а потому, что этого требуетъ общественная благовоспитанность; незнаніе всего этого можетъ вызвать насмѣшку. Упомянувъ, за тѣмъ, о чтеніи, чистописаніи, правописаніи, грамматикѣ, ариѳметикѣ и шитьѣ, мы перечислимъ всѣ предметы, которымъ обучаютъ дѣвочекъ съ цѣлью собственно практическаго примѣненія этихъ знаній къ жизни. Но даже и въ этомъ случаѣ, многое преподается скорѣе для угожденія общественному мнѣнію, чѣмъ для личной пользы воспитываемыхъ.

Чтобы какъ можно точнѣе доказать истину, что въ умственномъ, также какъ и въ физическомъ отношеніи, пользѣ всегда предшествовали украшенія, необходимо доискаться ея корня. Онъ кроется въ слѣдующемъ фактѣ: начиная съ далекаго прошлаго, по настоящее время, соціальныя нужды всегда стояли выше индивидуальныхъ, а необходимѣйшія соціальныя потребности всегда подчиняли себѣ индивидуальныя. Мы вообще ошибаемся, предполагая, что міромъ управляютъ только монархи, парламенты и конституціонныя власти; кромѣ этихъ признанныхъ властей, существуютъ еще другія, непризнанныя, которыя проявляются во всѣхъ общественныхъ кружкахъ, гдѣ каждый мужчина и каждая женщина стремятся играть роль короля, королевы или, покрайней мѣрѣ, какого-нибудь важнаго лица. Подняться выше другихъ людей, принимать отъ нихъ знаки уваженія, въ свою очередь, заискивать у тѣхъ, кто выше, — вотъ изъ чего бьется все человѣ-

чество и тратитъ на эту борьбу лучшія силы своей жизни. Каждый старается взять верхъ надъ окружающими его или своимъ богатствомъ, или образомъ жизни, или изяществомъ туалета, или, наконецъ, знаніями и умомъ. Такимъ образомъ, каждый участвуетъ, такъ сказать, въ плетеніи той безконечной сѣти стѣсненій, которая обуздываетъ общество и держитъ его въ порядкѣ. Не только вождь дикихъ, для внушенія страха подвластному племени, раскрашиваетъ свое тѣло чудовищными изображеніями и развѣшиваетъ на своемъ поясѣ черепа убитыхъ враговъ; не только красавица старается изысканными нарядами, граціозными манерами и множествомъ другихъ способовъ пріобрѣсти себѣ побольше поклонниковъ, но даже ученые, историки, философы и — тѣ соперничаютъ другъ передъ другомъ своими познаніями. Никто изъ насъ не довольствуется спокойнымъ развитіемъ своей индивидуальности во всѣхъ направленіяхъ; каждый мучится неутолимой жаждой вліять своей индивидуальностью на другихъ и, такъ или иначе, подчинять себѣ ближняго. Вотъ чѣмъ именно и опредѣляется характеръ нашего воспитанія. Мы принимаемъ въ соображеніе не то знаніе, которымъ должны дорожить болѣе всего, а то, которымъ можемъ всего легче блеснуть, возбудить удивленіе, добиться почестей, виднаго положенія въ обществѣ и вліянія — самой важной цѣли нашей. Главный вопросъ нашей жизни — не что́ мы такое, а что́ объ насъ думаютъ, точно такъ и въ воспитаніи, мы заботимся не о существенномъ образованіи, а о томъ, какъ бы щегольнуть передъ другими своими познаніями. При такой преобладающей склонности гнаться за эффектомъ, прямая польза едва ли цѣнится нами болѣе, чѣмъ дикарями, которые подпиливаютъ себѣ зубы и красятъ ногти.

Необходимость найти мѣрило цѣнности знаній. Если бы потребовалось еще доказательство грубости и несостоятельности системы нашего воспитанія, то мы найдемъ его въ слѣдующемъ фактѣ: вопросъ о сравнительной цѣнности различныхъ родовъ знаній едва ли подвергался когда обсужденію, если же и обсуждался, то отнюдь не методически и безъ всякихъ

опредѣленныхъ результатовъ. Произошло это не потому, что до сихъ поръ не было признаннаго мѣрила относительной цѣнности знаній, а потому, что о существованіи его у насъ не выработалось даже яснаго понятія; мало того, что не выработалось яснаго понятія, едва ли ощущается недостатокъ въ такомъ мѣрилѣ. Люди читаютъ книги, слушаютъ лекціи объ этомъ предметѣ, рѣшаютъ, что ихъ дѣтямъ будутъ преподаваться такія-то отрасли наукъ, а такія-то нѣтъ; но всѣ они руководствуются, въ настоящемъ случаѣ, однимъ лишь обычаемъ, личнымъ вкусомъ или предубѣжденіемъ, отнюдь не разсуждая о громадномъ значеніи раціональнаго опредѣленія, какіе именно предметы болѣе всего необходимы для обученія дѣтей. Правда, въ обществѣ мы слышимъ иногда замѣчанія о важности того или другаго рода знаній; но стóитъ ли предметъ, по степени своей важности, той траты времени, которая будетъ потребна для того, чтобы его усвоить, и нѣтъ ли другихъ, еще болѣе важныхъ, предметовъ, на которые ребенокъ могъ бы посвятить то же количество времени, — эти вопросы, будучи подняты, обсуждаются весьма поверхностно и только сообразно съ личнымъ взглядомъ. Правда и то, что, по временамъ, у насъ въ обществѣ возникаютъ горячія пренія относительно сравнительныхъ достоинствъ классическаго и математическаго образованій; но такія пренія ведутся только эмпирически, безъ всякой ссылки на какой-либо опредѣленный критерій; въ сущности же, этотъ вопросъ совершенно ничтоженъ, сравнительно съ общимъ вопросомъ, изъ котораго онъ проистекаетъ. Воображать, что разсуждая о томъ, которое изъ двухъ образованій лучше — классическое или математическое, мы рѣшаемъ вопросъ жизни, — все равно, что воображать, будто вся суть діэтетики заключается въ разрѣшеніи вопроса, чтó питательнѣе: хлѣбъ или картофель!

Вопросъ, который мы теперь обсуждаемъ и который имѣетъ очень важное значеніе, заключается не въ опредѣленіи достоинствъ такого или инаго знанія, а въ опредѣленіи ихъ *относительныхъ* достоинствъ. Люди, указавъ на пользу, которую они извлекли изъ изученія какихъ-либо предметовъ,

воображаютъ, что они доказали этимъ все, а между тѣмъ, забываютъ, что прежде всего надо рѣшить вопросъ о размѣрѣ полученной пользы. По настоящему, нѣтъ такого предмета, изученіе котораго не приносило бы извѣстной пользы. Употребивъ цѣлый годъ на прилежное изученіе геральдики, мы получили бы только возможность глубже проникнуть въ характеръ прежнихъ нравовъ и обычаевъ; изучивъ разстояніе между всѣми городами Англіи, мы, можетъ быть, не болѣе двухъ или трехъ разъ, въ теченіи всей жизни, воспользовались бы этимъ знаніемъ во время путешествій. Есть ли что безполезнѣе собиранія провинціальныхъ сплетень? а между тѣмъ, и изъ нихъ можно извлечь какой-нибудь полезный фактъ, хотя бы представить примѣръ наслѣдственной передачи сплетничества. Каждый ясно видитъ, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ нѣтъ никакой соразмѣрности между количествомъ потраченнаго труда и ожидаемой пользой. Никто конечно, не пожелаетъ, чтобы мальчикъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ своей жизни на пріобрѣтеніе вышеупомянутаго рода познаній въ ущербъ другимъ, гораздо болѣе цѣннымъ, которыми онъ могъ бы обогатить свой умъ за это время. Если же здѣсь мы прибѣгаемъ къ мѣрилу относительно цѣнности знаній и считаемъ указанія его за рѣшительный приговоръ, то, понятно, что вездѣ и всюду мы должны прибѣгать къ нему и полагаться на него. Будь у насъ достаточно времени на изученіе всѣхъ предметовъ, намъ не было бы надобности вдаваться въ частности. Вотъ что на этотъ счетъ гласитъ старинная англійская пѣсенька:

Could a man be secure
That his days would endure
As of old, for a thousand long years,
What things might he know!
What deeds might he do!
And all without hurry or care *).

*) Если бы человѣкъ могъ быть увѣренъ, что онъ, подобно людямъ древнихъ временъ, проживетъ слишкомъ тысячу лѣтъ, сколько бы знаній онъ пріобрѣлъ, сколько бы дѣлъ совершилъ, и все это безъ спѣху и безъ тревогъ.

Но намъ, жизнь которыхъ такъ коротка, не надо никогда забывать, какъ ограниченъ нашъ періодъ пріобрѣтенія знаній. Мы должны постоянно имѣть въ виду, что періодъ этотъ, кромѣ непродолжительности нашей жизни, сокращается еще житейскими заботами, и потому намъ слѣдуетъ изо всѣхъ силъ стараться употреблять данное намъ время съ наибольшей для себя пользой. Прежде, чѣмъ посвятить цѣлые годы на изученіе какого-нибудь предмета, навязаннаго намъ модой или личной прихотью, было бы благоразумнѣе взвѣсить тщательно цѣнность результата предстоящаго труда и сравнить съ цѣнностью тѣхъ результатовъ, которые получились бы отъ того же самаго количества времени, посвященнаго на другія занятія.

Цѣль воспитанія. Въ дѣлѣ воспитанія все сказанное выше составляетъ самый главный вопросъ, который давно бы пора обсудить методически. Первая по своей важности проблемма — хотя мы разсмотримъ ее послѣдней — заключается въ рѣшеніи вопроса: на какой изъ предметовъ, подлежащихъ нашему обсужденію, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе? Прежде, чѣмъ приступить къ составленію раціональнаго «порядка жизни» (curriculum vitae), нужно опредѣлить, какія знанія намъ болѣе всего необходимы, или, по выраженію Бэкона, къ сожалѣнію, теперь уже устарѣвшему, нужно опредѣлить относительную цѣнность знаній.

Первое, что потребуется въ настоящемъ случаѣ, это отыскать норму цѣнности знаній. По счастью, не можетъ быть никакихъ споровъ при оцѣнкѣ знаній вообще. Каждый, отстаивая достоинство того или другаго отдѣла знаній, непремѣнно поставитъ на видъ отношеніе его къ жизни. Спросите любаго математика, лингвиста, натуралиста или философа: какую пользу можетъ принести ихъ ученіе? они тотчасъ примутся объяснять благодѣтельное вліяніе его на человѣчество, разскажутъ, какъ оно предупреждаетъ зло и какъ обезпечиваетъ добро, словомъ, какъ оно ведетъ къ счастію. Если учитель чистописанія убѣдитъ, что хорошій почеркъ много помогаетъ успѣху въ дѣлахъ, т. е., что при помощи его человѣкъ

можетъ пріобрѣсти матеріальныя средства для жизни, то мы скажемъ, что онъ доказалъ пользу своей профессіи. Если же, наоборотъ, собиратель мертвыхъ фактовъ (возьмемъ хоть нумизматика), не съумѣетъ выяснить полезнаго вліянія этихъ фактовъ на благосостояніе человѣчества, то онъ долженъ будетъ признать ихъ, сравнительно, не имѣющими цѣны. Такимъ образомъ, всѣ разсужденія, прямо или косвенно, сводятся къ одному окончательному мѣрилу.

Какъ жить? вотъ самый существенный вопросъ для человѣка, и не въ матеріальномъ только отношеніи, а въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Общая задача, въ которой сливаются всѣ прочія спеціальныя задачи, состоитъ въ томъ, чтобъ человѣкъ умѣлъ руководить своими поступками во всѣхъ сферахъ дѣятельности и при всевозможныхъ обстоятельствахъ: чтобы онъ зналъ, какъ обращаться съ своимъ тѣломъ, какъ развивать свой умъ, какъ вести дѣла, какъ воспитывать дѣтей, какъ быть хорошимъ гражданиномъ, какъ пользоваться тѣми благами, которыми надѣлила насъ природа, какъ употреблять наши способности, чтобы доставить наибольшую пользу себѣ самимъ и другимъ людямъ, словомъ, какъ жить полною жизнію. Эти вопросы въ высшей степени важны и потому изученіе ихъ должно составлять главную цѣль воспитанія. Сдѣлать человѣка способнымъ жить полною жизнію — вотъ обязанность каждаго воспитателя. Единственный раціональный способъ для провѣрки — хорошъ или дуренъ воспитательный методъ, состоитъ въ оцѣнкѣ, до какой степени онъ выполняетъ вышесказанное назначеніе.

Мѣрило, *какъ жить*, никогда не предлагалось на практикѣ въ цѣлости и рѣдко прилагалось по частямъ, да и тутъ всегда какъ-то неопредѣленно, почти безсознательно; намъ же слѣдуетъ примѣнять его разумно, методически ко всѣмъ возможнымъ случаямъ. Мы должны постоянно имѣть это въ виду — опредѣливъ совершенно ясно конечную цѣль, т. е. полную жизнь, такъ, чтобы при воспитаніи нашихъ дѣтей мы умѣли выбрать предметы обученія и методы, вполнѣ согласные съ этой цѣлью. Мы не только не должны гнаться за усвоеніемъ

общепринятой системы воспитанія, столь же непрочной и скоропреходящей, какъ и всякая мода, но должны стать выше грубыхъ эмпирическихъ сужденій людей, иногда умныхъ, которые, болѣе или менѣе, стараются слѣдить за образованіемъ своихъ дѣтей. Недостаточно *предполагать*, что такія-то или такія-то свѣдѣнія могутъ принести пользу въ жизни, или что такого-то рода знаніе окажется на практикѣ цѣннѣе, чѣмъ другое: надо придумать способъ, какъ опредѣлить ихъ относительную цѣнность, чтобы какъ можно точнѣе и положительнѣе *узнать*, которое изъ нихъ заслуживаетъ наибольшаго нашего вниманія.

Классификація нашей дѣятельности. Нѣтъ сомнѣнія, что это задача очень трудная и что, быть можетъ, рѣшить ее нельзя иначе, какъ только приблизительно; но принимая во вниманіе, какая громадная выгода ожидаетъ насъ отъ этого, нѣтъ причины пугаться ея трудности и малодушно обходить ее. Напротивъ, надо употребить всю свою энергію для преодолѣнія препятствій, и если только мы будемъ дѣйствовать систематически, то добьемся очень скоро немаловажныхъ результатовъ.

Очевидно, что прежде всего намъ слѣдуетъ распредѣлить по порядку, согласно съ ихъ значеніемъ, всѣ главные роды дѣятельности, входящіе въ кругъ человѣческой жизни. Вотъ ихъ естественный порядокъ: 1) тѣ роды дѣятельности, которые непосредственно ведутъ къ самосохраненію; 2) тѣ, которые, обезпечивая жизненныя потребности, только посредственно вліяютъ на самосохраненіе; 3) тѣ, которые имѣютъ цѣлью воспитаніе и обученіе потомства; 4) тѣ, которые способствуютъ поддержкѣ надлежащихъ соціальныхъ и политическихъ отношеній, и 5) тѣ разнообразные роды дѣятельности, которымъ человѣкъ посвящаетъ свободное время, для удовлетворенія своихъ вкусовъ и чувствъ.

Нѣтъ надобности долго соображать, чтобы увидѣть, что всѣ эти роды дѣятельности распредѣлены именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ они соподчинены другъ другу. Такъ какъ мы ежеминутно должны заботиться объ обезпеченіи своей личной безопасности, то всѣ дѣйствія и предосторожности въ этомъ отношеніи, очевидно, должны стоять на первомъ планѣ. Если бы взрослый мужчина, подобно ребенку, не понималъ значенія окружающихъ его предметовъ и ихъ движеній и не зналъ, какъ ему держать себя среди ихъ, то онъ непремѣнно лишился бы жизни при первомъ выходѣ на улицу, даже если бы онъ былъ самымъ ученымъ человѣкомъ; а такъ какъ полное невѣжество во всѣхъ другихъ отношеніяхъ далеко не такъ быстро привело бы его къ гибели, какъ невѣжество въ этомъ случаѣ, то нельзя не допустить, что знаніе, прямо ведущее къ самосохраненію, есть знаніе первѣйшей важности.

Никто не будетъ оспаривать того, что за дѣятельностью, непосредственно касающейся самосохраненія, слѣдуетъ дѣятельность, посредственно вліяющая на него и состоящая въ пріобрѣтеніи средствъ къ жизни. Что заботы о пріобрѣтеніи этихъ средствъ человѣкъ всегда ставитъ впереди своихъ родительскихъ обязанностей, ясно видно изъ того, что исполненіе послѣднихъ тогда только возможно, когда устранены первыя. Такъ какъ каждый старается прежде всего научиться, какъ прокормить самого себя, чтобы имѣть возможность впослѣдствіи кормить свое потомство, то изъ этого слѣдуетъ, что знаніе, необходимое для самообезпеченія, предшествуетъ знанію, потребному для доставленія благосостоянія семейству, и это знаніе, по своей цѣнности, занимаетъ второе мѣсто послѣ знанія, необходимаго для самосохраненія.

Такъ какъ семья возникла прежде государства и такъ какъ воспитаніе дѣтей возможно прежде существованія послѣдняго и даже послѣ уничтоженія его—хотя каждое государство только и держится воспитаніемъ молодаго поколѣнія — то изъ этого слѣдуетъ, что на обязанности родительскія надо обращать болѣе строгое вниманіе, чѣмъ на обязанности гражданскія. Пойдемъ далѣе. Такъ какъ характеръ общества зависитъ отъ свойствъ его гражданъ, на свойства же гражданъ болѣе всего имѣетъ вліяніе раннее воспитаніе, то мы можемъ придти къ тому заключенію, что благосостояніе семьи служитъ основой благосостоянія общества, слѣдовательно, знаніе, ведущее

прямо къ первой цѣли, должно предшествовать знанію, ведущему ко второй.

Разнообразные виды пріятныхъ развлеченій, которымъ мы предаемся въ свободное отъ серьёзныхъ занятій время, какъ, напримѣръ, музыка, поэзія, живопись и проч., несомнѣнно были изобрѣтены тогда, когда общество уже существовало. Развитіе ихъ не только невозможно безъ давно установившейся общественной жизни, но даже сами онѣ, въ сущности, суть ничто иное, какъ отраженіе общественныхъ чувствъ и симпатій; общество не только способствуетъ ихъ развитію, но создаетъ для нихъ идеи и чувства. Слѣдовательно, тотъ отдѣлъ человѣческой дѣятельности, который имѣетъ наибольшее вліяніе на гражданское благоустройство, несравненно важнѣе, чѣмъ тотъ, который способствуетъ изощренію талантовъ и вкусовъ, поэтому, въ воспитаніи дѣтей подготовка къ первому должна непремѣнно идти впереди подготовки къ послѣднему.

Порядокъ соподчиненія воспитательныхъ началъ. Повторимъ опять: вотъ раціональный порядокъ, въ которомъ должны слѣдовать соподчиненныя одно другому воспитательныя начала: воспитаніе, подготовляющее человѣка къ непосредственному самосохраненію; подготовляющее его къ посредственному самосохраненію; подготовляющее его къ исполненію родительскихъ обязанностей; подготовляющее его къ исполненію гражданскихъ обязанностей и, наконецъ, подготовляющее его къ разнообразнымъ, утонченнымъ занятіямъ. Мы не хотимъ сказать, чтобы всѣ эти подраздѣленія были совершенно независимы одно отъ другаго; мы не отрицаемъ, что между ними существуетъ до того крѣпкая связь, что подготовка къ одному роду воспитанія есть, въ то же время, подготовка и ко всѣмъ остальнымъ; точно также мы не отрицаемъ, что въ каждомъ изъ перечисленныхъ отдѣловъ есть части болѣе важныя, чѣмъ нѣкоторыя части высшихъ отдѣловъ. Такъ, напримѣръ, человѣкъ, искусный въ веденіи дѣлъ, но мало способный въ другихъ отношеніяхъ, можетъ въ меньшей степени наслаждаться *полной* жизнію, чѣмъ другой, не столь ловкій въ пріобрѣтеніи матеріальныхъ средствъ, но серьёзно

относящійся къ своимъ родительскимъ обязанностямъ. Или, напримѣръ, обширныя свѣдѣнія по части правильной общественной дѣятельности, при совершенномъ отсутствіи общаго литературнаго образованія и при невѣжествѣ въ изящныхъ искуствахъ, менѣе желательны, чѣмъ умѣренное обладаніе ими, въ соединеніи съ нѣкоторыми другими познаніями. Но и послѣ сдѣланной надлежащей оцѣнки вышесказанныхъ отдѣловъ воспитанія, все-таки останутся нетронутыми рѣзкія границы между ними и неизмѣнится та основная истина, что всѣ эти отдѣлы соподчиняются одинъ другому въ указанномъ порядкѣ, такъ какъ соотвѣтствующія ему подраздѣленія жизни подчинены тому же самому порядку.

Слѣдовательно, идеальнымъ воспитаніемъ можетъ быть названо только то, которое даетъ полную подготовку ко всѣмъ этимъ отдѣламъ. Но, отступая отъ идеала, что въ настоящемъ фазисѣ цивилизаціи почти неизбѣжно, надо, по крайней мѣрѣ, поставить себѣ цѣлью соблюдать должную соразмѣрность въ подготовкѣ къ каждому изъ названныхъ отдѣловъ. Не слѣдуетъ всецѣло предаваться которому-либо изъ нихъ, какое бы важное значеніе онъ ни имѣлъ въ нашихъ глазахъ; не слѣдуетъ также обращать исключительное вниманіе на два, на три отдѣла наибольшей важности: надо изучать каждый по его цѣнности и, сообразно съ этимъ, посвящать ему необходимое время. Для большинства людей (мы не говоримъ о тѣхъ случаяхъ, когда особенная наклонность побуждаетъ человѣка исключительно посвятить себя извѣстному отдѣлу знаній, для пріобрѣтенія черезъ то необходимыхъ средствъ къ жизни) полезнѣе всего было бы такого рода воспитаніе, посредствомъ котораго достигалось бы возможное совершенство въ изученіи предметовъ, наиболѣе удовлетворяющихъ полной жизни и которое не стремилось бы къ достиженію совершенства въ знаніяхъ, неудовлетворяющихъ полной жизни.

Регулируя воспитаніе по данному образцу, мы, должны постоянно имѣть въ виду нѣкоторыя общія соображенія. Цѣнность всякаго рода культуры, споспѣшествующей полной жизни, можетъ быть или существенная, или, болѣе или ме-

нѣе, условная. Есть знанія *существенной* цѣнности, *quasi-существенной* и, наконецъ, *условной*. Такого рода фактъ, напримѣръ, что чувство онѣмѣнія въ членахъ и звонъ въ ушахъ обыкновенно предшествуютъ параличу, что сила сопротивленія воды движущемуся въ ней тѣлу измѣняется прямо пропорціонально квадрату скорости, что хлоръ дезинфектирующее средство,—такого рода факты принадлежатъ къ области знаній, имѣющихъ, какъ всѣ научныя истины вообще, существенную цѣнность и останутся тѣми же черезъ десятки тысячъ лѣтъ. Основательное изученіе латинскаго и греческаго языковъ должно считаться quasi-существеннымъ знаніемъ. Оно полезно какъ для англичанъ, такъ и для другихъ націй, языки которыхъ много обязаны этимъ источникамъ; но знаніе это нужно только до тѣхъ поръ, пока существуютъ наши языки. Къ знаніямъ условной цѣнности надо причислить тотъ родъ свѣдѣній, который въ нашихъ школахъ носитъ названіе исторіи, а въ сущности, есть только сухая номенклатура чиселъ, именъ и мертвыхъ, безсодержательныхъ происшествій. Подобное знаніе не можетъ оказать ни малѣйшаго вліянія на образъ нашихъ дѣйствій; ему обучаютъ дѣтей ради того только, чтобы не идти наперекоръ общественному мнѣнію, что исторію необходимо преподавать дѣтямъ. Само собою разумѣется, что факты, касающіеся всего человѣчества и всѣхъ временъ, должны имѣть перевѣсъ надъ такими фактами, которые касаются отдѣльныхъ личностей, впродолженіи ограниченнаго періода времени, и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о небольшой группѣ людей, игравшихъ роль въ извѣстную эпоху. Слѣдовательно, на основаніи правильной оцѣнки, знаніе существенной цѣнности должно предшествовать знаніямъ *quasi*-существенной и условной цѣнностей.

Вотъ еще одно замѣчаніе. Научныя пріобрѣтенія всякаго рода имѣютъ двоякую цѣну: какъ *знаніе* и какъ *орудіе умственной дисциплины*. Пріобрѣтаемыя свѣдѣнія о различныхъ фактахъ не только вліяютъ на образъ дѣйствій человѣка, но служатъ также и упражненіемъ для его ума; по-

этому значеніе ихъ, какъ подготовки къ полной жизни, должно быть разсматриваемо съ вышесказанныхъ двухъ сторонъ.

Вотъ тѣ общія понятія, которыми мы должны руководиться при обсужденіи «порядка жизни». Жизнь подраздѣляется на различные роды дѣятельности, имѣющіе, въ свою очередь, различныя степени важности. Цѣнность каждаго разряда фактовъ, управляющихъ этими различными родами дѣятельности, бываетъ: существенная, quasi-существенная и условная; систематическое вліяніе этихъ фактовъ оцѣнивается двоякимъ образомъ: какъ знаніе и какъ орудіе умственной дисциплины.

Самосохраненіе. Къ счастію, самая главная часть воспитанія, касающаяся обезпеченія непосредственнаго самосохраненія, почти совсѣмъ упрочена. Природа, какъ бы боясь промаховъ съ нашей стороны въ столь важномъ дѣлѣ, не выпускаетъ его изъ своихъ рукъ; ребенокъ еще у кормилицы прячетъ свое личико и кричитъ при видѣ чужаго человѣка. Это первое проявленіе зарождающагося инстинкта, который побуждаетъ его искать спасенія отъ неизвѣстнаго и, быть можетъ, опаснаго для него существа. Но вотъ ребенокъ начинаетъ ходить; ужасъ, который онъ выказываетъ при приближеніи къ нему незнакомой собаки, крики, съ которыми онъ бѣжитъ къ матери, увидавъ или услыхавъ что-нибудь страшное,—все это свидѣтельствуетъ о развитіи въ немъ того же самаго инстинкта. Кромѣ того, ребенокъ ежечасно пріобрѣтаетъ новыя свѣдѣнія по части непосредственнаго самосохраненія; напримѣръ, онъ учится, какъ раскачивать свое тѣло, какія дѣлать движенія, чтобы избѣжать столкновенія съ окружающими его предметами, какіе предметы твердые и могутъ ушибить его, ежели онъ объ нихъ стукнется, какіе изъ нихъ тяжелые и могутъ, при паденіи, повредить который-либо изъ его членовъ. Ребенокъ узнаётъ опытомъ, какой предметъ выдержитъ тяжесть его тѣла и какой—нѣтъ, узнаётъ опытомъ боль, причиняемую ушибомъ, ожогомъ или порѣзомъ, словомъ, постоянно пріобрѣтаетъ новыя свѣдѣнія, какъ ему ограждать себя отъ смерти и опасностей. По прошествіи нѣ-

сколькихъ лѣтъ, когда станетъ проявляться его энергія въ бѣганьи, лазаньи, прыганьи и другихъ гимнастическихъ играхъ, мы замѣтимъ по всѣмъ движеніямъ, развивающимъ мускулы, что понятія ребенка также развились, что соображеніе его сдѣлалось быстрѣе, словомъ, что онъ подготовился къ самооберегаию среди окружающихъ его предметовъ, равно какъ къ встрѣчѣ тѣхъ неожиданныхъ опасностей, на которыя каждому изъ насъ приходится нерѣдко наталкиваться въ жизни. Имѣя въ виду, что сама природа оберегаетъ ребенка съ ранняго возраста, мы, относительно, не должны слишкомъ много заботиться о первоначальномъ воспитаніи, а должны преимущественно хлопотать о томъ, чтобы дать ребенку полную возможность пріобрѣтать необходимую опытность и усвоивать вышесказанную дисциплину. Мы отнюдь не должны идти наперекоръ природѣ, по примѣру неразумныхъ школьныхъ наставницъ, которыя препятствуютъ ввѣреннымъ ихъ надзору дѣвочкамъ предаваться самопроизвольной физической дѣятельности, невольно увлекающей ихъ; черезъ это дѣвочки дѣлаются, сравнительно, неспособными самоохранять себя въ опасныхъ случаяхъ.

Этимъ, впрочемъ, далеко не исчерпывается все то, что заключаетъ въ себѣ воспитаніе, подготовляющее къ непосредственному самосохраненію. Человѣку приходится оберегать свое тѣло не только отъ разныхъ механическихъ поврежденій и разрушеній, но также отъ болѣзней и смерти—этихъ послѣдствій нарушенія физіологическихъ законовъ. Для полноты жизни необходимо не только устраненіе поводовъ къ внезапной смерти, но и устраненіе вредныхъ привычекъ, влекущихъ за собой истощеніе организма и постепенный упадокъ силъ. А такъ какъ при отсутствіи здоровья и энергіи, для человѣка становятся, болѣе или менѣе, невозможными промышленная, семейная, общественная и всякаго другаго рода дѣятельности, то, очевидно, что этотъ видъ непосредственнаго самоохраненія почти также важенъ для насъ, какъ и первый и что, слѣдовательно, знаніе, служащее къ обезпеченію его, должно цѣниться нами очень высоко.

Правда, и здѣсь, по милости природы, мы имѣемъ также готовое руководство для себя. Одаривъ насъ различными ощущеніями и желаніями, она, въ тоже время, благоразумно соразмѣрила ихъ съ главными нашими потребностями. По счастью для человѣка, недостатокъ пищи, сильный жаръ или сильный холодъ возбуждаютъ въ немъ до такой степени настоятельныя требованія, что онъ не можетъ ими пренебречь. Если бы люди всегда быстро удовлетворяли эти и другія, менѣе сильныя, требованія организма, то избѣжали бы многихъ золъ. Если бы за утомленіемъ тѣла и мозга всегда слѣдовалъ отдыхъ, если бы духота, производимая спертымъ воздухомъ, немедленно уничтожалась правильной вентиляціей, если бы люди не ѣли, будучи сыты и не пили, не ощущая жажды, то они страдали бы тогда гораздо рѣже отъ разстройства организма. Но мы такіе невѣжды относительно законовъ жизни, что немногіе изъ насъ знаютъ, что ощущенія суть ничто иное, какъ наши природные руководители (если только мы не ослабили ихъ продолжительнымъ неповиновеніемъ), и притомъ, руководители самые надежные. Такимъ образомъ, хотя природа и дала намъ прочную охрану здоровью, наше невѣжество, въ этомъ случаѣ, дѣлаетъ ее очень часто безполезной.

Значеніе физіологіи. Если кто усомнится въ важности близкаго ознакомленія съ главными принципами физіологіи, какъ средствомъ къ достиженію полной жизни, тотъ пусть осмотрится кругомъ и скажетъ, много ли онъ найдетъ мужчинъ и женщинъ въ зрѣломъ возрастѣ, которые были бы совершенно здоровы. Примѣры значительно крѣпкихъ стариковъ или старухъ попадаются очень рѣдко, чаще всего у насъ передъ глазами образцы людей страдающихъ острыми катаррами, хроническими недугами, общимъ разслабленіемъ и преждевременной старостью. Спросите у любаго изъ окружающихъ васъ, есть ли между ними хотя одинъ, который, въ теченіи своей жизни, не перенесъ той или другой болѣзни, никогда бы не постигшей его, если бы онъ имѣлъ понятіе о законахъ физіологіи и не нарушалъ бы ихъ. Этотъ жалуется на болѣзнь

БИБЛИОТЕКА
№ 02547
БИБЛИОТЕКА
Одес. Дух. Семинаріи
Отд. XIV К. 705
С-71. инв. 16777

сердца, вслѣдствіе ревматической лихорадки, которую онъ нажилъ, не принявъ мѣръ противъ простуды; другой—на боль въ глазахъ, испорченныхъ на всю жизнь отъ усиленныхъ занятій. Вчера намъ передавали, что кто-то сдѣлался хромъ отъ того, что, несмотря на боль, ощущаемую имъ въ ушибленномъ колѣнѣ, не обращалъ на это вниманія и продолжалъ ходить; сегодня мы слышимъ, что другой слегъ въ постель на нѣсколько лѣтъ, потому что не зналъ, что біеніе сердца, которымъ онъ страдалъ, происходило отъ излишняго обремененія мозга. Тутъ разсказываютъ о неизлѣчимомъ недугѣ, нажитомъ вслѣдствіе неразумнаго хвастовства силой; тамъ—объ организмѣ, совершенно разстроенномъ чрезмѣрной, безполезной работой. Кромѣ того, со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы на безконечныя мелкія болѣзни, сопровождаемыя общею слабостью организма. Не говоря уже о страданіяхъ, скукѣ, мрачномъ настроеніи духа, потерѣ времени и денегъ, сопряженныхъ съ болѣзнями, подумайте, какъ много дурное здоровье мѣшаетъ выполненію нашихъ обязанностей, дѣлаетъ все болѣе и болѣе труднымъ, часто даже невозможнымъ всякое занятіе, производитъ раздраженіе нервъ, весьма пагубное для воспитателей дѣтей, препятствуетъ выполненію гражданскихъ обязанностей и обращаетъ удовольствіе въ бремя. Не ясно ли, что физическіе грѣхи, частію прародительскіе, частію наши собственные—эти корни всѣхъ недуговъ—подтачиваютъ болѣе всего другаго полную жизнь и часто превращаютъ ее въ бѣдствіе и тяжкую ношу, тогда какъ, сама по себѣ, она должна составлять благодѣтельный даръ и отраду для человѣка.

Это еще все. Жизнь, такъ страшно подточенная, быстро сокращается. Мы очень ошибаемся, предполагая, будто человѣкъ, оправившись послѣ перенесенной имъ болѣзни, приходитъ въ прежнее состояніе. Ни малѣйшее нарушеніе нормальнаго теченія жизненныхъ функцій не проходитъ даромъ; каждое изъ нихъ оставляетъ извѣстный слѣдъ въ организмѣ. Положимъ, нанесено легкое поврежденіе здоровью; сначала мы его не замѣчаемъ; тѣмъ не менѣе, оно существуетъ и, въ соединеніи съ другими подобными же недоимками, которыхъ

строгая экономическая природа никогда не прощаетъ, оно мститъ намъ сокращеніемъ нашихъ дней. Организмъ человѣческій, обыкновенно расшатывается и преждевременно разрушается отъ скопленія мелкихъ поврежденій, и если мы обратимъ вниманіе, насколько средняя цифра продолжительности жизни ниже цифры возможной продолжительности, то убѣдимся, какъ громадна потеря. Ежели приложить къ безчисленнымъ частнымъ ущербамъ, происходящихъ отъ плохаго здоровья, эту огромную сумму потери, то окажется, что жизнь наша сокращается, обыкновенно, на половину.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что знаніе, содѣйствующее непосредственному самосохраненію, какъ предупреждающее потерю здоровья, есть знаніе первѣйшей важности. Мы отнюдь не утверждаемъ, чтобъ одно обладаніе такимъ знаніемъ могло служить радикальнымъ лѣкарствомъ отъ зла. Очевидно. что въ настоящій періодъ цивилизаціи, люди бываютъ иногда поставлены въ необходимость нарушить принципъ самосохраненія; очевидно также и то, что даже независимо отъ такой необходимости, собственныя слабости часто влекутъ человѣка, вопреки его убѣжденіямъ, къ тому, чтобы приносить въ жертву будущую выгоду настоящему наслажденію. Но мы все-таки утверждаемъ, что истинное знаніе, усвоенное правильнымъ путемъ, можетъ принести несомнѣнную пользу; кромѣ того, мы утверждаемъ, что прежде, чѣмъ сообразоваться съ законами здравія, надо признать ихъ существованіе и что знакомство съ ними должно предшествовать раціональному образу жизни, когда бы мы ни начали его держаться. Въ заключеніе скажемъ, что хорошее здоровье и неразлучный его спутникъ—веселый нравъ суть лучшіе элементы счастія, и потому знаніе, поучающее насъ, какъ поддерживать въ себѣ эти элементы, занимаетъ первое мѣсто въ ряду всѣхъ прочихъ человѣческихъ знаній. Вотъ почему мы утверждаемъ еще и то, что такой курсъ физіологіи, который въ состояніи дать намъ ясное понятіе объ ея общихъ истинахъ и объ ихъ отношеніи къ нашей обыденной жизни, представляетъ самую существенную потребность раціональнаго воспитанія.

Повидимому, странно, что надо доказывать все это; страннѣе еще то, что приходится отстаивать свои доказательства; а между тѣмъ, дѣйствительно, найдется не мало людей, которые отнесутся почти съ насмѣшкой къ сдѣланному нами заявленію. Иной сильно сконфузится, если вы поймаете его въ неточномъ произношеніи имени Ифигенія и сочтетъ себя оскорбленнымъ, если вы заподозрите его въ незнаніи какихъ нибудь измышленныхъ подвиговъ фантастическаго героя, и, въ то же время, не краснѣя сознается, что онъ понятія не имѣетъ о томъ, гдѣ находятся евстафіевы трубы, въ чемъ состоитъ значеніе спиннаго хребта, какое должно быть нормальное біеніе пульса и какъ сокращаются легкія. Усердно хлопоча о томъ, чтобы дѣти ознакомились съ суевѣрными преданіями, существовавшими двѣ тысячи лѣтъ назадъ, родители не позаботятся, чтобы имъ дали понятіе о строеніи и отправленіяхъ ихъ собственнаго тѣла; мало того, они даже не желаютъ, чтобы ихъ этому учили. Вотъ до чего сильно подавляющее вліяніе установившейся рутины; вотъ въ какой страшной степени преобладаютъ въ нашей системѣ воспитанія внѣшнія украшенія надъ пользой.

Обезпеченіе жизненныхъ потребностей. Нѣтъ надобности доказывать, насколько цѣнны знанія, косвенно способствующія самосохраненію облегченіемъ добыванія средствъ къ жизни. Это всѣмъ давно извѣстно и признается массой, можетъ быть, даже исключительной цѣлью воспитанія; но въ то время, когда каждый готовъ усвоить себѣ отвлеченное понятіе, что обученіе, вырабатывающее въ молодежи способность къ дѣловой жизни, не только очень важно, но даже въ высшей степени необходимо, едва ли найдется человѣкъ, который полюбопытствовалъ бы узнать, въ чемъ именно состоитъ обученіе, ведущее къ сказанной цѣли. Дѣйствительно, чтеніе, письмо и ариѳметика преподаются съ надлежащей оцѣнкой ихъ пользы; но этимъ почти все и ограничивается. Весь балластъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ въ школахъ и училищахъ, не имѣетъ иногда никакого соотношенія съ промышленной дѣятельностію, тогда какъ масса другихъ познаній, имѣющихъ непосредственное на нее вліяніе, совершенно упускается изъ вида.

За исключеніемъ весьма немногочисленнаго класса людей, чѣмъ заняты всѣ остальные? Производствомъ, приготовленіемъ и распредѣленіемъ продуктовъ. А отъ чего зависитъ успѣхъ производства, приготовленія и распредѣленія продуктовъ? Отъ умѣнія пользоваться методами, приспособленными къ самой природѣ этихъ продуктовъ, и за тѣмъ, отъ близкаго знакомства съ ихъ физическими, химическими и жизненными началами, на случай, ежели встрѣтится въ томъ надобность; словомъ, весь успѣхъ зависитъ отъ науки. На этомъ разрядѣ знаній, бóльшею частію не вошедшемъ въ курсы нашихъ школъ, основано, такъ сказать, совершеніе тѣхъ процессовъ, которые необходимы для цивилизованной жизни. Какъ ни непреложна эта истина, но, повидимому, никто не сознаетъ ее; ее не замѣчаютъ, благодаря тому, что она слишкомъ обыденна. Чтобы придать болѣе вѣскости нашимъ аргументамъ, докажемъ эту истину бѣглымъ обзоромъ фактовъ.

Минуя самую отвлеченную изъ наукъ—*логику*, руководствуясь которой, каждый крупный промышленникъ или производитель, завѣдомо или не завѣдомо для себя, увеличиваетъ успѣхъ своихъ дѣловыхъ предпріятій, прямо перейдемъ къ математическимъ наукамъ. Самый главный ихъ отдѣлъ, занимающійся исключительно цифрами, служитъ руководствомъ при всевозможныхъ родахъ промышленной дѣятельности, чего бы они ни касались: приведенія ли въ извѣстность каждаго предпріятія, составленія ли смѣтъ, покупки ли, продажи ли продуктовъ, веденія ли счетныхъ книгъ. Слѣдовательно, нѣтъ надобности далѣе доказывать цѣнность этого отдѣла отвлеченныхъ знаній.

Значеніе Геометріи. Для высшей архитектуры необходимо нѣкоторое знакомство съ спеціальнымъ отдѣломъ математики. Неученый деревенскій плотникъ, работающій только на основаніи опыта, неподкрѣпленнаго никакими научными соображеніями, точно такъ же, какъ и строитель Британскаго моста, безпрестанно должны справляться съ законами разстояній;

землемѣръ, измѣряя купленную землю, архитекторъ, дѣлая смѣту дома, который будетъ на ней выстроенъ, подрядчикъ-строитель, возводя фундаментъ этого дома, каменьщики, обтесывая камень, а также всѣ ремесленники, участвующіе въ работѣ, руководствуются непремѣнно геометрическими истинами. Постройка желѣзныхъ дорогъ, отъ начала до конца, зиждется на геометріи; проектировка линіи, проведеніе ея, измѣреніе рвовъ и насыпей, смѣты и сооруженія мостовъ, подземныхъ водопроводовъ, віадуковъ, туннелей, станцій, все держится на геометріи. Точно также она необходима при устройствѣ пристаней, доковъ, дамбъ и другихъ инженерныхъ и архитектурныхъ работъ, которыми усѣяны берега моря и рѣкъ въ Англіи и покрыта вся внутренность страны. То же можно сказать и о безчисленныхъ подземныхъ копяхъ. Въ настоящее время, даже фермеръ, желая правильно положить дренажныя трубы для осушенія своихъ полей, прибѣгаетъ къ ватерпасу, т. е. къ одному изъ орудій геометріи.

Значеніе механики. Перейдемъ теперь къ отвлеченно-конкретнымъ наукамъ. Отъ удачнаго приложенія къ практикѣ самой простой изъ числа ихъ—механики, зависитъ весь успѣхъ современной мануфактуры. Значеніе рычага, маховаго колеса, вóрота и т. д. ясно обнаруживается при устройствѣ каждой машины, а машинамъ, въ теперешній вѣкъ, мы обязаны почти всѣми произведеніями. Вотъ, для примѣра, исторія домашней булки. Земля, куда было посѣяно зерно, осушалась трубами, вылитыми на механическомъ заводѣ; вспахана она была и взборонена машинами; пшеницу сжали, обмолотили и провѣяли машинами; смололи ее и просѣяли машинами; муку обратили бы въ сухари также машинами, если бы ее отправили для этой цѣли въ Госпортъ. Теперь осмотрите комнату, гдѣ вы сидите. Если домъ выстроенъ въ недавнее время, то, вѣроятно, кирпичи его стѣнъ выдѣланы машинами; машинами же были напилены доски и настланы полы, выпилена и отшлифована полка камина, выдѣланы и набиты узорами обои на стѣнахъ; фанерки столовъ, точеныя ножки стульевъ, ковры, занавѣси—все это предметы машиннаго производства. Женская и мужская одежда, сдѣланная изъ гладкихъ, узорчатыхъ или набивныхъ матерій, нетолько выткана, но даже очень часто сшита машинами. Возьмите хоть книгу, которую вы читаете: листы ея выдѣланы одной машиной, а содержаніе ея напечатано другой. Прибавьте къ этому, что мы опять-таки обязаны машинамъ, если имѣемъ возможность развозить товары всюду, куда захотимъ, по морю и по суху; наконецъ, замѣтьте, что успѣхъ и неуспѣхъ торговли положительно зависятъ отъ умѣнья или неумѣнья приложить знаніе механики къ дѣлу. Инженеръ, плохо распознающій прочность матеріаловъ, построитъ такой мостъ, который сейчасъ же развалится. Фабрикантъ, у котораго дурныя машины, не можетъ конкурировать съ тѣмъ, машины котораго болѣе удовлетворяютъ законамъ тренія и инерціи. Строитель кораблей, придерживающійся старинныхъ образцовъ, тотчасъ будетъ затертъ конкурентомъ, строющимъ суда при строгомъ соблюденіи механическихъ правилъ относительно волновой линіи. Способность націи отстаивать свое первенство передъ другими націями зависитъ отъ искусной дѣятельности единичныхъ личностей; изъ этого слѣдуетъ, что тщательное изученіе механики можетъ имѣть вліяніе на судьбу всего государства.

Значеніе физики и химіи въ промышленномъ отношеніи. Переходя изъ отдѣла отвлеченно-конкретныхъ наукъ, занимающихся коренными силами, къ отдѣлу, гдѣ разматриваются частичныя силы, мы вступимъ во вторую, обширую область знаній. Этимъ двумъ группамъ наукъ мы обязаны изобрѣтеніемъ паровой машины, замѣняющей теперь милліоны рабочихъ рукъ. Физика, своими законами о теплотѣ, научила насъ, какъ сберегать топливо при разныхъ производствахъ, какъ увеличивать силу плавильныхъ горновъ, замѣняя жаръ холоднымъ паромъ, какъ вентилировать рудники, какъ предотвращать тамъ взрывы посредствомъ предохранительныхъ лампъ, наконецъ, какъ, при помощи термометра, регулировать безчисленное множество другихъ процессовъ. Физическіе законы о свѣтѣ сдѣлали зрячими стариковъ и близорукихъ; они научили насъ открывать, при пособіи микроскопа, неизвѣстныя

до сихъ поръ причины болѣзней и разныхъ родовъ мошенническія поддѣлки; усовершенствованными маяками они спасли множество судовъ отъ крушеній. Изслѣдованія въ области электричества и магнетизма привели къ изобрѣтенію компаса, чѣмъ спасли несмѣтное число живыхъ существъ отъ смерти и сохранили состояніе милліонамъ людей; открытіемъ электротипа замѣнено очень много искуствъ, и, наконецъ, изобрѣтеніемъ телеграфа пріобрѣтено средство, съ помощію котораго устроиваются теперь торговыя сдѣлки и ведутся политическіе переговоры *).

Нечего уже и говорить объ обстановкѣ нашей домашней жизни. Тутъ, начиная отъ усовершенствованнаго кухоннаго тагана, до стереоскопа въ гостиной, включительно, новѣйшія открытія въ области физики примѣнены къ предметамъ, составляющимъ необходимое условіе нашихъ удобствъ и даже прихотей.

Примѣненіе химіи къ различнымъ производствамъ еще болѣе разнообразно. Бѣлильщикъ, красильщикъ, набойщикъ—каждый изъ нихъ занимается такимъ дѣломъ, успѣхъ котораго зависитъ отъ его умѣнья сообразоваться съ законами химіи. Литье мѣди, олова, цинка, свинца, серебра и чугуна неиначе совершается, какъ при помощи химіи. Рафинировка сахара, выдѣлка газа, варка мыла, производство пороха — все это, болѣе или менѣе, химическія операціи, точно также, какъ приготовленіе стекла и фарфора. Остановилось ли сусло виннаго заводчика въ алкогольномъ броженіи или перешло въ уксусное—это такой химическій вопросъ, отъ котораго зависитъ выгода или убытокъ. Пивоваръ, ведущій торговлю въ обширныхъ размѣрахъ, всегда находитъ выгоднымъ для себя держать химика при заводѣ. Въ настоящее время, едва ли найдется такое мануфактурное производство, гдѣ бы химія

*) Ко всѣмъ этимъ открытіямъ необходимо причислить телефонъ, фонографъ и перо Эдиссона—эти новыя доказательства гигантскаго прогресса науки въ послѣднее время. Когда почтенный авторъ печаталъ свое сочиненіе, о нихъ ничего еще не было слышно. Прим. перев.

не играла главную роль. Чтобы усилить барыши отъ земледѣлія, необходимо также прибѣгать къ руководству химіи. Анализъ удобренія и почвы, изслѣдованіе ихъ относительныхъ примѣненій, употребленіе гипса и другихъ веществъ для сгущенія амміака, извлеченіе пользы изъ окаменѣлостей, производство искусственныхъ удобреній—все это дары химіи, съ которыми каждому фермеру слѣдуетъ хорошенько ознакомиться. На что бы мы ни обратили вниманіе: на сѣрныя спички, на дезинфекцію сточныхъ трубъ, на фотографію, на [illegible] извлекаемые изъ нечистотъ—

Изобрѣтенія Эдиссона.

Фонографъ	1877—78.
Электрическая лампочка (съ угольною нитью)	1880.
Электрохимическій телефонъ	1879.
Угольный телефонъ	1876—79.
Динамомашина	1879.
Телеграфъ химическій	1881.
Телеграфъ для одновременной передачи двухъ депешъ	1886.
Динамопиромагнитная машина	1887.
Новый фонографъ	1888.

рудокоповъ и геологическое инспекторское вѣдомство,—едва ли нужно пускаться въ дальнѣйшія разсужденія по поводу той истины, что изученіе земной коры весьма важно для нашего матеріальнаго благосостоянія.

Значеніе біологіи и соціологіи. Наконецъ, наука о жизни—*біологія*, не вліяетъ ли и она точно также сильно на процессы косвеннаго самосохраненія? Съ тѣмъ, что̀ мы называемъ фабричнымъ производствомъ, она, конечно, имѣетъ мало соотношеній, но за то она неразрывно связана съ необходимымъ для

всего человѣчества употребленіемъ пищи. Такъ какъ земледѣліе должно приноравливать всѣ свои методы къ явленіямъ растительной и животной жизни, то понятно, что изученіе этихъ явленій должно служить главнымъ его базисомъ. Множество біологическихъ истинъ были приняты фермерами и прилагаются ими теперь на практикѣ, чисто на основаніи опыта, безъ всякихъ научныхъ разсужденій. Напримѣръ, они твердо знаютъ, что какое-то удобреніе годится для такихъ-то растеній, что такой-то хлѣбъ истощаетъ почву и дѣлаетъ ее негодною подъ другіе посѣвы; что лошади на плохомъ корму плохо работаютъ; что такія-то и такія-то болѣзни скота проявляются при такихъ-то условіяхъ. Эти и тому подобныя обыденныя свѣдѣнія, почерпнутыя земледѣльцемъ изъ опыта, при постоянномъ обращеніи его съ растеніями и животными, составляютъ его запасъ біологическихъ фактовъ, и чѣмъ богаче этотъ запасъ, тѣмъ вѣроятнѣе успѣхъ. Если же эти отрывочные, неопредѣленные элементарные факты оказываютъ земледѣльцу существенную пользу, то посудите, насколько драгоцѣнны могутъ они быть для него, ежели обратятся въ положительныя, опредѣленныя и обширныя научныя свѣдѣнія. Мы даже и теперь видимъ благодѣтельное вліяніе раціональной біологіи на каждомъ сельскомъ хозяйствѣ. Истина, что чѣмъ холоднѣе животному, тѣмъ болѣе оно потребляетъ пищи и что, слѣдовательно, для избѣжанія лишней траты корма нужно держать скотъ въ теплѣ—чисто теоретическій выводъ—послужила началомъ искуству откармливаніе скота; теперь уже всѣмъ стало извѣстно, что кормъ сберегается при содержаніи скота въ теплыхъ стойлахъ. То же самое можно сказать и насчетъ разнообразія пищи. Физіологи доказали опытами, что не только полезно, отъ времени до времени, измѣнять діэту, но что пищевареніе чрезвычайно облегчается примѣсью различныхъ приправъ въ каждое кушанье. Біологія оказала еще одну огромную услугу сельскому хозяйству, именно, при помощи ея открыто, что скотская болѣзнь, извѣстная подъ именемъ «вертуна», отъ которой ежегодно падали тысячи овецъ, причиняется энтозооном, червемъ, давящимъ на мозгъ животнаго и что послѣ извлеченія этого червя изъ размягченной части черепа, указывающей мѣсто, гдѣ онъ находится, овцы немедленно выздоравливали.

Существуетъ еще наука, о которой мы должны непремѣнно упомянуть, такъ какъ она имѣетъ прямое вліяніе на успѣхи промышленности. Эта наука—*соціологія*. Тѣ люди, которые ежедневно наводятъ справки о положеніи денежнаго рынка, слѣдятъ за биржевымъ курсомъ, разсуждаютъ о вѣроятныхъ сборахъ хлѣба, хлопка, сахара, шерсти, шелка, взвѣшиваютъ шансы войны и на основаніи этихъ данныхъ рѣшаютъ свои торговыя операціи,—всѣ эти люди изучаютъ соціологію. Конечно многіе изъ нихъ не болѣе какъ эмпирики, и потому дѣлаютъ нерѣдко промахи; если же они бываютъ въ барышахъ или въ убыткахъ, то чисто вслѣдствіе того только, правильно или неправильно они отнеслись къ тому или другому факту. Не только крупные фабриканты и купцы должны сообразоваться съ будущими спросомъ и предложеніемъ, основывая свои разсчеты на многочисленныхъ фактахъ, и покорно подчиняться общимъ правиламъ соціологіи, но даже и мелочной торговецъ обязанъ дѣлать то же самое; благоденствіе его очень много зависитъ отъ правильности сужденій о предстоящихъ оптовыхъ цѣнахъ и количествѣ потребленія. Очевидно, что каждый, принимающій участіе въ сложной торговой дѣятельности, существенно заинтересованъ законами соціологіи, на основаніи которыхъ разнообразится эта дѣятельность.

Для тѣхъ, кто занимается производствомъ, мѣною или разсылкою товаровъ, необходимо знакомство съ наукой или съ которымъ-либо изъ ея отдѣловъ. Каждому человѣку, близко или издали соприкосающемуся съ какой бы то ни было отраслью промышленности (исключеній найдется очень мало), приходится имѣть дѣло съ математическими, физическими и химическими свойствами предметовъ; онъ можетъ быть прямо заинтересованъ біологіей, а ужь соціологіей—навѣрное. Успѣхи или неудачи его въ дѣлѣ косвеннаго самосохраненія, т. е. въ пріобрѣтеніи достаточныхъ средствъ къ жизни, въ высшей

степени зависятъ отъ размѣра его знанія одной или нѣсколькихъ изъ вышеупомянутыхъ наукъ,—знанія, положимъ, не раціональнаго, а эмпирическаго, но все-таки знанія. Выраженіе: изучить дѣло,—въ сущности, значитъ, изучить науку, прикосновенную этому дѣлу, хотя бы и не подъ именемъ науки.

Теперь, полагаемъ, что мы уже достаточно выяснили важное значеніе научнаго образованія. Оно, вопервыхъ, подготовляетъ человѣка ко всему вышесказанному, а вовторыхъ, доказываетъ, насколько раціональное знаніе неизмѣримо выше эмпирическаго. Сверхъ того, научное образованіе необходимо каждому не только для того, чтобы понимать, какъ и для чего существуютъ извѣстные предметы и процессы, къ которымъ онъ имѣетъ прямое отношеніе въ качествѣ производителя или потребителя, но чаще всего для него важнѣе знать, какъ и для чего существуютъ разные другіе предметы и процессы. Въ нашъ вѣкъ акціонерныхъ предпріятій, почти каждый человѣкъ (кромѣ земледѣльцевъ), помимо личныхъ своихъ дѣлъ, заинтересованъ, какъ капиталистъ, въ томъ или другомъ предпріятіи; будучи же въ нихъ заинтересованъ, онъ необходимо долженъ запастись нѣкоторыми свѣдѣніями по части наукъ, имѣющихъ вліяніе на эти предпріятія. Вотъ примѣры. На разработкѣ одной копи нѣсколько акціонерныхъ обществъ разорились до-тла, вслѣдствіе того, что ни одинъ изъ членовъ не зналъ, что подъ породами краснаго песчанника никогда не бываетъ залежей каменнаго угля. Сколько усилій было употреблено, чтобы построить электро-магнитныя машины, въ надеждѣ замѣнить ими паръ; но если бы капиталисты, пожертвовавшіе на эти опыты деньги, имѣли понятіе о коренномъ законѣ соотношенія и равновѣсія силъ, то ихъ капиталы продолжали бы спокойно лежать у банкировъ. И теперь еще люди ежедневно втягиваются въ предпріятія, увлекаемые такими изобрѣтеніями, несостоятельность которыхъ могъ бы имъ доказать каждый новичокъ въ наукѣ. Едва ли найдется мѣстность, которая не имѣла бы своей исторіи о погибшихъ состояніяхъ, брошенныхъ на вѣтеръ для осуществленія невозможныхъ проектовъ.

Если и теперь потери, вслѣдствіе недостатка научныхъ свѣдѣній, такъ часты и такъ велики, то онѣ будутъ еще значительнѣе съ теченіемъ времени и чаще будутъ обрушиваться на тѣхъ, кто попрежнему станетъ относиться съ пренебреженіемъ къ наукѣ. Когда производительные процессы сдѣлаются болѣе научными—что неизбѣжно при увеличивающейся конкуренціи—когда акціонерныя общества еще болѣе разовьютъ свою дѣятельность—а это несомнѣнно—для каждаго изъ насъ тотчасъ же усилится необходимость въ научныхъ знаніяхъ.

То знаніе, которое совершенно упускается изъ вида въ нашихъ учебныхъ курсахъ, оказывается въ самой тѣсной связи съ житейскими дѣлами. Наша промышленность совершенно прекратилась бы, если бы люди, по окончаніи курса своего воспитанія, какъ у насъ принято говорить, не старались пріобрѣтать необходимыхъ для нея познаній; мало того, промышленность совсѣмъ бы перестала существовать, если бы эти познанія не накоплялись изъ столѣтія въ столѣтіе и не распространялись неоффиціальнымъ путемъ. Если бы въ Англіи не было другаго рода обученія, кромѣ того, которое преподается въ публичныхъ школахъ, страна эта оставалась бы и теперь такою же, какой она была въ феодальныя времена. То быстро возрастающее ознакомленіе съ законами явленій, которое, въ теченіи многихъ вѣковъ, научало насъ, какъ подчинять природу нашимъ потребностямъ и, въ настоящее время, дало простому рабочему возможность пользоваться комфортомъ, лѣтъ триста тому назадъ недоступнымъ самимъ королямъ,—едва ли можетъ считаться результатомъ установленнаго въ школахъ метода обученія юношества.

Наука жизни, благодаря которой англійская нація сдѣлалась тѣмъ, что она есть теперь, и которая служитъ основаніемъ нашему существованію, эта наука усвоивается человѣкомъ въ углахъ и закоулкахъ, тогда какъ въ установленныхъ обществомъ учрежденіяхъ для обученія юношества, бо́льшею частію, пережовываются только мертвыя формулы.

Подготовка къ родительскимъ обязанностямъ. Мы дошли

теперь до третьяго, важнаго отдѣла человѣческой дѣятельности, отдѣла, къ которому никто никогда не подготовляется. Если бы, по какому-нибудь странному случаю, будущему отдаленному потомству не осталось въ наслѣдство отъ насъ ничего, кромѣ груды учебниковъ и бумагъ педагогическаго совѣта,—воображаемъ, какъ бы былъ пораженъ антикварій той эпохи, не найдя въ нихъ ни малѣйшаго указанія на то, что учащіеся могли бы сдѣлаться когда-нибудь родителями. «Этотъ курсъ обученія, вѣроятно, предназначался для безбрачныхъ, рѣшилъ бы онъ, конечно. Я замѣчаю здѣсь тщательную подготовку къ изученію различныхъ предметовъ, преимущественно, къ чтенію книгъ вымершихъ и современныхъ націй, кромѣ своей собственной (изъ чего я заключаю, что у этого народа было весьма мало хорошихъ литературныхъ произведеній на отечественномъ языкѣ); но я не нахожу нигдѣ даже намека на то, какъ воспитывать дѣтей. Неужели они были такъ глупы, что исключали изъ программы учебнаго курса все то, что́ касается подготовки къ этой важнѣйшей изъ всѣхъ человѣческихъ обязанностей? Очевидно, это былъ элементарный курсъ для какого-нибудь монашескаго ордена».

Въ самомъ дѣлѣ, не поразителенъ ли тотъ фактъ, что хотя отъ ухода за дѣтьми зависятъ ихъ жизнь и смерть, ихъ нравственное благосостояніе и гибель,—ни одного слова наставленія, какъ обращаться съ дѣтьми, не прочтутъ и не услышатъ тѣ, кто, рано или поздно, будетъ имѣть ихъ? Не уродство ли это, что судьба молодого поколѣнія отдается въ жертву глупымъ обычаямъ, привычкамъ, фантазіямъ, а также внушеніямъ необразованныхъ нянекъ и, полныхъ предразсудковъ, совѣтамъ бабушекъ? Если бы купецъ началъ вести серьёзное коммерческое дѣло, ни имѣя ни малѣйшаго понятія объ ариѳметикѣ и бухгалтеріи, мы бы ахнули на его безразсудство и стали бы ждать роковыхъ послѣдствій такого легкомыслія. Или, если бы человѣкъ, не зная анатоміи, вздумалъ заявить себя хирургомъ,—мы бы удивились его смѣлости и пожалѣли бы его паціентовъ. Но когда родители приступаютъ

къ трудному дѣлу воспитанія дѣтей, ни разу не подумавъ о физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ началахъ, которыми имъ слѣдовало бы руководиться, мы не удивляемся и не жалѣемъ будущихъ жертвъ.

Присоедините къ десяткамъ тысячъ уморенныхъ дѣтей сотни тысячъ пережившихъ младенческій возрастъ, но слабенькихъ, тщедушныхъ и, затѣмъ, милліоны доживающихъ до зрѣлыхъ лѣтъ, но далеко не съ тѣмъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, какое имъ слѣдовало бы имѣть, — и вы получите нѣкоторое понятіе о томъ вредѣ, который наносятъ своему потомству родители, незнающіе законовъ жизни. Подумайте только, что діэтетика, которой подвергаютъ дѣтей, ежечасно вліяетъ на ихъ организмъ и нравственность, ко вреду или ко благу всей ихъ послѣдующей жизни, что изъ 20 способовъ, примѣняемыхъ къ дѣлу, едва ли найдется одинъ правильный — и вы убѣдитесь въ громадномъ вредѣ отъ повсемѣстно принятой, безсмысленной, рискованной системы воспитанія.

Мода рѣшила, что мальчиковъ надо одѣвать въ легкія, короткія платьица и пускать ихъ бѣгать съ посинѣвшими отъ холода членами; послѣдствія такого рѣшенія моды отзовутся на всемъ будущемъ существованіи ребенка или въ безпрестанныхъ болѣзняхъ, или въ остановкѣ роста, или въ недостаткѣ энергіи, или въ слабомъ развитіи организма, словомъ, во всевозможныхъ преградахъ къ успѣху въ жизни и къ счастію. Ежели дѣтей осуждаютъ на слишкомъ однообразную діэту или кормятъ ихъ недостаточно питательной пищей, то физическія силы ихъ значительно слабѣютъ и періодъ возмужалости, какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ, наступаетъ весьма поздно. Если имъ запрещаютъ шумныя игры, или, изъ опасенія простуды (что́ весьма понятно, когда они плохо одѣты), не выпускаютъ ихъ на воздухъ въ холодную погоду, дѣти, конечно, никогда не достигнутъ той степени силы, которой бы они достигли при другихъ условіяхъ. Когда сыновья и дочери выростаютъ болѣзненными, слабыми, родители, обыкновенно, видятъ въ этомъ несчастіе, испытаніе Бо-

жіе. Имѣя обо всемъ самыя путанныя понятія, они говорятъ, что такое зло постигло ихъ дѣтей безъ причины или отъ сверхъестественныхъ причинъ. Ничуть не бывало; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, несомнѣнно, есть причины наслѣдственныя; въ другихъ же, и притомъ гораздо болѣе многочисленныхъ, — начало зла кроется въ безтолковомъ воспитаніи. Всего чаще отвѣтственность за недуги дѣтей, за ихъ тщедушность, слабость, за ихъ страданія — всецѣло падаетъ на родителей; на нихъ лежитъ прямая обязанность ежеминутно наблюдать за жизнію своего потомства; но они, съ непростительной безпечностью, пренебрегли изученіемъ тѣхъ жизненныхъ процессовъ, на которые сами оказываютъ постоянное вліяніе своими приказаніями и запрещеніями. Полнѣйшіе невѣжды относительно самыхъ простыхъ физіологическихъ законовъ, они, изъ году въ годъ, подтачивали организмъ своихъ дѣтей и, такимъ образомъ, сдѣлались причиной болѣзней и преждевременной смерти не только этихъ дѣтей но и цѣлаго поколѣнія.

Послѣдствія невѣжества родителей. Мы встрѣтимъ точно такое же невѣжество родителей и такія же пагубныя послѣдствія отъ него, когда перейдемъ отъ физическаго воспитанія къ нравственному. Посмотрите на молодую мать и послушайте, какіе законы она предписываетъ въ дѣтской. Немного лѣтъ тому назадъ, она сама сидѣла на школьной скамьѣ, набивая себѣ голову словами, именами и числами; мыслительныя ея способности почти совсѣмъ не упражнялись; ей не давали ни малѣйшаго понятія о методахъ обращенія съ пробуждающимся умомъ младенца и, въ то же время, школьная дисциплина отнюдь не приспособила ее къ изобрѣтенію своего собственнаго метода. Послѣдующіе за школой годы были посвящены молодой дѣвушкой музыкальнымъ упражненіямъ, вышиванью, чтенію романовъ и выѣздамъ; никогда не приходила ей въ голову мысль обдумать важность отвѣтственности, лежащей на матери и, конечно, она не могла пріобрѣсти ни одного изъ тѣхъ прочныхъ, разумныхъ познаній, которыя бы служили подготовкой къ этой отвѣтственности.

Посмотрите теперь, какъ эта молодая, съ не вполнѣ еще сложившимся характеромъ, женщина выполняетъ возложеную на нее обязанность; не понимая вовсе тѣхъ явленій, которыя совершаются на ея глазахъ, она берется за дѣло, не легкое даже для тѣхъ, кто обладаетъ бо́льшими познаніями и опытностію, чѣмъ она. Никогда ничего не слыхавъ о свойствахъ душевныхъ движеній, о порядкѣ ихъ развитія, объ ихъ назначеніи, она не знаетъ, гдѣ кончается польза и гдѣ начинается вредъ. Она вообразила себѣ, что такія-то чувства положительно дурны — что́ совершенно невѣрно — а другія безусловно хороши—чего также нельзя сказать; затѣмъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о строеніи организма, съ которымъ ей приходится имѣть дѣло, она теряется и не знаетъ, какъ обращаться съ нимъ. Есть ли послѣ этого возможность избѣжать тѣхъ пагубныхъ послѣдствій, свидѣтелями которыхъ мы бываемъ на каждомъ шагу? Недостатокъ свѣдѣній по части умственныхъ явленій съ ихъ причинами и послѣдствіями дѣлаетъ вмѣшательство молодой, неопытной матери въ воспитаніе ребенка гораздо болѣе вреднымъ, чѣмъ вполнѣ пассивное отношеніе ея къ этому вопросу. Постоянно противодѣйствуя то тому, то другому проявленію жизненной силы въ ребенкѣ, иногда совершенно нормальному и благотворному, она лишаетъ его удовольствій и пользы, портитъ, какъ его характеръ, такъ и свой собственный, и отчуждаетъ его отъ себя; желая заставить ребенка исполнить то, что, по ея понятію, необходимо нужно, она прибѣгаетъ то къ угрозамъ, то къ ласкамъ или подаркамъ, съ цѣлью закупить его, или же возбуждаетъ въ немъ желаніе произвести пріятное впечатлѣніе на постороннихъ. Молодая мать совсѣмъ забываетъ, что внутреннія побужденія ребенка могутъ, въ это самое время, находится въ совершенномъ противорѣчіи съ наружнымъ его поведеніемъ; но ей и дѣла нѣтъ до того, лишь бы ребенокъ вполнѣ удовлетворялъ внѣшнимъ условіямъ приличія; такимъ образомъ, она сама развиваетъ въ немъ двуличность, страхъ и эгоизмъ, вмѣсто хорошихъ чувствъ. Настаивая на томъ, чтобы дитя всегда говорило правду, она первая подаетъ ему примѣръ против-

наго, когда угрожаетъ ему наказаніями и не приводитъ ихъ въ исполненіе. Молодая мать ежедневно твердитъ дѣтямъ, что они сами должны смотрѣть за собой, а между тѣмъ, появляясь на короткое время въ дѣтской, она сердится и кричитъ на дѣтей за такіе поступки, которые вовсе того не заслуживаютъ. Она и не догадывается, что въ дѣтской, какъ и въ жизни, та только дисциплина дѣйствительно благотворна, когда хорошее и дурное поведеніе вызываетъ естественныя послѣдствія — пріятныя или прискорбныя, смотря по тому, изъ какакого рода дѣйствій они проистекаютъ. Находясь, такимъ образомъ, безъ всякой теоретической поддержки и не обладая способностью руководить своими собственными поступками, на основаніи наблюденій надъ умственнымъ процессомъ, происходящимъ въ дѣтяхъ, молодая мать теряетъ всякій авторитетъ въ своемъ маленькомъ царствѣ: всѣ ея распоряженія порывисты, непослѣдовательны, иногда прямо вредны и были бы даже пагубны, если бы въ природѣ не существовало неудержимаго стремленія каждаго развивающагося ума покорить себѣ всѣ, болѣе слабыя, вліянія.

Наставникамъ необходимо руководствоваться психологіей. А умственное воспитаніе дѣтей: развѣ его точно также не коверкаютъ? Согласитесь, что всѣ вообще проявленія ума, не исключая и развитія его въ ребенкѣ, подчинены извѣстнымъ законамъ, слѣдовательно, нѣтъ никакой возможности правильно руководить воспитаніемъ дѣтей, безъ знанія этихъ законовъ. Глупо было бы со стороны воспитателей предполагать, что они въ состояніи надлежащимъ образомъ регулировать процессъ зарожденія и накопленія понятій въ дѣтскомъ мозгу, ежели они сами не понимаютъ сущность этого процесса. Какая, значитъ, громадная разница между существующимъ методомъ преподаванія и тѣмъ, который долженъ бы былъ существовать, когда почти никто изъ родителей и очень немногіе изъ наставниковъ знакомы съ психологіей. Принятая система обученія дѣтей, какъ и слѣдовало ожидать, крайне ошибочна и по своему содержанію, и по пріемамъ; полезный

разрядъ знаній устраненъ, а безполезный навязывается насильно и притомъ ошибочнымъ путемъ и ошибочнымъ порядкомъ. Подъ вліяніемъ общепринятой узкой идеи, что воспитаніе должно ограничиваться знаніями, почерпнутыми изъ книгъ, родители, къ великому вреду для своихъ малютокъ, слишкомъ рано даютъ имъ въ руки азбуку. Не признавая истины, что книги должны служить только дополнительнымъ пособіемъ, косвеннымъ средствомъ для обученія, когда въ прямыхъ оказывается недостатокъ,—средствомъ, смотрѣть на все чужими глазами, а свои закрывать, наставники спѣшатъ пичкать дѣтей фактами второстепеннаго достоинства, вмѣсто главныхъ. Они не понимаютъ громаднаго значенія самопроизвольнаго обученія, начинающагося съ самаго ранняго возраста; они не догадываются, что вмѣсто того, чтобы пропускать безъ вниманія неутомимую наблюдательность ребенка и бранить его за ежеминутные вопросы: что? какъ? почему?— слѣдуетъ поощрять эту любознательность, давая ей правильное направленіе и удовлетворяя ее по возможности. Наставники же стараются занимать глаза и мысли дѣтей предметами, непонятными для нихъ въ такой ранній періодъ жизни и даже противными имъ; поклонники символовъ знанія, а не самаго знанія, они не сознаютъ, что ребенка тогда только можно ознакомить съ новыми источниками свѣдѣній, доставляемыхъ книгами, когда онъ достаточно ознакомится съ предметами и процессами явленій, встрѣчающимися ему въ домашней жизни, на улицахъ, въ поляхъ и т. д.; и это не потому только, что непосредственныя знанія несравненно дороже косвенно полученныхъ, а также и потому, что все написанное въ книгахъ усвоивается ребенкомъ лишь сообразно съ запасомъ предварительныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ имъ изъ практической жизни. Замѣтьте еще, что это формальное обученіе, слишкомъ рано начатое, ведется почти безъ всякаго соотношенія съ законами умственнаго развитія. Путь интеллектуальнаго прогресса необходимо долженъ начинаться съ конкретныхъ (опредѣленныхъ) наукъ и заканчиваться абстрактными (отвлеченными), а между тѣмъ, такому отвлеченному

предмету, какъ грамматикѣ, который слѣдовало бы преподавать гораздо позднѣе, учатъ дѣтей съ самыхъ раннихъ лѣтъ; въ это же почти время имъ преподается политическая географія—мертвый, неинтересный предметъ для ребенка, составляющій скорѣе дополненіе къ соціологіи, тогда какъ физическую географію, болѣе понятную и болѣе занимательную, чаще всего обходятъ. Почти всѣ преподаваемые предметы распредѣлены въ неестественномъ порядкѣ; дѣтямъ прежде всего хотятъ дать понятіе о значеніи словъ, о различныхъ правилахъ, принципахъ, вмѣсто того, чтобъ пріучить ихъ самихъ дѣлать выводы изъ разнообразныхъ явленій, какъ мы это видимъ въ порядкѣ природы. Но хуже всего, это вредная рутинная система заучиванья наизусть, система, посредствомъ которой разумъ приносится въ жертву мертвой буквѣ. Посмотрите на результаты; отъ того ли, что понятія дѣтей неестественно притупляются, вслѣдствіе долгаго сидѣнья за книгами, отъ неправильнаго ли мышленія, вызваннаго изученіемъ предметовъ прежде, чѣмъ ребенокъ можетъ ихъ понять, и представленіемъ обобщеній прежде фактовъ, отъ которыхъ онѣ происходятъ; отъ того ли, что учениковъ и ученицъ заставляютъ пассивно воспринимать чужія идеи, нисколько не пріучая ихъ къ любознательности и самодѣятельности; отъ того ли, наконецъ, что способности дѣтей чрезмѣрно напрягаются,—только по выходѣ изъ учебныхъ заведеній, немногіе изъ воспитанниковъ обладаютъ той силой ума, которой бы можно было ожидать отъ нихъ. По окончаніи экзамена, книги кладутся въ сторону; бо́льшая часть пріобрѣтенныхъ свѣдѣній быстро вылетаетъ изъ памяти, благодаря безпорядочности, съ которой онѣ усвоивались; то, что еще осталось—мертвый капиталъ, потому что искуство примѣнять знаніе къ практикѣ не преподавалось въ школѣ, а личная способность точнаго наблюденія и независимаго мышленія крайне мало развита. Прибавимъ ко всему этому, что бо́льшая часть свѣдѣній, получаемыхъ въ школѣ, имѣетъ, относительно, очень мало цѣны, тогда какъ огромная масса ихъ, несравненно болѣе цѣнная по своему значенію, оставляется безъ всякаго вниманія.

Важное значеніе теоріи воспитанія. Намъ слѣдовало бы начать съ тѣхъ фактовъ, которые теперь вполнѣ выяснились, а именно: что физическое, нравственное и умственное воспитаніе нашихъ дѣтей въ высшей степени неудовлетворительно. Въ большинствѣ случаевъ, причиной тому сами родители, не обладающіе тѣми знаніями, при помощи которыхъ только и можно руководить дѣтей. Чего ожидать, когда одну изъ самыхъ сложныхъ проблеммъ берутся рѣшать люди, не имѣющіе никакого понятія о правилахъ, отъ которыхъ зависитъ это рѣшеніе? Чтобы умѣть хорошо тачать башмаки, строить дома, управлять кораблемъ или локомотивомъ, надо долго учиться. Неужели же процессъ умственнаго и физическаго развитія человѣка такая простая вещь, что слѣдить за нимъ и направлять его можно безъ всякой подготовки? А если нельзя, если этотъ процессъ сложнѣе всѣхъ прочихъ процессовъ въ природѣ—за исключеніемъ одного—и если задача управлять имъ невыразимо трудна, то не безуміе ли браться за такую задачу, не подготовя себя предварительно къ ней? Лучше пожертвовать внѣшними, украшающими знаніями, чѣмъ пренебречь такимъ существеннымъ знаніемъ. Когда отецъ, дѣйствуя на основаніи ложныхъ принциповъ, принятыхъ имъ безъ всякаго разсужденія, возстановляетъ противъ себя сыновей, озлобляетъ ихъ жестокимъ обращеніемъ, разоряетъ ихъ и самъ дѣлается черезъ то несчастнымъ, ему слѣдуетъ напомнить, что изученіе *этологіи*, или науки о нравахъ и поведеніи, пригодилось бы ему гораздо болѣе, чѣмъ знаніе исторіи Эсхилла. Когда мать оплакиваетъ своего первенца, умершаго отъ скарлатины и врачъ подтвердитъ ея подозрѣніе, что мальчикъ, можетъ быть, и выздоровѣлъ бы, если бы его организмъ не былъ истощенъ чрезмѣрными школьными занятіями, вслѣдствіе чего, несчастная изнемогаетъ отъ горя и угрызеній совѣсти,—для нея едва ли послужитъ утѣшеніемъ то, что она можетъ читать Данта въ оригиналѣ.

И такъ мы видимъ, что для управленія третьимъ, большимъ отдѣломъ человѣческой дѣятельности нужно одно—знаніе законовъ жизни. Нѣкоторое знакомство съ главными прин-

ципами физіологіи и элементарными истинами психологіи необходимо для правильнаго воспитанія дѣтей. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе прочтутъ это заявленіе наше съ улыбкой; имъ покажется нелѣпостью, чтобы родители изучали такіе мудреные предметы; дѣйствительно, была бы явная нелѣпость, если бы мы потребовали, чтобы всѣ вообще отцы и матери обладали обширными свѣдѣніями по этой части. Но мы совсѣмъ не то говоримъ; дѣло идетъ объ общихъ принципахъ, съ присоединеніемъ къ нимъ такихъ объясненій, которыя дали бы родителямъ точныя понятія о предметѣ,—вотъ и все; а этому они могли бы научиться если не раціональнымъ, тѐ догматическимъ путемъ. Какъ бы то ни было, но слѣдующіе факты неоспоримы: умственное и физическое развитіе дѣтей подчиняется извѣстнымъ законамъ; коль-скоро родители хотя нѣсколько отступятъ отъ этихъ законовъ, смерть ребенка неизбѣжна; если они хотятъ избавить своихъ дѣтей отъ серьезныхъ физическихъ и умственныхъ недостатковъ, они должны строго подчиняться всѣмъ правиламъ этихъ законовъ; достиженіе совершенной зрѣлости возможно для ребенка только при полномъ соблюденіи всего того, что предписывается этими законами. Судите теперь, не должны ли тѣ, кто надѣется со временемъ сдѣлаться отцомъ или матерью, стремиться узнать, въ чемъ именно состоятъ эти законы?

Подготовка къ роли гражданина. Отъ родительскихъ обязанностей перейдемъ къ обязанностямъ гражданина; но сначала надо опредѣлить, что именно необходимо знать человѣку, чтобъ быть подготовленнымъ къ выполненію этихъ обязанностей. Отнюдь нельзя сказать, чтобы потребность знанія, подготовляющаго къ гражданскимъ обязанностямъ, оставалась у насъ неудовлетворенною; напротивъ, въ программу нашихъ школьныхъ курсовъ входитъ нѣсколько наукъ, касающихся—по крайней мѣрѣ, номинально—политическихъ и соціальныхъ обязанностей. Самое видное мѣсто въ этомъ отдѣлѣ занимаетъ исторія.

Безполезность исторіи, преподаваемой въ нашихъ школахъ. Выше уже сказано нами, что свѣдѣнія, получаемыя

дѣтьми подъ видомъ исторіи, не имѣютъ ровно никакой цѣны въ слыслѣ руководства. Едва ли который нибудь изъ фактовъ, изложенныхъ въ нашихъ школьныхъ учебникахъ и весьма немногіе изъ напечатанныхъ въ болѣе пространныхъ сочиненіяхъ, изданныхъ для взрослыхъ, выясняютъ дѣйствительныя причины политическихъ событій. Біографіи монарховъ (а наши дѣти только это и заучиваютъ наизусть) не даютъ почти никакой идеи о современномъ состояніи общества; всѣ эти придворныя интриги, заговоры, похищенія престоловъ и тому подобное, равно какъ описаніе личностей, участвовавшихъ въ этомъ, очень мало выясняютъ причины національнаго прогресса. Мы читаемъ, напримѣръ, о какомъ-нибудь спорѣ изъ-за власти, окончившемся битвой; авторъ называетъ по именамъ такихъ-то и такихъ-то полководцевъ и главныхъ изъ подчиненныхъ имъ лицъ; разсказываетъ, сколько у сражающихся было пѣхоты, кавалеріи, орудій, описываетъ, какъ расположены были войска, какъ они маневрировали, какъ атаковали непріятеля на одномъ пунктѣ и отступили на другомъ; какъ въ такую-то часть дня они понесли такое-то пораженіе, а въ другую—одержали такую-то побѣду; какъ при одномъ особенномъ движеніи палъ такой-то изъ главныхъ военачальниковъ, а при другомъ—искрошили цѣлый полкъ такого-то названія; какъ, послѣ долгихъ колебаній успѣха, побѣда была одержана той или этой арміей; обѣ стороны потеряли столько-то убитыми и раненными, а побѣдители взяли въ плѣнъ столько-то. Теперь скажите, изъ этой массы подробностей, составляющихъ сущность историческаго разсказа, есть ли хоть одна, которая бы могла произвести какое-либо вліяніе на образъ вашихъ дѣйствій, какъ гражданина? Положимъ даже, что вы внимательно прочли не только сочиненіе *Пятнадцать рѣшительныхъ міровыхъ битвъ*, но и описаніе всѣхъ прочихъ битвъ, о которыхъ упоминается въ исторіи,—научило ли бы васъ это чтеніе разсудительнѣе подать свой голосъ на ближайшихъ выборахъ? Но, вѣдь, все это факты и факты интересные, скажете вы. Безъ сомнѣнія (если только всѣ они вообще или отчасти не выдуманы); для многихъ они могутъ

быть даже весьма интересными фактами, но это еще не доказываетъ, чтобы они имѣли какую-нибудь дѣйствительную цѣнность.

Ложное или извращенное мнѣніе часто придаетъ кажущуюся цѣнность предметамъ, вовсе этого не заслуживающимъ. Маніакъ цвѣтоводъ не продастъ любимой своей тюльпанной луковицы даже на вѣсъ золота. Для любителя древностей обладаніе безобразнымъ черепкомъ стараго китайскаго фарфора составляетъ высшее счастіе. Есть люди, платящіе большія деньги за останки знаменитыхъ убійцъ. Нельзя же утверждать, чтобы такого рода вкусы могли служить мѣриломъ цѣнности предметовъ, а если нельзя, то надо согласиться и съ тѣмъ, что слабость къ нѣкоторымъ историческимъ фактамъ не есть еще доказательство ихъ цѣнности, и потому мы должны опредѣлить ее, какъ опредѣляемъ другіе факты, то есть, узнать, какое употребленіе можно сдѣлать изъ нихъ. Если вамъ придутъ сказать, что кошка вашего сосѣда вчера окотилась,—вы отвѣтите, что это свѣдѣніе не имѣетъ для васъ никакой цѣны, хотя въ сущности, это также фактъ, но фактъ, вполнѣ безполезный, никоимъ образомъ не могущій вліять на вашу жизнь и помочь вамъ научиться, какъ жить полной жизнію. Приложите теперь это мѣрило къ массѣ историческихъ фактовъ, и вы получите тотъ же самый результатъ; изъ нихъ нельзя вывести никакихъ заключеній, потому что это все безполезные, разбросанные факты, не могущіе служить руководящимъ началомъ, а въ этомъ-то преимущественно и состоитъ назначеніе фактовъ. Читайте ихъ, если хотите, для развлеченія, но не льстите себя надеждой, что вы поучаетесь черезъ нихъ.

То, что, собственно, составляетъ *исторію* по бо́льшей части выпускается изъ историческихъ сочиненій; только въ послѣдніе годы, историки начали давать намъ дѣйствительно цѣнныя свѣдѣнія. Такъ какъ въ прошедшія времена, король былъ все, а народъ—ничто, то и въ исторіи тѣхъ временъ дѣянія королей наполняли всю картину, тогда какъ жизнь народа служила только темнымъ фономъ для нея. Теперь же,

когда благосостояніемъ народа начинаютъ интересоваться гораздо болѣе, чѣмъ благосостояніемъ правителей, историки начали внимательнѣе слѣдить за явленіями соціальнаго прогресса. Предметъ, дѣйствительно стоющій изученія—это соціологія; намъ нужно знать всѣ факты, могущіе объяснить какъ нація организовалась и какъ она развивалась. Дайте намъ, вопервыхъ, понятіе о правительствѣ страны, затѣмъ, дайте какъ можно менѣе пустыхъ подробностей о личностяхъ, составлявшихъ это правительство, и какъ можно болѣе подробностей о томъ, что́ совершено при немъ: какія учрежденія оно установило, какихъ методовъ придерживалось въ дѣлѣ администраціи, какими предразсудками руководилось, какой вредъ нанесло странѣ и т. д.; опишите намъ характеръ и дѣйствія не только центральнаго правительства, но и всѣхъ мѣстныхъ, до мельчайшихъ ихъ развѣтвленій; параллельно съ этимъ дайте намъ также понятіе о духовномъ управленіи, объ его составѣ, образѣ жизни, силѣ власти и отношеніяхъ къ государству; прибавьте къ этому свѣдѣнія объ обрядахъ, вѣроисповѣданіи, религіозныхъ идеяхъ, не только номинально принятыхъ, но и искренно исповѣдуемыхъ и служащихъ основой народной жизни; разскажите намъ о взаимномъ вліяніи сословій одного на другое, выражаемомъ въ общественныхъ законахъ приличія, титулахъ, привѣтствіяхъ и формѣ разговора; познакомьте насъ со всѣми обычаями народной жизни дома и внѣ дома, включивъ сюда взаимное отношеніе половъ и отношеніе родителей къ дѣтямъ; укажите образцы народнаго суевѣрія, начиная съ древнихъ миѳовъ, до простаго колдовства; затѣмъ, разверните передъ нами картину промышленной системы страны, чтобы показать, до какихъ размѣровъ было доведено раздѣленіе труда, какъ распредѣлялись ремесла — по кастамъ, гильдіямъ или иначе; каковы были отношенія между хозяевами и рабочими; посредствомъ кого и чего разсылались товары, каковы были пути сообщенія, какія деньги ходили въ обращеніи. Слѣдовало бы также дать отчетъ о промышленныхъ искуствахъ, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія техники, указать, какія производства были бо-

лѣе въ ходу и каково было качество продуктовъ. Далѣе нужно бы обрисовать умственное состояніе націи въ различныхъ фазисахъ его, не только по отношенію къ роду и размѣрамъ воспитанія, но и по отношенію къ научному прогрессу и преобладающему образу мыслей. Степень эстетической культуры сказывается въ архитектурѣ, живописи, одеждѣ, музыкѣ, поэзіи и народныхъ вымыслахъ. Все это необходимо нужно описать, не забывъ упомянуть о вседневной жизни народа, объ его пищѣ, жилищахъ и развлеченіяхъ. Наконецъ, въ заключеніе, въ видѣ связи общихъ фактовъ, надо представить теоретическую и практическую нравственность всѣхъ классовъ, отразившуюся въ законахъ, привычкахъ, поговоркахъ и поступкахъ. Собраніе такого рода фактовъ должно быть передано съ той краткостію, какая только возможна при полной ясности и точности изложенія; ихъ слѣдуетъ сгрупировать и распредѣлить въ такомъ порядкѣ, чтобы они могли быть поняты въ цѣломъ и разсматриваемы, какъ находящіяся во взаимной зависимости части одного великаго цѣлаго. Главная цѣль подобнаго способа изложенія состоитъ въ томъ, чтобы читатель тотчасъ могъ замѣтить связь, существующую между событіями и могъ узнать, какія соціальныя явленія тождественны между собой. Соотвѣтственныя описанія послѣдующихъ вѣковъ должны быть такъ составлены, чтобы мы могли сейчасъ видѣть, какъ принимались каждое вѣрованіе, каждое учрежденіе, обычаи и порядки и какая связь существуетъ между предшествующими и послѣдующими учрежденіями и порядками. Вотъ единственный родъ свѣдѣній, касающихся прошедшихъ временъ, которыя могутъ служить гражданину руководствомъ при выполненіи имъ его обязанностей. Единственная исторія, имѣющая практическую цѣнность, есть, такъ называемая, *описательная соціологія*. Высшая услуга, какую можетъ оказать историкъ человѣчеству, заключается въ умѣньи составить такого рода описаніе жизни націи, чтобы оно послужило матеріаломъ для сравнительной соціологіи и послѣдовательныхъ опредѣленій конечныхъ законовъ—этого основанія всѣхъ соціальныхъ явленій.

Наука, какъ ключъ къ исторіи. Надо замѣтить, что заручившись даже достаточнымъ запасомъ этихъ, дѣйствительно цѣнныхъ, историческихъ свѣдѣній, мы, сравнительно, не извлечемъ изъ нихъ большой пользы, ежели не будемъ имѣть къ тому ключа; ключъ же этотъ можетъ дать только наука. При отсутствіи біологическихъ и психологическихъ обобщеній, нѣтъ возможности раціонально объяснять себѣ соціальныя явленія; люди тогда только сдѣлаются способны понимать самые простые факты соціальной жизни, какъ, напримѣръ, отношенія между предложеніемъ и спросомъ, — когда они запасутся соразмѣрнымъ количествомъ первоначальныхъ, эмпирическихъ понятій о человѣческой природѣ. А такъ какъ самыя элементарныя истины соціологіи не могутъ быть поняты безъ нѣкотораго знанія того, какъ вообще люди думаютъ, чувствуютъ и дѣйствуютъ въ данныхъ обстоятельствахъ, то очевидно, что обширныя свѣдѣнія въ соціологіи возможны лишь при соотвѣтствующемъ ознакомленіи съ физическими и умственными способностями человѣка. Разсмотрите этотъ вопросъ съ отвлеченной точки зрѣнія, и выводъ обнаружится самъ собой. Общество состоитъ изъ индивидуумовъ; все, что совершается въ обществѣ совершается совокупными дѣйствіями индивидуумовъ, слѣдовательно, индивидуальныя дѣйствія служатъ ключомъ къ разрѣшенію всѣхъ соціальныхъ явленій. Но дѣйствія индивидуумовъ зависятъ отъ законовъ ихъ природы, а потому, чтобы понять эти дѣйствія, надо прежде понять самые законы ихъ; законы же эти, въ наипростѣйшей ихъ формѣ, оказываются выводами изъ законовъ тѣла и духа вообще. Изъ этого слѣдуетъ, что понимать соціологію нельзя иначе, какъ изучивъ прежде біологію и психологію, или, выражаясь проще: всѣ соціальныя явленія суть явленія жизни въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, подчиненныя законамъ жизни, и понять ихъ можно только послѣ изученія этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ, управленіе четвертымъ отдѣломъ человѣческой дѣятельности зависитъ, какъ и первыхъ трехъ, отъ науки. Изъ свѣдѣній, получаемыхъ человѣкомъ, въ теченіе курса его школьнаго воспитанія, очень немногія могутъ быть ему по-

лезны при исполненіи имъ гражданскихъ обязанностей. Только небольшая часть пройденной имъ исторіи пригодится ему на практикѣ; но онъ недостаточно подготовленъ, чтобы умѣть извлечь изъ нея пользу; онъ не только не чувствуетъ потребности въ матеріалахъ къ описательной соціологіи, но даже не имѣетъ понятія объ этой наукѣ; точно также онъ не имѣетъ понятія объ обобщеніяхъ органическихъ наукъ, безъ которыхъ описательная соціологія немного ему поможетъ.

Эстетическое воспитаніе. Наконецъ, мы дошли до пятаго, послѣдняго отдѣла человѣческой дѣятельности, состоящаго изъ пріятныхъ занятій и развлеченій, наполняющихъ свободное отъ трудовъ время. Разсмотрѣвъ, какого рода воспитаніе лучше всего приспособляетъ человѣка къ самосохраненію, пріобрѣтенію средствъ къ жизни, исполненію родительскихъ обязанностей и къ соціальной политической дѣятельности, намъ предстоитъ теперь обсудить вопросъ, какого рода воспитаніе приспособляетъ человѣка къ другимъ разнообразнымъ цѣлямъ, не вошедшимъ въ упомянутую программу, именно: къ наслажденію природой, литературой и изящными искуствами во всѣхъ ихъ формахъ. Такъ какъ мы упоминаемъ о нихъ въ концѣ, послѣ предметовъ, гораздо болѣе необходимыхъ для человѣческаго благосостоянія, подводя каждый предметъ подъ мѣрило его цѣнности, то можно предположить, что мы отнесемся слегка къ этимъ, не столь нужнымъ, предметамъ. Но такое заключеніе было бы крайне ошибочно. Мы не менѣе другихъ признаемъ цѣну и значеніе эстетической культуры и доставляемыхъ ею удовольствій. Безъ живописи, скульптуры, музыки, поэзіи и пріятныхъ ощущеній, вызываемыхъ красотою всякаго рода, жизнь утратила бы половину своихъ прелестей. Мы не только не считаемъ развитіе и удовлетвореніе вкуса вещью не нужной, но горячо вѣримъ, что, рано или поздно, наступитъ время, когда это стремленіе будетъ играть въ жизни человѣческой гораздо бо́льшую роль, чѣмъ теперь. Когда человѣкъ, вполнѣ поработитъ, для собственной пользы, силы природы, когда орудія производствъ дойдутъ до совершенства, слѣдствіемъ чего будетъ громадное сбереженіе труда, когда

воспитаніе достигнетъ такой системы, при которой подготовка къ наиболѣе существенной дѣятельности потребуетъ, сравнительно, гораздо меньше времени, чѣмъ теперь, и когда, слѣдовательно, у человѣка окажется въ итогѣ очень много свободнаго времени, — тогда прекрасное въ искуствѣ и природѣ непремѣнно обратитъ на себя всеобщее вниманіе. Но признавать эстетическую культуру широкимъ проводникомъ къ счастію, не значитъ еще признавать ее необходимымъ базисомъ человѣческаго благосостоянія. Какое бы важное значеніе она ни имѣла, она все-таки должна стоять позади тѣхъ родовъ культуры, которые прямо вліяютъ на ежедневныя наши обязанности. Выше уже сказано, что литература и изящныя искуства возможны только при существованіи такихъ родовъ дѣятельности, которые дѣлаютъ возможными индивидуальную и соціальную жизнь. Очевидно, что о нихъ слѣдуетъ и говорить послѣ. Цвѣтоводъ ухаживаетъ за растеніемъ ради цвѣтка; онъ дорожитъ корнями и листьями единственно потому, что они способствуютъ развитію его; но хотя цвѣтку, какъ конечному продукту, подчинены всѣ остальныя части растенія, цвѣтоводъ знаетъ, однако, что корни и листья, въ сущности, имѣютъ наибо́льшее значеніе, такъ какъ отъ нихъ зависитъ развитіе цвѣтка. Онъ прилагаетъ всѣ старанія, чтобы растеніе выросло здоровымъ, зная, что было бы безуміемъ ожидать пышнаго цвѣта отъ небрежно выращеннаго растенія. Совершенно то же видимъ мы и въ разсматриваемомъ случаѣ. Архитектура, скульптура, живопись, музыка и поэзія имѣютъ полное право быть названными цвѣтомъ цивилизованной жизни. Допустивъ даже, что онѣ до того важны по своему значенію, что подчиняютъ себѣ цивилизованную жизнь — источникъ ихъ происхожденія (что едва ли можетъ быть доказано), все-таки нельзя не признать, что развитіе здоровой цивилизованной жизни должно стоять на первомъ планѣ, культурѣ же, способствующей этому развитію, слѣдуетъ отвести одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ.

Вотъ гдѣ рѣзко бросается въ глаза несостоятельность нашей воспитательной системы. Она положительно пренебрегаетъ

растеніемъ ради цвѣтка, хлопочетъ объ изяществѣ, забывая существенное; она не дастъ дѣтямъ никакихъ знаній, споспѣшествующихъ самосохраненію; самымъ элементарнымъ образомъ знакомитъ ихъ со способами пріобрѣтенія средствъ къ существованію, предоставляя имъ черпать, какъ придется, бóльшую часть этихъ свѣдѣній изъ послѣдующей жизни; она даже слегка не подготовляетъ ихъ къ исполненію родительскихъ обязанностей и, въ то же время, имѣя въ виду сдѣлать изъ дѣтей хорошихъ гражданъ, сообщаетъ имъ массу фактовъ, большею частію ненужныхъ, безъ всякаго ключа къ объясненію ихъ; но за то, она очень усердно знакомитъ дѣтей со всѣмъ тѣмъ, чтó способствуетъ утонченности, лоску и блеску. Допустимъ, пожалуй, что знаніе нѣсколькихъ новѣйшихъ языковъ вещь весьма пріятная и что чтеніе, разговоры и путешествія даютъ этому знанію нѣкоторую законченность; но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы подобные результаты покупались цѣною знаній, необходимыхъ для жизни и приносимыхъ, въ этомъ случаѣ, въ жертву. Положимъ, что классическое образованіе выработываетъ изящный и правильный слогъ: нельзя же, однако, сказать, чтобы достиженіе изящества и правильности слога могло равняться, по своему значенію, съ усвоеніемъ принциповъ, служащихъ руководствомъ при воспитаніи дѣтей. Допустимъ, что литературный вкусъ можетъ изощриться черезъ чтеніе древнихъ поэтовъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы изощреніе вкуса имѣло такую же степень важности, какъ изученіе законовъ здравія, напримѣръ. Таланты, изящныя искуства, беллетристика и вообще все то, что, какъ мы уже сказали, составляетъ цвѣтъ цивилизаціи, должно быть вполнѣ подчинено научному образованію и дисциплинѣ, на которыхъ зиждется цивилизація. *А такъ какъ эстетической культурѣ посвящаются только свободные часы человѣческой жизни, то она и должна занимать мѣсто въ послѣднемъ отдѣлѣ воспитанія.*

Изящныя искуства основаны на наукѣ. Отведя, такимъ образомъ, настоящее мѣсто эстетическимъ знаніямъ и доказавъ, что изученіе ихъ хотя и входитъ въ отдѣлъ элементарнаго воспитанія дѣтей, однако, должно занимать второстепенное мѣсто, объяснимъ теперь, какое знаніе болѣе всего дѣлаетъ человѣка способнымъ къ вышеназванной послѣдней сферѣ дѣятельности его. На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ то же, что отвѣчали и прежде. Какъ ни странно можетъ показаться съ перваго раза наше утвержденіе, тѣмъ не менѣе, оно вполнѣ вѣрно: высшее искуство, какого бы рода оно ни было, основано на наукѣ, потому что безъ науки немыслимо существованіе ни совершеннаго произведенія, ни точной его оцѣнки. Очень можетъ быть, что многіе изъ знаменитыхъ художниковъ и не обладали научными свѣдѣніями, въ томъ тѣсномъ смыслѣ, какъ у насъ принято понимать это выраженіе; но будучи зоркими наблюдателями по природѣ, они, вѣроятно, всегда обладали запасомъ эмпирическихъ обобщеній, замѣняющихъ науку въ ея низшемъ фазисѣ; не достигали же они совершенства потому, отчасти, что обобщеній-то у нихъ было немного да и тѣ были не точны. Что изящныя искуства основаны на наукѣ, становится яснымъ à priori, когда мы вспомнимъ, что всѣ художественныя произведенія изображаютъ, болѣе или менѣе, объективныя и субъективныя явленія и настолько бываютъ хороши, насколько согласуются съ законами этихъ явленій, а чтобъ достичь послѣдняго, художнику необходимо знать самые законы. Что это заключеніе à priori выведено изъ опыта, мы сейчасъ увидимъ.

Готовясь быть скульпторами, молодые люди должны прежде всего ознакомиться съ костями и мускулами человѣческаго тѣла, изучить ихъ расположеніе, взаимную связь и движеніе мышцъ. Это составляетъ часть науки анатоміи, изученіе которой необходимо для избѣжанія грубыхъ промаховъ, совершаемыхъ неучеными скульпторами. Знаніе правилъ механики также необходимо для нихъ, а такъ какъ художники часто ею пренебрегаютъ, то въ скульпторныхъ произведеніяхъ иногда встрѣчаются важныя механическія погрѣшности. Возьмемъ примѣръ: для изображенія стоящей фигуры требуется, чтобы перпендикулярная линія, идущая отъ центра тяжести—техническое ея названіе: *линія направленія*—проходила чрезъ осно-

ваніе опоры; поэтому, когда человѣкъ принимаетъ положеніе, называемое «покойнымъ», при чемъ одна нога его, на которую онъ опирается, вытянута совершенно прямо, а другая стоитъ свободно, — то линія направленія должна падать въ середину ступни вытянутой ноги. У скульпторовъ же, незнакомыхъ съ теоріей равновѣсія, очень часто положеніе фигуры изображается такъ, что линія направленія падаетъ какъ-разъ посрединѣ, т. е. между ногами. Незнаніе законовъ скорости движенія тѣлъ приводитъ къ такого же рода промахамъ; доказательствомъ этому можетъ служить знаменитая статуя Дискобола, которая такъ поставлена, что изображающій ее атлетъ долженъ неминуемо упасть впередъ въ то самое мгновеніе, какъ онъ броситъ дискъ.

Въ живописи необходимость научныхъ свѣдѣній, хотя бы эмпирическихъ, если не раціональныхъ, еще болѣе очевидна. Почему такъ уморительна китайская живопись, какъ не вслѣдствіе полнѣйшаго нарушенія законовъ зрительныхъ впечатлѣній, нелѣпой линейной перспективы и отсутствія перспективы воздушной? Чѣмъ грѣшатъ картинки ребенка, какъ не такимъ же отсутствіемъ правильности, происходящимъ, въ большинствѣ случаевъ, отъ незнанія того, какъ наружный видъ предметовъ измѣняется сообразно съ существующими въ данный моментъ условіями? Переберите всѣ печатныя руководства живописи и лекціи о ней профессоровъ; разсмотрите критическія статьи Рёскина; взгляните на произведенія художниковъ до-рафаелевской эпохи — и вы убѣдитесь, что прогрессъ въ живописи зависитъ совершенно отъ прогресса понимания эффектовъ природы. Самый зоркій наблюдатель, если не будетъ руководиться наукой, непремѣнно надѣлаетъ ошибокъ. Каждый живописецъ согласится съ нами, что въ природѣ существуютъ дѣйствительныя и мнимыя представленія и что рисующій часто не замѣчаетъ извѣстныхъ особенностей предмета вслѣдствіе того, что онъ измѣнился отъ нѣкоторыхъ условій; не сдѣлать, въ этомъ случаѣ, промаха способенъ только тотъ, кто изучилъ науку о зрительныхъ впечатлѣніяхъ. На что ужь точенъ художникъ Джонъ Люисъ, но и

тотъ, по недостатку научныхъ свѣдѣній, изображаетъ тѣнь отъ рѣшетчатаго окна на противоположной стѣнѣ рѣзко очерченными линіями; онъ никогда бы не нарисовалъ такъ, если бы былъ знакомъ съ явленіями свѣтотѣни. Другой живописецъ, Розетти, подмѣтивъ особаго рода радужную окраску щетинистыхъ поверхностей подъ вліяніемъ извѣстнаго освѣщенія (окраска эта произошла отъ преломленія лучей свѣта, при прохожденіи ихъ черезъ щетинки), дѣлаетъ не менѣе важный промахъ, изображая подобную же окраску на такихъ поверхностяхъ и въ такихъ положеніяхъ, гдѣ она ужь никакъ не могла проявиться.

Мы возбудимъ еще бо́льшее удивленіе въ читателяхъ, сказавъ, что музыка также нуждается въ научной опорѣ. А между тѣмъ, мы готовы доказать, что музыка есть только идеализація естественнаго языка души и что, слѣдовательно, она бываетъ хороша или дурна сообразно тому, насколько она согласуется съ законами этого естественнаго языка. Различныя модуляціи голоса, которыми передаются чувства и выраженія всевозможныхъ оттѣнковъ — вотъ первый зародышъ музыки. Всѣ эти ударенія и ритмы отнюдь не случайны и не произвольны: это чисто результаты извѣстныхъ общихъ принциповъ жизненныхъ проявленій, отъ которыхъ зависитъ и выразительность музыки. Изъ этого слѣдуетъ, что музыкальныя фразы и построенныя на нихъ мелодіи тогда только вполнѣ хороши, когда онѣ находятся въ гармоніи съ вышеупомянутыми принципами. Очень трудно пояснить какъ слѣдуетъ это положеніе; но, можетъ быть, достаточно будетъ привести въ примѣръ то изобиліе безсмысленныхъ балладъ, которыми наводнены гостиныя въ Англіи и которыхъ нужно бы изгнать именемъ науки. Онѣ грѣшатъ противъ нея, во-первыхъ, тѣмъ, что на музыку положены пошлыя слова, не могущія вызвать музыкальной экспрессіи; затѣмъ, второй ихъ грѣхъ относительно науки заключается въ томъ, что въ этихъ балладахъ музыкальныя фразы не имѣютъ никакой естественной связи съ выражаемой ими идеей, даже когда послѣдняя

затрогиваетъ душу. Баллады дурны потому, что ложны, а ложны потому, что не научны.

Въ поэзіи мы видимъ тоже самое; она, подобно музыкѣ, получила свое начало въ тѣхъ естественныхъ способахъ выраженія, которыми передаются глубокія чувства. Ея рифмы, сильныя и многочисленныя метафоры, ея гиперболы, произвольная перестановка словъ — все это только преувеличенная форма рѣчи человѣка, находящагося въ возбужденномъ состояніи. Чтобы стихи были хороши, поэтъ долженъ обращать большое вниманіе на законы дѣйствія нервовъ, которымъ мы подчиняемся въ минуты возбужденія. Но преувеличивая или просто передавая отличительныя черты возбужденной рѣчи, поэтъ не долженъ выходить изъ границъ и не злоупотреблять своими средствами тамъ, гдѣ мысль болѣе спокойнаго характера, и поэтическія выраженія должны быть умѣренны; съ усиленіемъ оживленія мысли, и стихъ долженъ усиливаться; тамъ, гдѣ волненіе и страсть доходятъ до своего апогея, стихъ уже не плавно льется, а несется бурнымъ потокомъ. Напыщенные стихи и вирши бываютъ всегда результатомъ полнѣйшаго уклоненія отъ этихъ правилъ. Въ дидактической поэзіи преимущественно замѣчается неуваженіе къ нимъ, и если у насъ такъ мало истинно-художественныхъ произведеній, то виною этому нежеланіе поэтовъ ближе познакомиться съ естественными правилами поэзіи.

Художнику необходимо знать психологію. Художники всѣхъ отраслей изящныхъ искуствъ не создадутъ истинно прекрасныхъ произведеній, если не изучатъ прежде законовъ явленій, ими изображаемыхъ; кромѣ того, они непремѣнно должны заранѣе знать, какъ подѣйствуютъ на зрителей или слушателей нѣкоторыя особенности ихъ твореній. Это вопросъ уже чисто психологическій. Сила впечатлѣнія, производимаго каждымъ художественнымъ произведеніемъ, зависитъ отъ степени умственныхъ свойствъ тѣхъ, кому ихъ отдаютъ на судъ, а такъ какъ эти свойства, при всемъ ихъ разнообразіи, имѣютъ нѣкоторыя общія черты, то, конечно, должны существовать

и соотвѣтствующія имъ общія правила, на основаніи которыхъ только и создаются истинно прекрасныя произведенія. Эти общія правила не могутъ быть поняты художникомъ и примѣнены имъ къ дѣлу прежде, чѣмъ онъ узнаетъ, какъ онѣ вытекаютъ изъ законовъ духа. Вопросъ, хорошо ли выполнена картина, равносиленъ вопросу, какое впечатлѣніе она произвела на умъ и чувства зрителей. Спрашивая, хорошо ли построена такая-то драма, вы, въ тоже время, спрашиваете, соблюдены ли въ ней всѣ условія, необходимыя для того, чтобы заинтересовать публику и не насиловать ея чувствъ излишнимъ преувеличеніемъ. Точно также, при сочиненіи большой поэмы или сказки, равно какъ при составленіи рѣчи, сила впечатлѣнія много зависитъ отъ искуства автора не утомлять ума и не слишкомъ возбуждать чувствительность въ слушателяхъ или читателяхъ. Каждый художникъ, во время своего воспитанія и въ теченіи своей послѣдующей жизни, накапливаетъ запасъ правилъ, которыми руководствуется въ своей практической дѣятельности. Дойтесь до корня этихъ правилъ — онѣ непремѣнно приведутъ васъ къ психологическимъ принципамъ; художникъ долженъ вполнѣ усвоить себѣ эти принципы съ различными ихъ выводами, чтобы имѣть возможность согласовать съ ними свой трудъ.

Мы нисколько не утверждаемъ, чтобы одна наука могла образовать художника; говоря, что ему необходимо составить себѣ ясное понятіе о руководящихъ законахъ объективныхъ и субъективныхъ явленій, мы вовсе не хотѣли сказать, что знаніе этихъ законовъ можетъ замѣнить природное дарованіе, потому что не только поэты, но и всѣ прочіе художники родятся художниками, а не дѣлаются ими; мы желаемъ доказать, что врожденный талантъ не можетъ обойтись безъ помощи систематическаго знанія. Научныя изслѣдованія много помогутъ, но всего не дадутъ. Высшій результатъ въ искуствѣ достигается сочетаніемъ генія съ наукой.

Наука, какъ мы сказали выше, необходима не только для достиженія совершенства въ художественномъ произведеніи, но также и для полнаго пониманія изящныхъ искуствъ. От-

чего взрослый человѣкъ гораздо болѣе, чѣмъ ребенокъ, способенъ подмѣчать красоты картинъ? Оттого, что въ немъ болѣе развито пониманіе тѣхъ истинъ природы или жизни, которыя переданы художникомъ. Отчего образованный человѣкъ гораздо болѣе наслаждается хорошей поэмой, чѣмъ невѣжда? Не оттого ли, что первый ближе знакомъ съ предметами и дѣйствіями, изображенными въ поэмѣ и находитъ въ нихъ красоты, невидимыя для послѣдняго? А такъ какъ теперь очевидно, что прежде надо освоиться съ предметами, чтобы умѣть оцѣнить ихъ изображеніе, то не остается никакого сомнѣнія, что изображеніе можетъ быть достойно оцѣнено только при условіи совершеннаго пониманія изображеннаго предмета. Несомнѣнно также и то, что чѣмъ болѣе правды въ художественномъ произведеніи, тѣмъ болѣе оно доставляетъ наслажденія развитому уму, — наслажденія, непонятнаго для невѣжды. Чѣмъ естественнѣе, правдивѣе твореніе художника, тѣмъ болѣе впечатлѣнія оно производитъ, тѣмъ болѣе мыслей пробуждаетъ въ головѣ, тѣмъ болѣе приноситъ удовольствія. Но, чтобы испытать все это, зритель, слушатель или читатель должны понимать истины, открываемыя имъ художникомъ, а чтобы понимать ихъ, надо быть посвященнымъ въ тайны науки.

Наука сама по себѣ поэтична. Постараемся не обойти еще одинъ важный фактъ, именно, что на наукѣ не только зиждутся скульптура, живопись, музыка и поэзія, но что и сама по себѣ, она поэтична. Общепринятое мнѣніе, будто наука и поэзія—двѣ противоположности, большое заблужденіе. Несомнѣнно то, что знаніе и душевные порывы, какъ двѣ сознательныя силы, борются между собой; точно также справедливо и то, что чрезмѣрная дѣятельность мыслительныхъ способностей стремится заглушить чувства и, наоборотъ, чрезмѣрно развитая дѣятельность чувствъ стремится ослабить мыслительныя способности. Въ этомъ смыслѣ, конечно, оба рода дѣятельности враждебны одно другому. Но положительно, неправда, чтобы истины науки были лишены поэзіи или, чтобы изученіе науки заставляло смотрѣть враждебно на развитіе

воображенія и любовь къ прекрасному. Напротивъ, наука раскрываетъ передъ нами цѣлый міръ поэзіи, тогда какъ для невѣжества — все мракъ. Люди, посвятившіе себя ученымъ изысканіямъ, постоянно намъ доказываютъ, что они не только также, какъ другіе люди, но даже гораздо живѣе ихъ воспринимаютъ поэзію изучаемыхъ ими предметовъ. Кто прочитаетъ сочиненіе Гуго Миллера о геологіи или Люиса этюды «На берегу моря», тотъ непремѣнно увидитъ, что наука скорѣе вызываетъ поэзію, а не заглушаетъ ее. Прослѣдите жизнь Гёте, и вы поймете, что поэтъ и ученый могутъ слиться въ одной личности. Нелѣпость, даже кощунство предполагать, что чѣмъ болѣе человѣкъ изучаетъ природу, тѣмъ менѣе онъ благоговѣетъ передъ нею. Неужели вы думаете, что на каплю воды, которая, въ глазахъ невѣжды, есть только капля воды, точно также равнодушно смотритъ и физикъ, понимающій, что ея элементы или составныя части сдерживаются между собою силою и что сила эта, будучи внезапно освобождена, произведетъ молнію? Неужели вы думаете, что снѣжный хлопокъ, на который такъ безпечно смотрятъ люди, не посвященные въ тайны науки, не возбуждаетъ возвышенныхъ мыслей въ головѣ ученаго, любующагося, сквозь микроскопъ, на поразительно разнообразныя, изящныя формы снѣжныхъ кристаликовъ? Неужели вы думаете, что округленная скала, испещренная параллельными царапинами, вызоветъ въ умѣ невѣжды такія же поэтическія мысли, какъ и въ умѣ геолога, которому извѣстно, что милліонъ лѣтъ тому назадъ, по этой скалѣ сползъ ледникъ? Вѣрно то, что люди, никогда не занимавшіеся учеными изслѣдованіями, остаются слѣпы ко многимъ поэтическимъ красотамъ, ихъ окружающимъ. Тотъ, кто въ юности не собиралъ растеній и насѣкомыхъ, не имѣетъ понятія объ интересѣ, представляемомъ проселочными дорогами и живыми изгородями. Тотъ, кто не рылся въ землѣ, отыскивая ископаемыхъ, не можетъ себѣ представить, насколько поэтична обстановка тѣхъ мѣстъ, гдѣ скрыты эти сокровища. Тотъ, кто, находясь на берегу моря, не имѣлъ при себѣ микроскопа и акваріума, тотъ не знаетъ всѣхъ прелестей

прибрежной жизни. Грустно видѣть, какими пошлостями занимаются люди, оставаясь совершенно равнодушными къ великимъ явленіямъ природы; имъ и дѣла нѣтъ до архитектуры неба и, въ тоже время, ихъ увлекаютъ чьи-то жалкія распри по поводу интригъ Маріи, королевы шотландской! Они критически-научнымъ образомъ разбираютъ греческую оду и проходятъ мимо великой эпопеи, начертанной перстомъ Божіимъ на пластахъ земли, не взглянувъ даже на нее.

И такъ мы видимъ, что и для этого, послѣдняго отдѣла человѣческой дѣятельности, ученая культура есть лучшее руководство. Мы нашли, что эстетика вообще необходимо должна имѣть своимъ основаніемъ принципы науки и что она можетъ быть изучена съ полнымъ успѣхомъ лишь при посредствѣ близкаго знакомства съ этими принципами. Мы нашли также, что для полученія права на критику и должную оцѣнку художественныхъ произведеній, требуется знаніе свойствъ предметовъ или, иначе, научныя знанія. Наконецъ, мы не только убѣдились, что наука есть пособница всѣхъ родовъ искуствъ и поэзіи, но что она и сама по себѣ поэтична.

Какія знанія всего пригоднѣе для дисциплины. До сихъ поръ мы занимались разработкой вопроса, какимъ знаніемъ мы должны болѣе всего дорожить, какъ руководствомъ; теперь приступимъ къ обсужденію относительной цѣнности различныхъ родовъ знанія по отношенію къ дисциплинѣ. Обзоръ этого отдѣла будетъ у насъ, сравнительно, гораздо короче предъидущаго, да притомъ, и надобности здѣсь нѣтъ въ длинныхъ разсужденіяхъ. Отыскавъ лучшее руководство для одной цѣли, мы, путемъ сравненія, не замедлимъ найти, что полезно и для другой. Можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что въ число пріобрѣтеній того разряда знаній, которое всего полезнѣе для руководства дѣйстіями человѣка, входитъ и умственное упражненіе, какъ лучшее средство для развитія способностей ума. Было бы въ высшей степени несогласно съ прекрасной экономіей природы, если бы для пріобрѣтенія познаній требовалась одна культура, а для умственной гимнастики—другая. Мы сами видимъ, что способности всѣхъ тварей міра развиваются чрезъ выполненіе тѣхъ функцій, къ которымъ онѣ предназначены природой, а вовсе не посредствомъ искуственныхъ упражненій, придуманныхъ для подготовки къ этимъ функціямъ. Краснокожій индѣецъ пріобр таетъ гибкость и проворство, дѣлающія изъ него такого искуснаго охотника, неутомимымъ преслѣдованіемъ звѣрей и птицъ, и, благодаря самой разнообразной дѣятельности, онъ уравновѣшиваетъ свои физическія силы лучше любаго гимнаста. Способность выслѣживать врага и добычу, выработанная въ немъ продолжительной практикой, свидѣтельствуетъ о такой необыкновенной чуткости его, которая бы никогда не могла развиться искуственнымъ воспитаніемъ. Точно тоже мы видимъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Начиная съ бушмена, глаза котораго съ ранняго дѣтства привыкаютъ различать на дальнемъ разстояніи добычу или опасность и достигаютъ почти силы телескопа, и кончая счетчикомъ, развивающимъ ежедневной практикой свою способность считать до того, что онъ въ одно мгновеніе можетъ сложить нѣсколько столбцовъ цифръ, — мы всюду находимъ доказательства, что высшее развитіе способностей выработывается постояннымъ выполненіемъ обязанностей, возлагаемыхъ на насъ условіями жизни. Можно сказать навѣрное a priori, что тотъ же самый законъ примѣнимъ и къ воспитанію, въ обширномъ смыслѣ слова, т. е., что воспитаніе, оказавшееся самымъ полезнымъ руководствомъ относительно образованія человѣка, точно также служитъ полезнымъ руководствомъ и относительно дисциплины. Обсудимъ очевидныя доказательства этого.

Единственная выгода, получаемая отъ излишней слабости нашей къ изученію языковъ,—слабости, сильно обнаруживающейся въ современномъ «порядкѣ жизни», заключается въ томъ, что этимъ способомъ, будто бы, изощряется память, вслѣдствіе чего, въ школахъ придерживаются преимущественно заучиванья несмѣтнаго количества словъ наизусть. Но на дѣлѣ оказывается, что науки представляютъ гораздо болѣе обширное поле для упражненія памяти. Нелегкая, напримѣръ, вещь запомнить все, что относится до нашей солнечной системы, а

еще труднѣе удержать въ памяти то, что до сихъ поръ намъ извѣстно о млечномъ пути. Число составныхъ веществъ въ химіи, ежедневно пополняемыхъ новыми открытіями, до того велико, что немного найдется людей, за исключеніемъ профессоровъ, которые были бы въ состояніи ихъ перечислить; а помнить атомистическое строеніе и взаимное соотношеніе всѣхъ этихъ веществъ едва ли возможно иначе, какъ сдѣлавъ изъ химіи постоянное занятіе. Въ гигантской массѣ явленій, представляемыхъ земною корой, и въ еще болѣе громадной массѣ явленій, представляемыхъ сооержащимися въ ней ископаемыми, заключается такой богатый запасъ матеріаловъ, что для изученія ихъ студенту-геологу потребны цѣлые годы усидчивыхъ трудовъ. Каждый изъ главныхъ отдѣловъ физики: звукъ, теплота, свѣтъ, электричество, — заключаетъ въ себѣ такую тьму фактовъ, что отъ нихъ можетъ придти въ ужасъ любой ученый, который вздумаетъ заучить ихъ всѣ. При переходѣ къ органическимъ наукамъ потребуется еще болѣе усилій памяти. Въ одной анатоміи человѣческаго тѣла такое множество мелкихъ подробностей, что молодому медику приходится перечитывать ихъ разъ по десяти, чтобы удержать навсегда въ своей памяти. Число видовъ растеній, извѣстныхъ ботаникамъ, доходитъ до 320 тысячъ, а разнообразные виды животной жизни, изслѣдованіемъ которыхъ занимаются зоологи, достигли уже цифры 2-хъ милліоновъ. Собраніе фактовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію ученныхъ, до того обширно, что они раздѣляютъ и подраздѣляютъ ихъ, чтобы удобнѣе разработывать. Къ подробнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ въ отведенномъ ему отдѣлѣ, каждый ученый присоединяетъ только общія понятія изъ родственныхъ отдѣловъ, да можетъ быть, еще элементарныя понятія о нѣкоторыхъ другихъ. Такимъ образомъ, ясно, что наука, разработанная даже въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, доставляетъ слишкомъ достаточно упражненій для памяти. Въ концѣ концовъ, наука такая же хорошая дисциплина для развитія этой способности, какъ и изученіе языковъ.

Замѣтьте, впрочемъ, что если для развитія необыкновенной

памяти наука также полезна, какъ и языки, если не болѣе, то она имѣетъ громадное преимущество передъ ними въ томъ отношеніи, что развиваетъ особаго рода память. При изученіи языковъ, связь идей, воспринимаемыхъ умомъ, соотвѣтствуетъ фактамъ, большею частію, случайнымъ, тогда какъ при знакомствѣ съ наукой, связь тѣхъ же идей соотвѣтствуетъ фактамъ, большею частію, непреложнымъ. Правда, что отношенія словъ къ ихъ значенію, въ нѣкоторомъ смыслѣ, нормальны; что за происхожденіемъ этихъ отношеній можно прослѣдить на извѣстное разстояніе назадъ, хотя рѣдко до самаго корня слова и, наконецъ, что законы этого происхожденія образуютъ одну изъ отраслей умственной науки — филологіи; но если нельзя доказать, что принятая система изученія языковъ выясняетъ эти нормальныя отношенія между словами и ихъ значеніемъ и что она даетъ учащемуся точныя понятія о законахъ происхожденія словъ, то надо согласиться, что отношенія эти изучаются вообще на весьма не прочныхъ основаніяхъ. Напротивъ, отношенія, представляемыя наукой, вполнѣ основательны и, при правильномъ преподаваніи, онѣ и понимаются въ такомъ смыслѣ. Слѣдовательно, изученіе языковъ знакомитъ насъ съ нераціональными, а наука—съ раціональными отношеніями, и тогда какъ въ первомъ случаѣ упражняется одна память, во второмъ — упражняются и память, и умъ.

Замѣтьте далѣе, что огромное преимущество науки надъ языками, какъ средство дисциплины, заключается въ томъ, что она развиваетъ въ человѣкѣ способность разсуждать. Профессоръ Фарадэй, въ одной изъ своихъ лекцій объ умственномъ воспитаніи, читанной имъ въ Королевскомъ институтѣ, очень вѣрно замѣтилъ, что общій умственный нашъ недостатокъ состоитъ въ отсутствіи способности сужденія. «Люди, говоря вообще, замѣчаетъ онъ, не только невѣжды относительно развитія сужденій, но даже невѣжды относительно своего собственнаго невѣжества». Причина, которой онъ приписываетъ такое состояніе общества, заключается въ недостаткѣ научнаго образованія. Вѣрность его вывода оче-

видна. Правильное сужденіе объ окружающихъ насъ предметахъ, о событіяхъ и ихъ послѣдствіяхъ вырабатывается не иначе, какъ съ помощію знанія, въ какой степени зависимости одно отъ другаго находятся окружающія насъ явленія. Никакое обширное знакомство съ значеніемъ словъ не дастъ точнаго пониманія причинъ и дѣйствій. Способность правильнаго сужденія пріобрѣтается только привычкой дѣлать выводы изъ данныхъ и провѣркой, затѣмъ, этихъ выводовъ наблюденіемъ и опытомъ. Неизмѣримое преимущество науки и состоитъ именно въ томъ, что она побуждаетъ насъ къ этой привычкѣ.

Необходимость науки для нравственной дисциплины. Наука не только въ высшей степени полезна для умственной дисциплины, но также и для нравственной. Изученіе языковъ ведетъ скорѣе всего къ увеличенію и безъ того непомѣрнаго уваженія къ авторитетамъ. Слова эти означаютъ то-то и то-то, говоритъ учитель или лексиконъ; въ такомъ-то случаѣ, руководитесь такимъ-то правиломъ, говоритъ грамматика. Ученикъ считаетъ всѣ эти наставленія за непреложныя; впродолженіи цѣлаго урока, онъ напрягаетъ свой умъ на то только, чтобы безмолвно подчиняться догматическому преподаванію. Результатомъ подобнаго состоянія является стремленіе принимать на вѣру все безъ разбора, что уже установлено другими. При научномъ же образованіи обнаруживается совершенно противоположное направленіе ума. Наука постоянно обращается съ запросами къ индивидуальному разсудку; истины ея принимаются въ силу не однихъ авторитетовъ; каждому предоставлена свобода провѣрять ихъ; мало того, нерѣдко случается такъ, что учитель предлагаетъ ученику дѣлать свои собственныя заключенія по поводу такого-то или иного факта. Каждый шагъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ отдается прямо ему на судъ; онъ не обязанъ съ ними соглашаться, пока самъ не убѣдится въ несомнѣнности ихъ. Зародившаяся въ ученикѣ увѣренность въ своихъ силахъ, все болѣе и болѣе, растетъ, вслѣдствіе неизмѣннаго постоянства, съ которымъ природа подтверждаетъ всѣ его выводы, если они правильно

сдѣланы. Вотъ какимъ путемъ формируется самостоятельность—этотъ драгоцѣнный элементъ въ характерѣ человѣка. Впрочемъ, это еще не единственное нравственное благодѣяніе, оказываемое научной культурой; ежели человѣкъ вѣренъ ей, т. е., ежели онъ будетъ неуклонно идти путемъ самобытныхъ изслѣдованій, то въ немъ разовьются устойчивость и правдивость. Вотъ что говоритъ профессоръ Тиндаль объ индуктивномъ изслѣдованіи: «Оно требуетъ терпѣливаго труда и покорнаго, добросовѣстнаго усвоенія того, что намъ открываетъ природа. Первое условіе успѣха—это честное воспринятіе ея откровеній и готовность отречься отъ всѣхъ предвзятыхъ мнѣній, хоть бы излюбленныхъ, если только окажется, что онѣ противорѣчатъ истинѣ. Повѣрьте, примѣры высокаго самоотверженія, о которыхъ свѣтъ никогда даже и не услышитъ, нерѣдко проявляются въ частныхъ изслѣдованіяхъ истиннаго приверженца науки».

Религіозное вліяніе науки. Подъ конецъ намъ остается заявить—хотя мы не сомнѣваемся, что это заявленіе вызоветъ всеобщее удивленіе—что *научная* дисциплина несравненно выше дисциплины обычнаго школьнаго воспитанія, такъ какъ она даетъ человѣку *религіозную* культуру. Конечно, мы употребили здѣсь слова: *научная* и *религіозная* не въ обыкновенномъ, тѣсномъ, но въ высшемъ и обширнѣйшемъ смыслѣ ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что для суевѣрія, выдаваемаго за религію, наука представляется зломъ; но не такъ смотритъ на нее истинная религія, затемняемая только суевѣрными предразсудками. Нѣтъ сомнѣнія также, что принятая современниками наука, большею частію, проникнута антирелигіознымъ духомъ; но не такова истинная наука, которая не скользитъ по поверхности, а углубляется, такъ сказать, въ нѣдра каждаго изслѣдуемаго ею предмета или факта.

«Истинная наука и истинная религія, сказалъ профессоръ Гёксли, заканчивая недавно курсъ своихъ лекцій,—сестры-близнецы; разлучить одну отъ другой, значитъ, навѣрно убить обѣихъ. Наука процвѣтаетъ настолько, насколько она религіозна, а религія процвѣтаетъ соразмѣрно научной глу-

бинѣ и прочности своего базиса. Великія дѣянія философовъ были гораздо менѣе плодомъ ихъ ума, чѣмъ плодомъ необыкновенно религіознаго духа, руководствовавшаго ихъ умомъ; истина уступила скорѣе ихъ терпѣнію, любви, простосердечію и самоотверженію, чѣмъ ихъ логической проницательности».

Не наука нечестива, какъ полагаютъ многіе, а нечестиво пренебреженіе къ ней, нежеланіе изучать окружающій міръ твореній. Возьмемъ для сравненія самый скромный примѣръ. Представьте себѣ писателя, котораго стали бы привѣтствовать ежедневными похвалами въ самыхъ отборныхъ выраженіяхъ, расточать дифирамбы его мудрости, величію и красотѣ его твореній; представьте себѣ, что эти люди, неутомимо расхваливающіе его сочиненія, ограничились бы только созерцаніемъ ихъ обертокъ, ни разу не развернули бы ни одной изъ этихъ книгъ и никогда не сдѣлали бы попытки познакомиться съ ихъ содержаніемъ. Можно ли давать какую-либо цѣну похвалѣ такихъ людей? Что слѣдуетъ думать объ ихъ искренности? Поставивъ въ параллель съ малымъ великое, мы увидимъ, что все человѣчество точно также ведетъ себя по отношенію къ вселенной и ея Творцу, если не такъ же, то еще хуже. Люди не только не даютъ себѣ труда изучать предметы, которые они ежедневно провозглашаютъ удивительными, но очень часто осуждаютъ тѣхъ, кто посвящаетъ свою жизнь наблюденіямъ надъ природой, называютъ ихъ пустыми людьми и даже сердятся на тѣхъ, кто выказываетъ слишкомъ живой интересъ къ чудесамъ ея. Снова повторяемъ, не наука нечестива, а нечестиво пренебреженіе къ ней. Быть преданнымъ наукѣ, значитъ, безмолвно преклоняться передъ нею, безмолвно признавать величіе изучаемыхъ предметовъ, а слѣдовательно, и ихъ причины. Это не есть благоговѣніе на словахъ, а благоговѣніе на дѣлѣ, не голословное уваженіе, а уваженіе, доказанное жертвою времени, мысли и труда.

Истинная наука не только поэтому существенно религіозна, но и потому, что она порождаетъ въ человѣкѣ глубокое уваженіе и безотчетную вѣру въ то единообразіе дѣйствій, которое обнаруживается всѣми предметами. Вслѣдствіе многочисленныхъ опытовъ, ученый пріобрѣтаетъ непоколебимую вѣру въ неизмѣняемость отношеній между явленіями, въ неизмѣняемость связи между причиной и слѣдствіемъ и, наконецъ, въ неизбѣжность хорошихъ или дурныхъ результатовъ. Вмѣсто наградъ и наказаній, обѣщанныхъ традиціоннымъ вѣрованіемъ и смутно ожидаемыхъ людьми, съ надеждой получить первыя и избѣгнуть вторыхъ, несмотря на проявляемое ими ослушаніе,—ученый находитъ, что награды и наказанія заключаются въ установленномъ строѣ вещей и что дурные результаты ослушанія въ этомъ случаѣ неизбѣжны. Онъ видитъ, что законы, которымъ мы обязаны подчиняться, неумолимо строги и благодѣтельны, въ одно и тоже время, видитъ, что подчиненіе имъ ведетъ всегда къ высшему совершенству и полному счастью, вотъ почему онъ постоянно отстаиваетъ ихъ и негодуетъ, если ихъ нарушаютъ. Такимъ образомъ, признавая вѣчные принципы природы и необходимость подчиненія имъ, ученый заявляетъ себя существенно религіознымъ. Отмѣтьте, наконецъ, еще черту религіознаго характера науки, именно, ту, что она одна можетъ дать намъ понятіе о самихъ себѣ и о нашихъ отношеніяхъ къ тайнамъ существованія; она открываетъ все то, что можетъ быть открыто намъ и указываетъ предѣлъ, за которымъ должно кончаться наше знаніе. Не путемъ догматическихъ доказательствъ доводитъ она насъ до сознанія невозможности постичь *конечную причину вещей*, а ясно указываетъ эту невозможность, подводя насъ со всѣхъ сторонъ къ рубежамъ, черезъ которые мы перешагнуть не можемъ. Ничто съ такой очевидностью, какъ наука, не убѣждаетъ насъ въ ничтожествѣ человѣческаго ума передъ тѣмъ, что недоступно человѣческому разумѣнію. Какъ бы гордо она ни относилась къ людскимъ традиціямъ и авторитетамъ, она смиренно преклоняется передъ непроницаемой завѣсой, скрывающей отъ насъ непостижимое; и тамъ, и тутъ она справедливо горда и смиренна. Только настоящій ученый (подъ этимъ названіемъ мы подразумѣваемъ не математика-землемѣра, не физика-лаборанта и не кропотливаго зоолога, а такого ученаго, который путемъ низшихъ истинъ доходитъ до высшихъ),

только настоящій человѣкъ науки можетъ вполнѣ сознавать, насколько выше человѣческаго знанія, даже человѣческаго разумѣнія, Всемірная Сила, проявляющая себя въ природѣ, жизни и мысли.

Изъ всего сказаннаго ясно, что для дисциплины, равно какъ и для руководства, наука неоцѣненна. Во всѣхъ отношеніяхъ гораздо полезнѣе изучать значеніе предметовъ, чѣмъ значеніе словъ; точно также въ умственномъ, нравственномъ или религіозномъ воспитаніи изученіе окружающихъ явленій неизмѣримо полезнѣе изученія грамматики и лексиконовъ.

Отвѣтъ на вопросъ. И такъ, на вопросъ, заданный нами въ началѣ главы: какимъ знаніемъ мы должны дорожить болѣе всего? единственный отвѣтъ будетъ: *наукой.* Другаго приговора по всѣмъ пунктамъ—быть не можетъ. Для непосредственнаго самосохраненія, т. е. для сохраненія жизни и здоровья, самое необходимое знаніе—наука; для косвеннаго самосохраненія, названнаго нами добываніемъ средствъ къ существованію, самое полезное знаніе—наука; для надлежащаго исполненія родительскихъ обязанностей, лучшимъ руководствомъ можетъ служить — наука; необходимый ключъ для разъясненія національной жизни, прошедшей и будущей, безъ чего ни одинъ гражданинъ не можетъ регулировать свой образъ дѣйствій—есть наука; необходимую подготовку для созданія совершеннѣйшаго художественнаго произведенія и для умѣнья извлекать высшее наслажденіе изъ искуствъ разнаго рода — мы находимъ все-таки въ наукѣ; для цѣлей дисциплины умственной, нравственной, и религіозной—самымъ существеннымъ знаніемъ опять будетъ наука. Вопросъ, казавшійся намъ въ началѣ такимъ сложнымъ, въ концѣ нашего разбора оказывается, сравнительно, очень простымъ. Намъ нѣтъ надобности оцѣнивать степени важности различныхъ родовъ человѣческой дѣятельности и различныхъ предметовъ знанія, могущихъ подготовить насъ къ нимъ, когда мы уже убѣдились, что изученіе науки въ самомъ обширномъ ея значеніи есть лучшее руководство для всѣхъ вышеупомянутыхъ родовъ дѣятельности. Намъ нечего рѣшать вопросъ, что необходимѣе — знаніе, имѣющее бо̀льшую, но условную цѣнность, или знаніе, имѣющее ме́ньшую, но существенную цѣнность, такъ какъ мы уже представили доказательства, что знаніе, которое оказывается наиболѣе цѣннымъ во всѣхъ отношеніяхъ, есть, конечно, и наиболѣе существенно цѣнное. Высокое значеніе его не зависитъ отъ чьего-либо мнѣнія; оно точно также опредѣленно, какъ отношенія человѣка къ окружающему міру. Такъ какъ истины науки необходимы и вѣчны, то очевидно, что наука связана съ человѣчествомъ неразрывно. Какъ въ настоящее время, такъ и въ отдаленномъ прошломъ и въ будущемъ человѣчеству всегда было, есть и будетъ необходимо, для регулированія своихъ дѣйствій, изучать науку физической, умственной и соціальной жизни и признавать, что наука жизни есть ключъ ко всѣмъ остальнымъ наукамъ.

И однако, на это изученіе, безконечно превышающее своей важностію всѣ другія изученія, въ нашъ вѣкъ суетнаго воспитанія, не обращаютъ почти никакого вниманія. То, что мы называемъ цивилизаціей, никогда не могло бы возникнуть безъ науки, а между тѣмъ, наука едва ли составляетъ вѣскій элементъ, въ такъ называемомъ у насъ цивилизованномъ воспитаніи. Хотя мы обязаны научному прогрессу, что милліоны людей находятъ себѣ пропитаніе тамъ, гдѣ въ древнія времена могли прокармливаться только тысячи людей, однако, изъ этихъ милліоновъ развѣ нѣсколько тысячъ отдаютъ должную справедливость тому, что сдѣлало возможнымъ ихъ существованіе. Несмотря на то, что развитіе знанія о свойствахъ и взаимныхъ отношеніяхъ предметовъ не только помогло кочующимъ племенамъ разростись въ многолюдныя націи, но и доставило безчисленнымъ членамъ этихъ націй такія удобства и наслажденія о которыхъ ихъ немногіе голые предки не имѣли и не могли имѣть понятія,—это знаніе только теперь начинаетъ признаваться необходимымъ въ нашихъ высшихъ воспитательныхъ учрежденіяхъ. Мы обязаны своимъ освобожденіемъ отъ цѣпей грубаго суевѣрія постепенному, хотя медленно возрастающему знакомству съ неизмѣняе-

мостью существованія и съ систематической послѣдовательностію явленій, а также съ непреложно-установленными законами природы. Если бы не наука, мы до сихъ поръ оставались бы идолопоклонниками и умилостивляли бы злыхъ духовъ, принося имъ въ жертву груды человѣческихъ тѣлъ. И несмотря на все это, науку, давшую намъ взамѣнъ нелѣпыхъ понятій о вещахъ нѣкоторыя идеи о величіи мірозданія, преслѣдуютъ въ своихъ сочиненіяхъ богословы и громятъ съ высоты каѳедръ.

По этому поводу можно привести одну восточную сказку: въ семьѣ знаній наука есть Сандрильонка работница, скрывающая во мракѣ свои непризнанныя достоинства; на нее взвалили всю домашнюю работу; благодаря ея искуству, уму и усердію, всѣ члены семьи пользуются разными удобствами; неутомимо служа каждому изъ домашнихъ, она постоянно остается въ тѣни, тогда какъ высокомѣрныя сестры ея щеголяютъ своими тряпками въ глазахъ свѣта. Этимъ параллель не кончается. Мы быстро идемъ къ развязкѣ сказки, т. е. къ тому времени, когда всѣ роли перемѣнятся, высокомѣрныя сестры очутятся у всѣхъ въ пренебреженіи, вполнѣ ими заслуженномъ, а наука, провозглашенная за свои достоинства и красоту царицей, будетъ властвовать безраздѣльно.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Умственное воспитаніе.

Не можетъ быть, чтобы не существовало родственной связи между послѣдовательными системами воспитанія и одновременными съ ними послѣдовательными условіями общественной жизни. Точно также и учрежденія каждой эпохи, каково бы ни было ихъ спеціальное назначеніе, должны непремѣнно носить на себѣ печать родственнаго сходства, такъ какъ у нихъ одинъ и тотъ же источникъ происхожденія — національный характеръ. Когда вѣра и ея толкованіе передавались людямъ въ формѣ непогрѣшимаго авторитета, не допускавшаго никакихъ разсужденій, то очень естественно, что и ученіе дѣтей производилось тогда чисто догматическимъ путемъ. Когда правиломъ церкви было: «вѣрь и не вопрошай», въ школахъ держались того же регламента. Но съ тѣхъ поръ, какъ протестантинзмъ отвоевалъ для взрослыхъ право личнаго сужденія и пріучилъ ихъ провѣрять все разумомъ, въ системѣ воспитанія юношества произошла соотвѣтственная тому перемѣна; теперь школьное обученіе основано уже на процессѣ такихъ толкованій, которыя опираются на разумъ. Рядомъ. съ политическимъ деспотизмомъ, суровымъ въ своихъ проявленіяхъ, управлявшимъ силою страха, казнившимъ смертію за ничтожные проступки, неумолимымъ въ своей мести за

измѣну, неизбѣжно должна была возникнуть въ такой же степени суровая школьная дисциплина, съ безчисленными инструкціями и колотушками за каждое нарушеніе ея, дисциплина безграничнаго самовластія, поддерживаемаго розгами, линейками и карцерами. И наоборотъ, увеличеніе политической свободы, отмѣна законовъ, стѣснявшихъ проявленіе индивидуальности, смягченіе уголовныхъ законовъ,—все это имѣло своимъ результатомъ однородный прогрессъ, выразившійся введеніемъ непринудительныхъ воспитательныхъ мѣръ. Ребенка уже не такъ теперь стѣсняютъ разными запрещеніями, какъ бывало прежде, стараются исправлять его не столько наказаніями, сколько другими средствами. Въ эпоху аскетизма, когда люди, руководствуясь принципомъ «строгаго воздержанія», отказывали себѣ во всякаго рода удовольствіяхъ, думая доказать тѣмъ свою добродѣтель, — они, естественно, считали лучшей системой воспитанія ту, которая болѣе всего шла наперекоръ проявленіямъ желаній въ дѣтяхъ, и словами: «этого не должно дѣлать», рѣзко обрывали каждый порывъ ихъ къ самопроизвольной дѣятельности. Теперь же, напротивъ, когда счастье признано законной цѣлью жизни, когда сокращены рабочіе часы и устраиваются развлеченія для народа, родители и наставники начали понимать, что дѣти имѣютъ полное право на удовлетвореніе многихъ своихъ желаній, что дѣтскія игры слѣдуетъ поощрять и что въ стремленіяхъ юнаго, развивающаго ума нѣтъ ничего нечестиваго, какъ предполагали прежде. Тотъ вѣкъ, когда всѣ вѣрили, что ремесла надо поддерживать льготами и запрещеніями; что фабрикантовъ надо непремѣнно связать предписаніями относительно количества, качества и цѣны матеріаловъ, ими производимыхъ; что денежная валюта должна быть установлена закономъ — тотъ вѣкъ былъ вѣкомъ общей излюбленной идеи, что умъ ребенка можно развить по своему произволу, что отъ учителя зависитъ надѣлить его всевозможными способностями, что это пріёмникъ, куда знанія вкладываются въ видѣ сыраго матеріала, изъ котораго наставникъ созидаетъ, впослѣдствіи, зданіе по своему идеалу. Въ нашу эпоху свободной торговли, всѣмъ стало извѣстно, что предоставленный самому себѣ порядокъ вещей дѣлаетъ несравненно большіе успѣхи, чѣмъ люди это воображали; что трудъ, торговля, земледѣліе и мореходство процвѣтаютъ гораздо лучше безъ вмѣшательства высшаго надзора, чѣмъ при немъ; что для прочности государственныхъ учрежденій необходимо, чтобы онѣ развивались изнутри, а не были бы навязаны народу извнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы поняли и то, что существуетъ естественный процессъ умственнаго движенія, нарушать который нельзя безъ вреда для него; что намъ не слѣдуетъ насиловать развивающійся умъ ребенка искуственными формами и что, наконецъ, психологія имѣетъ также свои законы предложенія и спроса, подчиняться которымъ мы обязаны, если не желаемъ нанести вредъ. Такимъ образомъ, старая воспитательная система, своимъ туманнымъ догматизмомъ, суровой дисциплиной, безчисленными ограниченіями, открыто исповѣдуемымъ аскетизмомъ и вѣрой въ шарлатанство людей, была совершенно тождественна съ современными ей соціальными системами и, наоборотъ, измѣненіе всѣхъ этихъ характеристическихъ чертъ въ настоящей культурѣ вполнѣ отвѣчаетъ теперешнимъ, болѣе либеральнымъ, религіознымъ и политическимъ учрежденіямъ.

Но есть одно сходство, о которомъ мы до сихъ поръ не упомянули, именно, сходство процессовъ, при помощи которыхъ выработывались эти относительныя перемѣны, и сходство между разнородными мнѣніями, къ которымъ они привели. Нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, существовало полнѣйшее однообразіе вѣрованій религіозныхъ, политическихъ и воспитательныхъ; всѣ люди были католики, монархисты и послѣдователи Аристотеля; никому и въ голову не приходило усомниться въ достоинствѣ школьной рутины, въ которой воспитывались дѣти. Одна и та же сила замѣнила однообразіе вышесказанныхъ трехъ направленій постепенно возрастающимъ разнообразіемъ. Стремленіе заявить свою индвидуальность много способствовало сначала развитію великаго протестантскаго движенія, а затѣмъ, нарожденію безчислен-

ныхъ сектъ; оно создало политическія партіи, и изъ первоначальныхъ двухъ расплодило ихъ, въ настоящее время, множество; оно привело къ беконовскому возстанію противъ школъ, вызвавъ въ Англіи и заграницей большое разногласіе на этотъ счетъ; наконецъ, оно же произвело раздробленіе однихъ воспитательныхъ методовъ и размноженіе другихъ. Какъ внѣшнія послѣдствія одной и той же внутренней перемѣны, всѣ эти процессы происходили, болѣе или менѣе, одновременно. Паденіе авторитета папъ, философовъ, королей и учителей представляетъ, въ сущности, одно и тоже явленіе; стремленіе къ свободѣ дѣйствій проявляется одинаково, какъ въ выработкѣ самой перемѣны, такъ и въ новыхъ формахъ теоріи и практики, порожденныхъ ею.

Настоящее есть переходная эпоха. Нѣкоторые, можетъ быть, пожалѣютъ о такомъ размноженіи системъ образованія юношей; но либеральный наблюдатель увидитъ въ этомъ средство, обезпечивающее окончательное установленіе раціональной системы. Мы не будемъ говорить о томъ, вреденъ или нѣтъ расколъ въ религіи; но расколъ въ вопросѣ о воспитаніи несомнѣнно долженъ дать хорошіе результаты, такъ какъ раздѣленіе труда помогаетъ изслѣдованіямъ его. Если бы у насъ существовалъ выработанный уже методъ воспитанія, то, конечно, было бы весьма вредно уклоняться отъ него; но такъ какъ метода этого еще доискиваются, то усилія многихъ, независимыхъ другъ отъ друга искателей, производящихъ свои изысканія въ различныхъ направленіяхъ, представляютъ лучшее средство для достиженія желаемой цѣли. Каждый изъ нихъ, задавшись какой-нибудь новой идеей, болѣе или менѣе основанной на фактахъ, горитъ желаніемъ доказать правильность своего плана, усердно трудится надъ разработкой отдѣльныхъ частей его, ничего не жалѣетъ, чтобы громче огласить свой успѣхъ и при этомъ, конечно, безпощадно критикуетъ своихъ конкурентовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что направленныя къ одной и той же цѣли усилія должны постепенно привести къ истинѣ. Какую бы часть нормальнаго метода ни открылъ тотъ или другой изслѣдователь, она,

при постоянномъ предъявленіи полученныхъ результатовъ, будетъ непремѣнно принята, причемъ всѣ ошибочныя примѣненія, вошедшія прежде въ ея составъ, будутъ, конечно, отвергнуты, послѣ нѣсколькихъ опытовъ, окончившихся неудачами. Изъ такого сочетанія истинъ, очищенныхъ отъ ошибокъ, выработался бы правильный и полный сводъ педагогическихъ правилъ. Изъ трехъ фазисовъ, чрезъ которые проходятъ человѣческія мнѣнія — единодушія невѣждъ, разногласія изслѣдователей и единогласія людей свѣдущихъ, — очевидно, что второй фазисъ родственъ съ третьимъ. Они не только послѣдовательны во времени, но и въ причинахъ; поэтому, съ какимъ бы чувствомъ досады мы ни относились къ существующимъ противорѣчіямъ въ воспитательныхъ системахъ, какъ бы насъ ни огорчало сопровождающее эти противорѣчія зло, мы должны признать такое положеніе вещей необходимой переходной ступенью, благодѣтельной по своимъ окончательнымъ результатамъ.

Посмотримъ, между тѣмъ, нельзя ли подвести благопріятный итогъ результатамъ нашего прогресса? Послѣ пятидесятилѣтнихъ разсужденій, опытовъ и сравненій добытаго, не сдѣлали ли ужь мы нѣсколько шаговъ впередъ къ цѣли и не принесло ли намъ это пользы? Нѣсколько устарѣвшихъ методовъ, вѣроятно, успѣли уже за это время выйти изъ употребленія, нѣсколько новыхъ принято и утверждено, многіе другіе находятся или на пути къ забвенію, или къ принятію. Поставивъ рядомъ всѣ происшедшія перемѣны, мы, конечно, найдемъ въ нихъ тождественную характеристическую черту, именно, общее стремленіе къ одной цѣли и, такимъ образомъ, съ помощію выводовъ, мы поймаемъ нить того направленія, куда ведетъ насъ опытъ, соберемъ указанія, какъ намъ докончить наше дальнѣйшее усовершенствованіе. Въ видѣ же вступленія къ болѣе серьёзному обсужденію вопроса, бросимъ взглядъ на главныя различія между воспитаніемъ прошедшаго и настоящаго времени.

Упадокъ механическаго метода. За искорененіемъ одного заблужденія, обыкновенно, слѣдуетъ временное увлеченіе дру-

гимъ, противоположнымъ ему. Такимъ образомъ случилось, что послѣ вѣка, когда только и обращали вниманіе на физическое развитіе дѣтей, наступилъ другой вѣкъ, когда ихъ умственное развитіе сдѣлалось единственной цѣлью родителей, когда двух-трехлѣтнихъ дѣтей сажали уже за книгу, считая пріобрѣтеніе знаній единственной нужной вещью. Затѣмъ, какъ всегда бываетъ, что послѣ одной изъ такихъ реакцій, слѣдующій шагъ кончается согласованіемъ противуположныхъ заблужденій, вслѣдствіе сознанія, что онѣ суть ничто иное, какъ двѣ крайнія точки одной и той же истины—мы пришли къ убѣжденію, что тѣло и умъ ребенка должны быть въ равной степени предметомъ нашихъ попеченій и что оба должны развиваться одновременно. Насильственная система обученія многими совсѣмъ оставлена, а преждевременное развитіе дѣтей напугало своими послѣдствіями. Люди начинаютъ теперь убѣждаться, что самое необходимое для успѣха въ жизни—это быть «здоровымъ животнымъ». Наилучшій мозгъ, какъ оказывается, мало принесетъ пользы, если въ человѣкѣ недостаточно жизненной энергіи, чтобы заставить его работать. Добиваться развитія ребенка въ ущербъ его мозгу — этому источнику мыслительныхъ способностей — признано теперь безуміемъ, неопровержимымъ доказательствомъ чего служатъ постоянныя неудачи съ дѣтьми-геніями. Такимъ образомъ, подтверждается мудрость поговорки, что весь секретъ воспитанія заключаетъ *въ умѣньи разумно расходовать время.*

Старинный, общепринятый методъ заучиванія наизусть, съ каждымъ днемъ теряетъ свое значеніе. Всѣ современные авторитеты строго осуждаютъ прежній механическій способъ преподованія азбуки; таблицу умноженія теперь очень часто заставляютъ затверживать практически. Прежняя школьная система изученія языковъ замѣнилась новой, основанной на безсознательномъ процессѣ, посредствомъ котораго ребенокъ выучивается родному языку. При описаніи разныхъ методовъ преподаванія, помѣщенномъ въ отчетѣ одной изъ англійскихъ элементарныхъ школъ (School at Battersea) сказано: «Обученіе

во всѣхъ приготовительныхъ классахъ у насъ, преимущественно, изустное, а въ объясненіяхъ своихъ учителя ссылаются какъ можно чаще на природу». То же самое видимъ мы повсюду. Система заучиванія наизусть, подобно другимъ стариннымъ системамъ, придавала гораздо болѣе значенія формамъ и символамъ, чѣмъ тому, что̀ подразумѣвалось подъ ними. Отъ дѣтей требовалось только точное повтореніе словъ, а понимаютъ они ихъ или нѣтъ—до этого никому дѣла не было. Ясно, что такимъ образомъ, умъ приносился въ жертву буквѣ *). Наконецъ, замѣтили—въ этомъ вопросѣ, какъ и въ другихъ, что подобный результатъ не есть случайность: онъ неизбѣженъ—что чѣмъ болѣе вниманія обращаетъ ученикъ на знаки, тѣмъ менѣе вникаетъ онъ въ смыслъ того, что̀ они изображаютъ. Не даромъ Монтэнь давно уже сказалъ: «Savoir par coeur n'est pas savoir» (знать наизусть, не значитъ знать).

Рядомъ съ системой заучиванья наизусть начинаетъ падать и другая, родственная ей, система преподаванія грамматическихъ правилъ. *Сначала частности, а затѣмъ, обобщенія*—таковъ новый методъ, который, по словамъ отчета вышеназванной англійской школы, «составляетъ обратную сторону общепринятаго устарѣвшаго метода—преподавать ребенку прежде всего правила». Опытъ показалъ, что новая система совершенно раціональна. Затверживанье грамматическихъ правилъ предано теперь осужденію, какъ чисто эмпирическое знаніе, дающее дѣтямъ лишь кажущееся, а не дѣйствительное понятіе о предметѣ. Получать готовый продуктъ изслѣдованія, обходя самое изслѣдованіе, признано теперь разслабляющей и безполезной работой. Чтобы общія истины приносили должную и постоянную пользу, до нихъ надо самому добраться. Пословица: «легко пришло, легко и уйдетъ»,—мо-

*) Груды діалоговъ, толстыя тетради иностранныхъ словъ, заучиваніемъ которыхъ и у насъ въ Россіи, мучили бывало дѣтей, очень успѣшно начинаютъ замѣнять теперь живымъ обученіемъ разговорному языку. Практическій методъ незамѣтно пріучаетъ къ правильному произношенію и пониманію словъ.

Прим. перев.

жетъ быть одинаково примѣнена и къ богатству, и къ знанію. Тогда какъ правила, попавшія въ умъ безъ всякаго предварительнаго обсужденія ихъ, безпрестанно забываются, принципы, выражаемые этими правилами, будучи продуманы и поняты, остаются надолго достояніемъ ума. Юноша, затвердившій одни правила, станетъ втупикъ попавъ за предѣлы ихъ, тогда какъ сверстникъ его, обученный принципамъ, рѣшаетъ всякій новый вопросъ такъ же быстро, какъ и старый. Между духомъ правилъ и духомъ принциповъ существуетъ точно такая же разница, какъ между безпорядочной грудой матеріаловъ и тѣми же самыми матеріалами, расположенными въ одно стройное цѣлое, всѣ части котораго прочно связаны. Изъ этихъ двухъ родовъ знанія, послѣдній не только имѣетъ то преимущество, что составныя части его лучше удерживаются въ памяти, но и то, еще болѣе важное, что онъ служитъ учащемуся самымъ дѣйствительнымъ орудіемъ для изслѣдованій, для самостоятельнаго мышленія и для открытій, тогда какъ первый рядъ знанія для подобныхъ цѣлей совершенно безполезенъ. Это не простое сравненіе, а буквальная истина. Обобщеніе фактовъ есть организація знанія, взятаго и въ объективномъ смыслѣ; умственная же сила измѣряется границами, до которыхъ будетъ доведена упомянутая организація.

Замѣненіе правилъ принципами и неизбѣжно возникшее изъ того обыкновеніе—не обременять умъ ребенка отвлеченными выводами, пока онъ не усвоитъ себѣ фактовъ, изъ которыхъ получились эти выводы, послужило къ тому, что нѣкоторые предметы, слишкомъ рано преподававшіеся дѣтямъ, отложены теперь до болѣе поздняго періода. Примѣръ этому мы видимъ въ уничтоженіи глупѣйшаго обычая учить маленькихъ дѣтей грамматикѣ. Марсель говоритъ: «Можно утвердительно сказать, что грамматика не основной камень знанія, а орудіе для окончательной его отдѣлки». Уайзъ пишетъ: «Грамматика и синтаксисъ—это собраніе законовъ и правилъ, правила же почерпаются изъ практики; они результатъ индукціи, до которой мы доходимъ путемъ продолжительнаго

наблюденія и сравненія фактовъ. Въ сущности, это наука, это *философія языка*. Слѣдуя естественному процессу, ни отдѣльныя личности, ни цѣлыя націи никогда не начинали прямо съ науки. Говорить и писать стихи начали много лѣтъ прежде, чѣмъ взялись за грамматику или просодію. Люди не дожидались же логики Аристотеля, чтобы разсуждать». Словомъ, такъ какъ языкъ уже существовалъ до появленія грамматики, то изъ этого слѣдуетъ, что ее нужно преподавать не ранѣе, какъ хорошо ознакомившись съ языкомъ. Неизбѣжность этого вывода очевидна для каждаго, кто признаетъ родство между развитіемъ расы и развитіемъ отдѣльныхъ личностей.

Зарожденіе новыхъ методовъ. Изъ новыхъ системъ, возникшихъ одновременно съ паденіемъ вышеупомянутыхъ старыхъ, самой главной можно считать систематическое упражненіе наблюдательныхъ способностей. Послѣ долгихъ вѣковъ ослѣпленія, люди увидѣли, наконецъ, что самопроизвольная дѣятельность наблюдательныхъ способностей въ дѣтяхъ имѣетъ значеніе и, притомъ, не безполезное. Что́ прежде считалось безцѣльнымъ дѣйствіемъ, забавой, даже вредной шалостью—смотря по обстоятельствамъ — теперь признается за процессъ пріобрѣтенія знанія, служащаго основаніемъ для всѣхъ послѣдующихъ знаній. Вотъ гдѣ получила начало хорошо придуманная, но дурно выполняемая система *нагляднаго обученія*. Выраженіе Бэкона, что «физика есть мать всѣмъ наукамъ»,—получило теперь значеніе въ дѣлѣ воспитанія. Безъ точнаго ознакомленія съ видимыми и осязаемыми свойствами предметовъ, наши понятія о нихъ будутъ ошибочны, наши выводы ложны и наши дѣйствія безуспѣшны. Отъ небрежнаго воспитанія чувствъ, все послѣдующее воспитаніе заражается вялостью, туманностью, узкостью, отъ которыхъ трудно избавиться. Дѣйствительно, если мы внимательно вникнемъ въ дѣло, то убѣдимся, что изощренная наблюдательность есть главный элементъ каждаго большаго успѣха. Она необходима художнику, натуралисту и всѣмъ вообще людямъ науки, а также и врачу, для правильной діагностики, инженеру-технику, для его многолѣтнихъ работъ въ мастерскихъ; мало

того, мы видимъ, что даже философъ основательно *наблюдаетъ* родство между предметами, незамѣченное другими, видимъ, что поэтъ *открываетъ* въ природѣ красоты, на которыя люди тогда только обратятъ вниманіе, когда ихъ укажутъ имъ. Да, намъ необходимо признать, какъ существенно важны эти живыя, полныя впечатлѣнія. Нѣтъ возможности выработать прочный, здоровый умъ изъ полусгнившаго сыраго матеріала.

Послѣ того, какъ старый методъ представленія дѣтямъ истинъ въ абстрактной или отвлеченной формѣ вышелъ совершенно изъ употребленія, былъ принятъ новый методъ опредѣленнаго или конкретнаго представленія предметовъ. Основные факты точныхъ наукъ преподаются теперь дѣтямъ путемъ созерцательнаго изслѣдованія, посредствомъ котораго изучаются ткани, вкусы, цвѣта. Для примѣра возьмемъ систему шариковъ, употребляемыхъ при урокахъ ариѳметики, или способъ, придуманный профессоромъ де-Морганомъ, для объясненія десятичнаго счисленія. Марсель справедливо отвергъ старую систему таблицъ и началъ знакомить дѣтей съ вѣсомъ и мѣрою, показывая имъ настоящіе ярды и футы, фунты и унціи, галлоны и кварты и предоставляя имъ самимъ дѣлать опыты, чтобы узнать соотношенія разныхъ вѣсовъ и мѣръ между собой. Для подобной же цѣли могутъ служить географическія модели и модели правильныхъ по своей формѣ тѣлъ, составляющія какъ бы введеніе въ географію и геометрію. Очевидно, что общій характеръ этихъ методовъ—подвергнуть умъ ребенка вліянію тѣхъ процессовъ, чрезъ которые прошелъ умъ всего человѣчества, въ бо́льшихъ размѣрахъ, конечно. Числовыя истины, законы формъ и ихъ взаимныя соотношенія были первоначально выведены изъ наблюденій надъ предметами; представлять эти истины и законы ребенку конкретно, значитъ, заставлять его идти тою же дорогой, какой шли его предки. Со временемъ, наставники, вѣроятно, увидятъ, что иначе ребенокъ и не можетъ усвоить ихъ себѣ, потому что, сколько бы ни заставляли его повторять отвлеченныя истины, онѣ не будутъ имѣть для него

никакого значенія до тѣхъ поръ, пока онъ не убѣдится, что онѣ подтверждаютъ то, что онъ видитъ въ дѣйствительности.

Изъ всѣхъ измѣненій въ воспитательныхъ началахъ наибо́льшее значеніе имѣетъ постоянное стремленіе родителей и наставниковъ сдѣлать пріобрѣтеніе знаній пріятнымъ для дѣтей, а не мучительнымъ. Это стремленіе основано, на болѣе или менѣе, ясномъ сознаніи, что въ каждомъ возрастѣ только то умственное занятіе здорово, которое нравится, и наоборотъ. Въ обществѣ утвердилось мнѣніе, что проявленіе въ ребенкѣ наклонности къ какому-либо роду знаній служитъ доказательствомъ того, что развивающійся умъ сдѣлался способенъ къ усвоенію такого рода знаній и даже требуетъ этого для своего дальнѣйшаго роста, а съ другой стороны, что отвращеніе къ извѣстнымъ знаніямъ есть признакъ или того, что ихъ преждевременно преподаютъ ребенку, или что ихъ сообщаютъ ему въ неудобопонятной формѣ. Вотъ что породило въ педагогахъ стремленіе сдѣлать раннее воспитаніе пріятнымъ, а слѣдующее за тѣмъ, занимательнымъ; вотъ откуда взялись лекціи о значеніи игръ, вотъ что положило начало старанію распространять дѣтскія стихотворенія и волшебныя сказки. Мы съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе принаравливаемъ наши системы воспитанія къ дѣтскимъ вкусамъ. Теперь, то и дѣло, слышишь вопросы: «Будетъ ли интересовать ребенка то или другое занятіе? Полюбитъ ли онъ его?» «Мы не должны стѣснять наклонность дѣтей къ разнообразію, говоритъ Марсель,—но удовлетвореніе ихъ любознательности должны соединять съ пользой». «Уроки, продолжаетъ онъ, должны прекращаться прежде, чѣмъ ребенокъ выкажетъ признаки утомленія». То же самое мы замѣчаемъ теперь и въ послѣдующемъ воспитаніи. Краткіе, но частые промежутки между уроками, загородныя экскурсіи, занимательное чтеніе вслухъ, пѣніе хоромъ и другія подобныя нововведенія свидѣтельствуютъ о возникшей уже перемѣнѣ. Аскетизмъ изгоняется изъ воспитанія, какъ и изъ жизни; обычныя попытки современнаго законодательства поднять уровень народнаго благо-

состоянія становятся, мало по малу, цѣлью законодателей школы и дѣтской.

Въ чемъ же состоитъ общая характеристическая особенность этихъ различныхъ перемѣнъ? Не въ постоянномъ ли усиліи, какъ можно строже сообразоваться съ естественнымъ методомъ? Лучшимъ подтвержденіемъ этого служатъ: отмѣна ранняго насилія ума, противъ чего явно возстаетъ сама природа, и предоставленіе ребенку, въ первые годы дѣтства, полной свободы въ упражненіи своихъ членовъ и внѣшнихъ чувствъ; замѣна системы заучиванья наизусть словесными уроками и практическимъ обученіемъ въ полѣ, во время игръ; замѣна преподаванія правилъ преподаваніемъ принциповъ, т. е. ребенка не знакомятъ съ обобщеніями, пока онъ не ознакомится съ частными фактами, на которыхъ онѣ основаны; введеніе системы нагляднаго обученія; объясненіе основъ науки въ опредѣленной, а не отвлеченной формѣ. Сверхъ того, вышеупомянутое стремленіе родителей и наставниковъ обнаруживается въ разнообразныхъ усиліяхъ представить дѣтямъ знаніе въ привлекательной формѣ и черезъ то обратить ученіе въ удовольствіе. По закону природы, наслажденіе, сопровождающее удовлетвореніе всѣхъ необходимыхъ потребностей живыхъ существъ, служитъ стимуломъ къ ихъ выполненію. Точно то же мы видимъ и въ періодъ самообученія ребенка: удовольствіе, которое онъ испытываетъ, кусая корольки, надѣтые ему на шею, или ломая игрушки, дѣлается для него своего рода стимуломъ, побуждающимъ его къ такимъ дѣйствіямъ, которыя раскрываютъ ему свойства предметовъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что выбирая предметы обученія и способы обученія, наиболѣе интересные для ребенка, мы выполняемъ предписанія природы и принаравливаемъ наши дѣйствія къ законамъ жизни.

Естественный методъ. Такимъ образомъ, мы приближаемся къ доктринѣ, уже давно провозглашенной знаменитымъ Песталоцци, что порядокъ и методъ воспитанія дѣтей должны неуклонно согласоваться съ естественнымъ процессомъ умственнаго развитія; что для самопроизвольнаго развитія способностей существуетъ извѣстная послѣдовательность и требуются извѣстнаго рода знанія и что, наконецъ, обязанность воспитателей понять это и доставить ребенку нужныя знанія. Всѣ вышеупомянутыя улучшенія суть ничто иное, какъ частныя примѣненія общаго правила; собственно о немъ педагоги имѣютъ весьма смутное понятіе, несмотря на то, что педагогическія сочиненія, все болѣе и болѣе налегаютъ на эту тэму. «Естественный методъ есть первообразъ всѣхъ методовъ», говоритъ Марсель. «Нашимъ жизненнымъ принципомъ должно быть стремленіе узнать, какъ приспособить ребенка къ правильному самообученію», пишетъ Уайзъ. Чѣмъ болѣе наука знакомитъ насъ съ строемъ вещей, тѣмъ болѣе открываемъ мы въ нихъ присущей имъ самобытности. Высшее знаніе постоянно ставитъ преграды нашему вмѣшательству въ процессы жизни. Какъ въ медицинѣ старый «геройскій» *) способъ лѣченія уступилъ мѣсто лѣченію болѣе осторожному, который въ иныхъ случаяхъ замѣняется простой, нормальной діэтой, безъ всякихъ лѣкарствъ; какъ въ дѣлѣ ухода за новорожденными дѣтьми признано вреднымъ пеленать ихъ на манеръ папуасовъ; какъ въ тюрьмахъ теперь открыто, что никакая хитро-придуманная дисциплина не вліяетъ такъ благотворно на заключенныхъ, какъ естественная дисциплина самоподдержки при помощи производительнаго труда, — точно такъ и въ дѣлѣ воспитанія пришли къ убѣжденію, что успѣхъ можетъ быть достигнутъ лишь тогда, когда мы подчинимъ свои дѣйствія тому самопроизвольному развитію, чрезъ которое проходитъ умъ каждаго человѣческаго существа на пути къ зрѣлости.

Порядокъ развитія способностей. Нѣтъ сомнѣнія, что люди и прежде обращали нѣкоторое вниманіе на тотъ основной принципъ обученія, чтобы порядокъ распредѣленія предметовъ и методовъ вполнѣ соотвѣтствовалъ порядку развитія и степени дѣятельности дѣтскихъ способностей, такъ какъ этотъ принципъ до того очевиденъ, что будучи разъ установленъ,

*) То, что у насъ называется «лошадиный». *Прим. перев.*

онъ самъ собою бросается въ глаза. Наставники неизбѣжно должны были согласовать съ нимъ, до нѣкоторой степени, свои школьные курсы, по той простой причинѣ, что воспитаніе только и возможно при этомъ условіи. Мальчикамъ никогда не преподавали тройнаго правила, пока они не выучивались сложенію; ихъ не сажали за письменныя упражненія, пока они не выучивались писать съ прописей; коническимъ сѣченіямъ всегда предшествовалъ Эвклидъ. Но ошибка старыхъ методовъ заключалась въ томъ, что они не признавали въ частности того, что были вынуждены признавать въ цѣломъ, а между тѣмъ, означенный принципъ долженъ одинаково примѣняться какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ. Если съ того времени, когда ребенокъ сдѣлается способнымъ понимать относительное положеніе двухъ предметовъ, необходимо, чтобы прошло нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ онъ будетъ въ состояніи усвоить себѣ понятіе о Землѣ, какъ о планетѣ, состоящей изъ земли и воды, покрытой горами, лѣсами, рѣками и городами и вращающейся на своей оси вокругъ солнца; если ребенокъ только постепенно переходитъ отъ одного понятія къ другому и если промежуточныя понятія, имъ пріобрѣтаемыя, послѣдовательно расширяются и усложняются, — не очевидно ли, что существуетъ общій порядокъ послѣдовательности, безъ котораго такое развитіе немыслимо; что каждое обширное понятіе образуется отъ соединенія малыхъ, въ немъ же самомъ заключающихся, и что давать мозгу ребенка переваривать всю эту смѣсь понятій прежде, чѣмъ онъ усвоитъ себѣ отдѣльныя части ея, почти также нелѣпо, какъ представлять общій выводъ прежде начальныхъ понятій. При усвоеніи каждаго знанія требуется извѣстная послѣдовательность въ пріобрѣтеніи все болѣе и болѣе сложныхъ идей. Развитіе соотвѣтствующихъ способностей состоитъ въ усвоеніи этихъ идей, что, въ точномъ смыслѣ, невозможно, пока онѣ не улягутся въ мозгу въ нормальномъ порядкѣ. При несоблюденіи сказаннаго порядка результатомъ бываетъ апатія и отвращеніе къ знанію, и если ученикъ не настолько даровитъ, чтобы впослѣдствіи съумѣть пополнить пробѣлы, всѣ сообщенныя ему свѣдѣнія останутся въ его памяти мертвымъ капиталомъ, приносящимъ очень мало пользы, а чаще и вовсе никакой.

«Такъ зачѣмъ же хлопотать о какомъ бы то ни было порядкѣ жизни? спросятъ насъ. «Если справедливо, что умъ, подобно тѣлу, имѣетъ предначертанный путь развитія, если онъ развивается самопроизвольно, если его послѣдовательныя стремленія къ пріобрѣтенію того или другаго рода свѣдѣній зараждаются въ немъ не ранѣе, какъ въ то время, когда онѣ становятся необходимы для его питанія, если въ немъ самомъ таится стимулъ, побуждающій его въ данную пору къ подлежащимъ родамъ дѣятельности, — то зачѣмъ вмѣшиваться въ эти процессы? Не лучше ли предоставить дѣтей *всецѣло* дисциплинѣ природы? Не лучше ли намъ сохранять пассивную роль и позволять дѣтямъ пріобрѣтать знанія безъ нашей помощи, насколько у нихъ хватитъ умѣнья? Не лучше ли намъ оставаться послѣдовательными до конца?». Странно и дѣлать такіе вопросы. Съ перваго взгляда, дѣйствительно, покажется, что система предоставленія полнѣйшей свободы дѣйствій (laissez faire), будучи логическимъ выводомъ изъ вышеприведенныхъ доктринъ, сама же ихъ опровергаетъ, обращая ихъ въ абсурдъ. Но въ сущности, доктрины эти, правильно понятыя, никогда не поставятъ человѣка въ подобное безпомощное состояніе. Одинъ взглядъ на физическія аналогіи ясно докажетъ намъ это. На основаніи общаго закона жизни, чѣмъ сложнѣе развивающійся организмъ, тѣмъ продолжительнѣе бываетъ для него тотъ періодъ, когда онъ находится въ зависимости отъ родственнаго ему организма относительно пищи и защиты. Различіе между крошечной, быстро зарождающейся и самодвигающейся спорою нитчатки и медленно развивающимся сѣменемъ дерева съ его многосложными покровами и обильнымъ запасомъ пищи, предназначенной для питанія зародыша, впродолженіи первыхъ степеней его роста, лучше всего объясняетъ этотъ законъ, въ его примѣненіи къ растительному царству. Въ царствѣ животныхъ можно прослѣдить тотъ же самый процессъ въ цѣлой

серіи противоположностей, начиная съ монады, самопроизвольно отдѣлившіяся половинки которой, съ первой минуты ихъ отдѣленія, дѣлаются также самостоятельны, какъ и первоначальное цѣлое, до человѣка включительно, плодъ котораго, ребенокъ, не только проходитъ черезъ длинный періодъ зачаточнаго состоянія и, затѣмъ, долго кормится груднымъ молокомъ, но и тогда даже, когда выучится самъ питаться, требуетъ, чтобы пища, одежда и жилище доставлялись ему другими, потому что способность къ самоподдержкѣ пріобрѣтается имъ не ранѣе, какъ въ возрастѣ между 15-ю и 20-ю годами. Законъ этотъ одинаково примѣнимъ какъ къ уму, такъ и къ тѣлу. Относительно умственной пищи, каждое существо высшаго разряда и, преимущественно, человѣкъ, въ началѣ вполнѣ зависитъ отъ помощи взрослыхъ. Не развивъ еще своей способности двигаться, ребенокъ такъ же безсиленъ добывать себѣ матеріалы для упражненія своихъ понятій, какъ и добывать пищу для своего желудка. Неспособный еще изготовлять себѣ пищу, онъ точно такъ же неспособенъ усвоивать себѣ различные роды знаній, приведя ихъ предварительно въ правильный порядокъ. Языкъ, посредствомъ котораго передаются всѣ высшія истины, и тотъ вполнѣ заимствуется имъ у окружающихъ людей. Мы видимъ изъ примѣра дикаго мальчика изъ Эвейрона, до чего можетъ быть задержано умственное развитіе ребенка, если онъ лишенъ помощи родителей и нянекъ. Лучшее средство для здороваго и прочнаго развитія ума и тѣла дѣтей, состоитъ въ умѣньи запасать изо-дня въ день необходимый разрядъ фактовъ, распредѣленныхъ въ надлежащемъ порядкѣ, и питать ими дѣтей въ достаточномъ количествѣ, въ опредѣленное время. Во всякомъ случаѣ, родители должны считать своею первою обязанностію соблюденіе всѣхъ *условій*, необходимыхъ для роста ребенка. Какъ при снабженіи его пищей, одеждой, жилищемъ, они могутъ выполнять эту обязанность, нисколько не препятствуя самопроизвольному развитію его членовъ и пищеварительныхъ органовъ, точно такъ же, доставляя ему звуки для подражанія, предметы для разглядыванія, книги для чтенія, задачи для рѣшенія,—они могутъ все это исполнять, не насилуя, ни прямо, ни косвенно, умъ ребенка и отнюдь не нарушая естественнаго процесса умственнаго развитія, а напротивъ, содѣйствуя и помогая ему. Изъ всего этого слѣдуетъ, что принятіе вышеупомянутыхъ доктринъ ни мало не отрицаетъ обученія дѣтей, какъ нѣкоторые могли бы подумать, а наоборотъ, оно скрываетъ обширное поле для дѣятельнаго и выработаннаго курса образованія.

Система Песталоцци. Переходя отъ общихъ мѣстъ къ частнымъ соображеніямъ, мы не можемъ не замѣтить, что система Песталоцци едва ли осуществила на практикѣ обѣщанія своей теоріи. Говорятъ, что дѣти, воспитываемыя по этой системѣ, нисколько не интересуются уроками и даже выказываютъ отвращеніе къ нимъ. По собраннымъ нами свѣдѣніямъ оказывается, что изъ школъ, основанныхъ по методѣ Песталоцци, немного вышло замѣчательныхъ по своему развитію людей. И насъ это вовсе не удивляетъ. Успѣхъ каждаго дѣла зависитъ отъ разумнаго веденія его; всѣмъ намъ извѣстно, что плохой ремесленникъ, какіе бы дорогіе инструменты ему ни дали, непремѣнно испортитъ свою работу; точно также и плохой учитель, при наилучшемъ методѣ, ничего путнаго не сдѣлаетъ; достоинство метода, въ этомъ случаѣ, бываетъ отчасти даже главной причиной неуспѣха. Простая, никогда не измѣняющаяся механически-рутинная система преподаванія можетъ быть смѣло ввѣрена людямъ очень обыкновеннаго ума, и въ ихъ рукахъ она принесетъ, относительно, нѣкоторую пользу; но система законченная, разнообразная въ своихъ примѣненіяхъ въ такой же степени, какъ умъ и его способности, система, предлагающая спеціальныя знанія для каждой спеціальной цѣли,—та требуетъ для своего точнаго выполненія такихъ дарованій, какими обладаютъ весьма немногіе учителя. Каждая наставница женской школы съумѣетъ дать урокъ чтенія по складамъ; самый плохой школьный учитель можетъ заставить мальчиковъ затвердить таблицу умноженія; но для того, чтобы выучить дѣтей правильно складамъ, толкуя имъ значеніе буквъ вмѣсто ихъ названій, или, чтобъ пріучить ихъ къ численному соображенію практическими

задачами, для этого нужна извѣстная степень пониманія дѣла. Для веденія же такого раціональнаго курса, въ программу котораго входятъ всѣ научные предметы, требуется такъ много соображенія, изобрѣтательности, разумнаго сочувствія къ дѣлу и способности къ анализу, что мы рискуемъ никогда не встрѣтить подходящей къ этому идеалу личности, пока учительская должность будетъ находиться у насъ въ такомъ пренебреженіи. Настоящее воспитаніе можетъ быть дано только настоящимъ философомъ. Посудите теперь, какіе шансы имѣетъ, въ настоящее время, философскій методъ для своего существованія? При нашихъ собственныхъ недостаточныхъ познаніяхъ въ психологіи и при невѣжествѣ учителей по этой части, можетъ ли разсчитывать на успѣхъ система, основанная на психологіи?

Ошибочность системы Песталоцци въ примѣненіи ея къ практикѣ. Обнаружившіеся впослѣдствіи промахи и неудачи возникли изъ того, что принципъ Песталоцци начали смѣшивать съ формами, его выражающими. Потому только, что частные планы не отвѣчали ожиданіямъ, родилось недовѣріе къ тѣсно связанной съ ними самой доктринѣ; но никто не далъ себѣ труда доискаться, вполнѣ ли эти планы согласны съ доктриной. Обсуждая, по обыкновенію, эту теорію съ опредѣленной, а не съ отвлеченной точки зрѣнія, люди осудили ее за то, что она оказалась нелѣпой на практикѣ. Невольно вспомнишь при этомъ, какъ первые неудачные опыты надъ паровой машиной были приняты за доказательство того, что паръ не можетъ быть употребленъ, какъ двигательная сила. Надо постоянно имѣть въ виду, что Песталоцци, несмотря на вѣрность основныхъ идей своего метода, нерѣдко самъ ошибался, когда примѣнялъ ихъ къ дѣлу. По словамъ даже его приверженцевъ, это былъ односторонній изслѣдователь, у котораго проявлялись иногда проблески прозорливости, но систематикомъ его никакъ нельзя назвать. Его первый, громадный успѣхъ въ Станцѣ (городъ кантона Унтервальдена, въ Швейцаріи) былъ пріобрѣтенъ въ такое время, когда онъ не имѣлъ ни книгъ, ни другихъ прикладныхъ руководствъ къ

обученію и когда, по его собственнымъ словамъ — единственной его цѣлью было доискаться, въ какихъ именно свѣдѣніяхъ дѣти болѣе всего нуждаются въ каждомъ возрастѣ и какой лучшій способъ связать эти свѣдѣнія съ тѣми знаніями, которыми дѣти обладаютъ. Главная сила Песталоцци заключалась не въ зрѣло обдуманныхъ планахъ дѣтскаго образованія, а въ глубокой симпатіи его къ дѣтямъ, помогавшей ему всегда быстро угадывать ихъ потребности и затрудненія. У него не доставало способности логически согласовать и развивать истины, отъ времени до времени открываемыя имъ и, въ большинствѣ случаевъ, онъ предоставлялъ разработку ихъ своимъ помощникамъ Краузе, Таблеру, Буссу, Нидереру и Шмидту; вслѣдствіе этого, его собственные планы въ частностяхъ и дополненія къ нимъ, придуманные его ассистентами, отличаются иногда крайнею незрѣлостію и необстоятельностію. Его «методъ для дѣтскихъ», описанный въ «Руководствѣ матерямъ», начинается, какъ и слѣдуетъ, перечисленіемъ различныхъ частей человѣческаго тѣла, затѣмъ, идетъ объясненіе ихъ относительнаго положенія и взаимной связи; но въ сущности, методъ этотъ не вполнѣ согласуется съ первоначальными степенями умственнаго развитія. Его процессъ преподаванія роднаго языка посредствомъ рутинныхъ упражненій въ заучиваньи словъ и въ построеніи фразъ совершенно безполезенъ и ведетъ ученика къ напрасной потери времени и труда. Его образцовые уроки географіи совершенно не въ духѣ его метода; очень часто самые здравые планы его или страдаютъ неполнотою свѣдѣній, или испорчены примѣсью остатковъ старой системы. Поэтому, отдавая должную справедливость достоинствамъ доктрины Песталоцци въ цѣломъ, мы полагаемъ, что можетъ произойти большой вредъ, если его отдѣльные методы будутъ приняты безъ всякой критической оцѣнки. Стремленіе постоянно выказываемое людьми — благоговѣть передъ формами и примѣненіями, въ образѣ которыхъ имъ была завѣщана какая-либо истина; ихъ привычка падать ницъ передъ пророкомъ и клясться каждымъ его словомъ; ихъ наклонность смѣшивать оболочку идеи съ самой

идеей, — вызываютъ необходимость снова напомнить и подтвердить, что между основными принципами системы Песталоцци и рядомъ способовъ, предназначенныхъ имъ для примѣненій, существуетъ большая разница. На первую мы должны смотрѣть, какъ на установившійся уже фактъ, а на вторые, какъ на слегка набросанный очеркъ нормальнаго курса. И дѣйствительно, стоитъ только обратить вниманіе на уровень нашихъ знаній, чтобъ убѣдиться, что высказанное нами мнѣніе справедливо. Прежде, чѣмъ добиться согласованія характера и порядка воспитательныхъ методовъ съ формой и порядкомъ развитія человѣческихъ способностей, нужно точно узнать, какъ именно *развиваются* эти способности. До сихъ поръ мы имѣли объ этомъ лишь нѣкоторыя общія понятія; эти общія понятія должны быть разсмотрѣны въ подробностяхъ и выражены въ видѣ множества частныхъ задачъ, чтобы мы имѣли право сказать, что обладаемъ той *наукой*, на которой зиждется *искуство* воспитанія. И тогда, когда мы окончательно узнаемъ, въ какой послѣдовательности, при какихъ условіяхъ умственныя способности начинаютъ свою дѣятельность, намъ останется только выбрать изъ различныхъ способовъ упражненій каждой изъ нихъ тотъ, который ближе всего подходитъ къ естественному процессу. Изъ всего этого очевидно, что самые усовершенствованные наши способы преподаванія не только не истинны, но даже и не близки къ истиннымъ.

Получивъ понятіе о различіи между принципами и практическими пріемами Песталоцци, и сдѣлавъ изъ предъидущихъ доказательствъ выводъ, что пріемы эти очень неудовлетворительны, читатель надлежащимъ образомъ оцѣнитъ недовольство системой Песталоцци, заявленное уже многими, и убѣдится, что осуществленіе его идей есть пока достояніе будущаго. Если бы кто вздумалъ утверждать, на основаніи всего вышесказаннаго, что, въ настоящее время, нечего и думать о подобномъ осуществленіи и что намъ необходимо посвятить себя всецѣло предварительнымъ изслѣдованіямъ, то мы возразимъ на это, что хотя и нѣтъ возможности усовершенствовать содержаніе или форму полной системы образованія, пока не установится раціональная психологія, однако, все-таки существуетъ способъ, при помощи извѣстныхъ руководящихъ принциповъ, сдѣлать эмпирическія попытки приблизиться къ совершенству. Чтобъ подготовить путь къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, разберемъ подробно эти принципы. О нѣкоторыхъ изъ нихъ мы, болѣе или менѣе, ясно упомянули выше, а теперь изложимъ ихъ въ логическомъ порядкѣ.

Законы умственнаго развитія. 1) Что въ воспитаніи мы должны переходить отъ простаго къ сложному — это такая истина, которая, до нѣкоторой степени, всегда соблюдалась, хотя безсознательно и непослѣдовательно. Умъ развивается. Подобно всѣмъ развивающимся предметамъ, онъ идетъ прогрессивно отъ однороднаго къ разнородному, слѣдовательно, нормальная воспитательная система, будучи объективно-соотвѣтственной частью субъективнаго процесса, должна идти тѣмъ же путемъ. Сверхъ того, объясняя ее подобнымъ образомъ, мы увидимъ, что упомянутая формула имѣетъ гораздо болѣе обширное примѣненіе, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. *Сущность* ея требуетъ, чтобы мы нетолько переходили отъ простаго къ сложному при изученіи каждой отрасли знанія, но чтобы мы точно также поступали и относительно знанія въ цѣломъ. Человѣческій умъ, въ раннемъ возрастѣ, обладаетъ очень немногими дѣятельными способностями; впослѣдствіи, въ немъ постепенно начинаютъ выказывать свою дѣятельность новыя, позднѣе пробудившіяся способности и, наконецъ, проявляется одновременная дѣятельность всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Точно такъ и въ воспитаніи. Обученіе должно начинаться съ нѣсколькихъ предметовъ; къ нимъ постепенно надо прибавлять другіе и, подъ конецъ, одновременно учить всѣмъ имъ разомъ. И такъ, повторяемъ, воспитаніе должно идти отъ простаго къ сложному, не только въ частностяхъ, но и въ цѣломъ.

2) Развитіе ума, какъ и всѣ прочія развитія, есть переходъ отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному. Слѣдуя общему

порядку развитія человѣческаго организма, мозгъ достигаетъ окончательнаго своего строенія только въ пору зрѣлости человѣка; сообразно этой неоконченности, и въ дѣятельности его обнаруживается неопредѣленность. Вотъ причина, почему первыя движенія ребенка, первыя попытки говорить, первыя понятія и мысли въ высшей степени нерѣшительны и неопредѣленны. Какъ зрѣніе неразвитаго глаза не идетъ далѣе отличія свѣта отъ темноты и, за тѣмъ уже, прогрессивно доходитъ до способности зорко различать разнаго рода степени цвѣтовъ и подробности формъ, точно такъ и умъ, въ цѣломъ и въ каждой отдѣльной своей способности, начинаетъ съ грубаго различенія предметовъ и дѣйствій и послѣ того прогрессивно переходитъ къ большей отчетливости и ясности. Съ этимъ общимъ закономъ должны согласоваться всѣ наши воспитательные курсы и методы. Невозможно, да если бы даже и было возможно, то отнюдь не слѣдуетъ набивать неразвитый умъ дѣтей преждевременными идеями. Дѣтямъ, въ раннемъ возрастѣ, передаютъ иногда словесныя формы, облекающія эти идеи, и тѣ учителя, которые прибѣгаютъ къ такому способу обученія, воображаютъ, что когда словесныя формы твердо заучены, то вмѣстѣ съ ними усвоиваются и заключенныя въ нихъ идеи; но бѣглый экзаменъ любаго ученика подобной школы сейчасъ же докажетъ противное: вы увидите, что ребенокъ или затвердилъ наизусть однѣ слова, непонимая ихъ смысла, или получилъ весьма неясное понятіе о томъ, что его заставили выучить. Точное опредѣленіе какого-нибудь болѣе высшаго знанія тогда только дѣлается доступно учащемуся, когда, благодаря многочисленнымъ опытамъ, онъ получитъ достаточное количество матеріаловъ для опредѣленныхъ понятій; когда онъ, изъ году въ годъ, при помощи наблюденій, откроетъ бывшіе для него неясными признаки, отличающіе предметы отъ процессовъ, до сихъ поръ смѣшиваемые имъ; когда онъ изучитъ каждый отдѣлъ одновременныхъ существованій и послѣдовательность ихъ посредствомъ повторенія относящихся къ нему явленій; наконецъ, когда различные роды отношеній будутъ имъ точно

опредѣлены посредствомъ ихъ взаимнаго ограниченія. Такимъ образомъ, при элементарномъ воспитаніи мы должны довольствоваться передачей дѣтямъ самыхъ поверхностныхъ понятій; по мѣрѣ того, какъ дѣти станутъ рости, надо стараться сдѣлать эти понятія болѣе ясными, облегчая имъ пріобрѣтеніе опытности, при помощи которой, онѣ исправятъ сначала самыя грубыя свои ошибки, а за тѣмъ, прогрессивно будутъ исправлять и менѣе очевидныя свои заблужденія. Чтожъ касается трудныхъ научныхъ формулъ, то ихъ не слѣдуетъ сообщать дѣтямъ ранѣе, чѣмъ когда ихъ умственныя понятія достаточно разовьются.

3) Говорить что при обученіи дѣтей слѣдуетъ начинать съ опредѣленныхъ знаній и кончать отвлеченными, значитъ, повторять то, что сказано у насъ въ первомъ изъ предыдущихъ положеній. Тѣмъ не менѣе, это повтореніе необходимо, хотя бы ради той цѣли, чтобы опредѣлить до извѣстной степени, что именно подразумѣвается подъ словами: простое и сложное, такъ какъ, къ сожалѣнію, въ этомъ случаѣ встрѣчается много недоразумѣній. Люди вообразили, что придуманныя ими общія формы для выраженія нѣсколькихъ группъ подробностей, чрезвычайно упрощающія понятія, вслѣдствіе соединенія нѣсколькихъ фактовъ въ одинъ, точно также упроститъ и понятія дѣтей. Они забыли, что обобщеніе *просто* только по сравненію съ цѣлой массой отдѣльныхъ истинъ, въ немъ заключающихся; что оно болѣе *сложно*, чѣмъ всѣ эти истины, взятыя отдѣльно; что оно облегчаетъ память и помогаетъ разсудку тогда только, когда умъ человѣческій усвоилъ себѣ многія отдѣльныя истины, и что, наконецъ, для ума, незнакомаго съ этими простыми истинами, всякое обобщеніе останется недоступной тайной. Смѣшивая эти два рода упрощеній, учителя постоянно ошибались въ томъ отношеніи, что начинали обученіе дѣтей съ «основныхъ принциповъ»; такой образъ дѣйствій отклоняется существенно, хотя незамѣтно, отъ основнаго закона, требующаго, чтобъ принципы врѣзывались въ умъ ребенка чрезъ посредство примѣровъ и, такимъ образомъ, направляли бы его отъ частнаго къ общему

отъ опредѣленнаго (конкретнаго) къ отвлеченному (абстрактному).

Умственное развитіе человѣчества. 4) Воспитаніе ребенка, какъ относительно формы, такъ и относительно порядка, должно вполнѣ соотвѣтствовать воспитанію человѣчества, разсматриваемому съ исторической точки зрѣнія. Другими словами, зарожденіе и развитіе знанія въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ должно идти тѣмъ же путемъ, какимъ шло зарожденіе и развитіе знанія въ цѣлой расѣ. Въ строгомъ смыслѣ слова, на этотъ принципъ можно уже смотрѣть, какъ на осуществившійся отчасти, потому что оба означенные процесса, будучи процессами развитія, должны подчиняться однимъ и тѣмъ же общимъ вышеупомянутымъ законамъ и, слѣдовательно, должны согласоваться между собой. Эта замѣчательная параллель драгоцѣнна для насъ, какъ специфическое руководство. Позитивистъ Контъ, кажется, первый указалъ на него, и мы смѣло можемъ принять этотъ пунктъ его философіи, отнюдь не обязываясь соглашаться съ остальными ея пунктами. Доктрина эта можетъ быть поддержана двумя доводами, совершенно независящими отъ какой бы то ни было отвлеченной теоріи, и ихъ двухъ, даже взятыхъ отдѣльно, весьма достаточно для безусловнаго ея признанія. Первый доводъ вытекаетъ изъ закона наслѣдственной передачи, разсматриваемаго въ самомъ обширномъ смыслѣ, потому что: если это правда, что люди напоминаютъ своихъ предковъ или наружностью, или характеромъ; если это правда, что извѣстныя умственныя явленія, какъ съумасшествіе, напримѣръ, обнаруживаются въ цѣломъ поколѣніи одного и того же семейства, въ одинъ и тотъ же возрастъ; если, переходъ отъ отдѣльныхъ случаевъ, гдѣ черты многихъ умершихъ предковъ, сливаясь въ чертахъ живыхъ потомковъ, какъ-будто опровергаютъ законъ наслѣдственной передачи, мы обратимся къ національнымъ типамъ и замѣтимъ, какъ упорно держится различіе между ними; если мы вспомнимъ, что всѣ національные типы происходятъ отъ одного общаго корня и что существующее теперь рѣзкое различіе между ними, вѣроятно, произошло отъ вліянія видо-

измѣняющихъ обстоятельствъ на послѣдовательныя поколѣнія, которыя, въ свою очередь, передали накопленные признаки своимъ потомкамъ; если мы убѣдимся, что типическое разнообразіе сдѣлалось теперь органическимъ, т. е., что французскій ребенокъ выростаетъ французомъ, хотя бы онъ воспитывался среди иностранцевъ, на чужой сторонѣ, и если, наконецъ, общій фактъ, объясненный этими примѣрами, вѣренъ во всѣхъ отношеніяхъ,—то изъ этого слѣдуетъ, что при существованіи порядка, которому человѣчество подчинило различные роды знаній, въ каждомъ ребенкѣ непремѣнно должна проявляться наклонность къ пріобрѣтенію всѣхъ этихъ знаній въ томъ же порядкѣ. Если бы даже этотъ порядокъ, по существу своему, не былъ такъ важенъ, то онъ все-таки много бы содѣйствовалъ воспитанію, облегчая проведеніе ума каждой отдѣльной личности по всѣмъ ступенямъ, пройденнымъ умомъ человѣчества. Но дѣло въ томъ, что означенный порядокъ и по существу своему въ высшей степени важенъ, и вотъ гдѣ кроется основная причина, почему воспитаніе дѣтей должно быть повтореніемъ цивилизаціи всего человѣчества въ малыхъ размѣрахъ. Есть доказательства на оба факта, какъ на тотъ, что историческая послѣдовательность, въ главныхъ чертахъ своихъ, была необходима для развитія человѣчества, такъ и на тотъ, что причины, опредѣлявшія ее, имѣли одинаковое вліяніе на ребенка и на расу. Мы не будемъ разбирать эти причины въ подробности и ограничимся только указаніемъ одній, именно: такъ какъ умъ всего человѣчества, поставленный въ среду явленій и стремящійся постоянно постигнуть ихъ, дошелъ, наконецъ, специфическимъ путемъ, послѣ безконечныхъ сравненій, соображеній, опытовъ и теорій, до настоящаго пониманія каждаго предмета, то мы можемъ вывести отъ этого разумное заключеніе, что тѣсное родство между умомъ и явленіями никогда не допустило бы человѣка достигнуть этого пониманія какимъ-либо инымъ путемъ; таково его свойство. А такъ какъ умъ каждаго ребенка состоитъ точно въ такомъ же родствѣ съ явленіями, то и ему, для доступа къ пониманію ихъ, открытъ тотъ же путь. Слѣдова-

тельно, при выборѣ вѣрнаго метода воспитанія дѣтей, намъ очень много можетъ помочь изслѣдованіе метода цивилизаціи человѣчества.

5) Подобный родъ изслѣдованія приведетъ насъ, между прочимъ, къ тому заключенію, что въ каждой отрасли образованія мы должны начинать съ эмпирическаго и кончать раціональнымъ. При общечеловѣческомъ прогрессѣ, каждая наука развивалась изъ соотвѣтствующаго ей искуства *). Вслѣдствіе необходимости, въ которую поставлены какъ отдѣльныя личности, такъ и цѣлыя расы,—достигать абстрактнаго путемъ конкретнаго, оказывается, что практическія упражненія и постоянно увеличивающаяся опытность съ ея эмпирическими обобщеніями должны предшествовать наукѣ. Наука есть приведенное въ систему знаніе; но для этого надо пріобрѣсти сначала знаніе. Слѣдовательно, изученіе каждаго предмета есть ничто иное, какъ экспериментальное введеніе въ науку; обсужденіе же его начинается не ранѣе, какъ по накопленіи значительнаго запаса наблюденій. Какъ примѣръ, объясняющій способъ примѣненія этого правила, мы можемъ привести принятое въ нынѣшнихъ школахъ обыкновеніе прежде обучать дѣтей языку, а потомъ уже грамматикѣ и давать имъ первыя понятія о переспективѣ посредствомъ практическихъ упражнеиій въ рисованьи, а не наоборотъ. Укажемъ дальнѣйшія примѣненія этого правила.

Польза самообученія. 6) Второй выводъ изъ предыдущаго общаго принципа, еще болѣе важный по своему значенію, состоитъ въ томъ, что родители всѣми мѣрами должны содѣйствовать процессу саморазвитія въ своихъ дѣтяхъ, должны постоянно заставлять ихъ дѣлать свои собственныя изслѣдованія и выводить свои собственныя заключенія. Дѣтямъ надо

*) Не подлежитъ сомнѣнію, что анатоміи, геометріи и нѣкоторымъ отдѣламъ физики предшествовали соотвѣтствующія имъ искуства, какъ-то скульптура, архитектура, живопись и музыка, въ самыхъ первобытныхъ ихъ формахъ; но сказать то же самое о всѣхъ вообще наукахъ—едва ли возможно.
Прим. перев.

разсказывать какъ можно меньше и какъ можно больше понуждать ихъ самихъ дѣлать *открытія*. Человѣчество шло впередъ единственно при помощи самообученія; что для достиженія наибольшихъ успѣховъ въ жизнм умъ каждаго человѣка долженъ развиваться, отчасти, тѣмъ же порядкомъ,—постоянно подтверждается замѣчательными успѣхами людей—*самоучекъ*. Тотъ, кто воспитывался по рутинной системѣ старинныхъ школъ и вынесъ убѣжденіе, что воспитаніе возможно только въ этомъ духѣ, никогда не добьется, чтобы изъ дѣтей его вышли самоучки. Если же, напротивъ, люди хорошенько обдумаютъ, что самонужнѣйшее знаніе—понятіе объ окружающихъ предметахъ—пріобрѣтается ребенкомъ въ самые ранніе годы, безъ посторонней помощи; если они вспомнятъ, что дитя самоучкой привыкаетъ понимать родной языкъ; если они оцѣнятъ, какъ слѣдуетъ, то количество житейской опытности—этой внѣ-школьной мудрости — которое каждый мальчикъ пріобрѣтаетъ самъ собой; если они захотятъ обратить вниманіе на необычайную сметливость заброшенныхъ всѣми уличныхъ мальчишекъ Лондона, — сметливость, обнаруживающуюся при каждомъ удобномъ случаѣ; если они дадутъ себѣ трудъ подумать, сколько умовъ вышло безъ чужой помощи съ побѣдой и славой изъ борьбы не только съ тайнами нашей неразумно сложившейся жизни, но и съ тьмою другихъ препятствій,—они вполнѣ убѣдятся въ разумности слѣдующаго заключенія: какъ бы мало ни былъ способенъ ученикъ, но если ему объяснятъ предметъ правильно и ясно съ самаго начала, онъ побѣдитъ всѣ послѣдующія затрудненія, почти не требуя чужой помощи. Есть ли возможность слѣдить за безпрерывными наблюденіями, изслѣдованіями, выводами, происходящими въ умѣ ребенка, слышать его остроумныя замѣчанія о тѣхъ предметахъ, которые доступны его пониманію, и не убѣдиться, что если бы эту понятливость систематически направить на научные предметы, также *доступные* его пониманію, то онъ быстро постигъ бы ихъ безъ посторонняго содѣйствія. Необходимость объяснять по нѣскольку разъ одно и тоже происходитъ отъ нашей собственной безтолковости, а не отъ тупости

ребенка. Мы отрываемъ его отъ интересныхъ для него фактовъ, которые онъ самъ собой дѣятельно набираетъ, и предлагаемъ ему взамѣнъ ихъ другіе, слишкомъ сложные для его разумѣнія и потому возбуждающіе въ немъ отвращеніе. Видя, что ребенокъ неохотно воспринимаетъ предложенныя ему свѣдѣнія, мы стараемся вбить ихъ ему въ голову посредствомъ угрозъ и наказаній, лишаемъ его пріятныхъ для него знаній, пичкаемъ такими, которыхъ его мозгъ не въ состояніи переварить, вслѣдствіе чего, обнаруживается болѣзненное ослабленіе способностей, сопровождаемое отвращеніемъ къ знанію вообще. Ребенокъ, по нашей милости, дѣлается апатиченъ и лѣнивъ; подавленный непосильными занятіями, онъ положительно ничего не можетъ понять безъ объясненій и становится пассивнымъ пріёмникомъ нашего обученія; видя все это, мы продолжаемъ утверждать, что воспитаніе непремѣнно должно держаться метода толкованій. Этимъ методомъ мы сдѣлали ребенка безпомощнымъ и увѣряемъ, что мы прибѣгли къ нему именно вслѣдствіе этой безпомощности. Очевидно, что ни одинъ опытный педагогъ не станетъ опровергать защищаемой нами системы. Для каждаго изъ нихъ ясно теперь, что мы безъ опасенія можемъ слѣдовать во всѣхъ случаяхъ дисциплинѣ природы, что мы можемъ, ловко направляя умъ дѣтей, заставлять его саморазвиваться въ позднѣйшемъ возрастѣ также, какъ и въ раннемъ и, наконецъ, что только при такомъ способѣ мы можемъ вызвать въ дѣтяхъ высшее проявленіе силы и дѣятельности ума.

Естественный методъ всегда возбуждаетъ интересъ въ дѣтяхъ. 7) Послѣднимъ мѣриломъ, при обсужденіи какой бы то ни было воспитательной системы, является вопросъ: произведетъ ли она пріятное впечатлѣніе на воспитанника? Если есть хотя малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что принятый способъ обученія вполнѣ согласуется съ вышеупомянутыми принципами, то можно, въ этомъ случаѣ, спокойно положиться на чутье дѣтей. Хотя бы предложенная система или учебный курсъ, разсмотрѣнные теоретически, показались намъ наилучшими, но если они не возбуждаютъ интереса въ дѣтяхъ или даже

только менѣе ихъ интересуютъ, чѣмъ другіе системы и курсы, мы обязаны отвергнуть ихъ, потому что интеллектуальные инстинкты дѣтей всегда надежнѣе нашихъ собственныхъ разсужденій. По отношенію къ способностямъ познаванія мы вполнѣ можемъ положиться на общій законъ, что при нормальныхъ условіяхъ, здоровая дѣятельность доставляетъ удовольствіе, тогда какъ дѣятельность мучительная—нездорова. Хотя съ этимъ закономъ не совершенно согласуется природа душевныхъ движеній ребенка, но умственная его природа, по-крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ ее выказываетъ, совершенно подчиняется ему. Отвращеніе къ тому или другому предмету занятій, обыкновенно вызывающее досаду въ учителѣ, не есть прирожденное ребенку чувство, но результатъ неблагоразумной системы наставника. Феленбергъ говоритъ: «Опытъ научилъ меня, что вялость въ молодыхъ людяхъ такъ радикально противоположна ихъ естественной наклонности къ дѣятельности, что если она не есть послѣдствіе дурнаго воспитанія, то она непремѣнно находится въ связи съ какимъ-нибудь органическимъ порокомъ». Самопроизвольная дѣятельность, къ которой дѣти выказываютъ такую наклонность, есть чисто стремленіе къ удовольствіямъ, получаемымъ чрезъ здравое упражненіе физическихъ и умственныхъ способностей. Правда, нѣкоторыя изъ высшихъ умственныхъ силъ, еще мало развитыя вообще въ человѣчествѣ и составляющія принадлежность только небольшаго числа передовыхъ, особенно развитыхъ личностей, неохотно иногда подчиняются усиленнымъ упражненіямъ, которымъ ихъ подвергаютъ; но онѣ, вслѣдствіе ихъ сложности, при нормальномъ курсѣ образованія, всегда упражняются послѣдними, поэтому на нихъ не бываетъ спроса до тѣхъ поръ, пока воспитанникъ не достигнетъ того возраста, гдѣ могутъ быть пущены въ ходъ отдаленныя побудительныя средства, и тогда косвенное удовольствіе перетянетъ прямое неудовольствіе. Имѣя дѣло съ дѣтьми менѣе развитыми, надо прибѣгать къ самому нормальному стимулу — немедленному удовольствію послѣ усиленной дѣя-

тельности; у благоразумнаго и умѣлаго педагога въ другомъ стимулѣ не окажется и надобности; если же приходится искать другаго, то это вѣрное доказательство, что наставникъ на ложномъ пути. Ежедневный опытъ явно свидѣтельствуетъ, что надо всегда добиваться, чтобы методъ обученія былъ не только занимателенъ, но чтобы онъ доставлялъ наслажденіе ребенку, такъ какъ по всѣмъ даннымъ этотъ методъ самый нормальный и полезный.

Для большинства людей, изложенные нами руководящіе принципы будутъ имѣть весьма мало значенія, если мы ихъ оставимъ въ такой отвлеченной формѣ. Частію для того, чтобы упростить ихъ примѣненіе примѣрами, частію же съ цѣлію дать читателю нѣсколько полезныхъ совѣтовъ, мы предложимъ ему перейти отъ теоріи воспитанія къ практикѣ.

Умственное воспитаніе должно начинаться съ дѣтства. Мнѣніе, высказанное Песталоцци, и до сихъ поръ сильно распространенное, заключается въ томъ, что воспитаніе всякаго рода должно начинаться съ колыбели. Тотъ, кто внимательно наблюдалъ за взглядомъ широко раскрытыхъ глазъ малютки, когда онъ разсматриваетъ окружающіе его предметы, конечно, согласится, что воспитаніе уже *начинается* съ этой поры, совершенно независимо отъ воли родителей; что способности хватать и брать въ ротъ каждую вещь, какая попадется подъ руку, прислушиваться съ раскрытымъ ротикомъ къ каждому звуку—составляютъ первую ступень способностей, проявляющихся впослѣдствіи въ открытіи невидимыхъ планетъ, въ изобрѣтеніи числительныхъ машинъ, въ созданіи художественныхъ произведеній живописи, въ сочиненіи симфоній и оперъ. Такъ какъ дѣятельность всѣхъ этихъ способностей, въ началѣ самопроизвольна и неизбѣжна, то вопросъ въ томъ, не должны ли мы доставлять въ надлежащемъ разнообразіи матеріалы, на которыхъ могли бы упражняться эти способности сами собою? На вопросъ, такимъ образомъ поставленный, нельзя иначе отвѣтить, какъ утвердительно. Мы уже сказали выше, что соглашаясь съ теоріей Песталоцци, мы нисколько

не обязаны соглашаться съ его практическими пріемами; теперь какъ-разъ является такой случай. Разсуждая объ обученіи ребенка складамъ, онъ говоритъ:

«Азбука должна заключать въ себѣ всѣ звуки роднаго языка, а изученіе ихъ должно начинаться съ ранняго дѣтства. Надо, чтобъ ребенокъ, учащійся азбукѣ, какъ можно чаще повторялъ эти звуки другому ребенку, который еще въ колыбели, прежде даже, чѣмъ тотъ будетъ въ состояніи произнести одинъ изъ нихъ; это необходимо для того, чтобы звуки, вслѣдствіе частаго повторенія, крѣпче запечатлѣлись въ его умѣ».

Песталоцци включилъ все это въ число другихъ наставленій, изложенныхъ въ его книгѣ «Руководство для матерей», въ отдѣлѣ «методъ для дѣтской», гдѣ онъ совѣтуетъ съ перваго же урока объяснять ребенку названія, положеніе, связь, число, свойство и назначеніе членовъ человѣческаго тѣла. Этимъ онъ выказалъ свои незрѣлыя понятія о раннемъ умственномъ развитіи дѣтей, и потому нечего было и ждать отъ него разумнаго плана воспитанія.

Разсмотримъ теперь курсъ, предписываемый психологіей. Самыя раннія впечатлѣнія, воспринимаемыя умомъ ребенка, состоятъ изъ неразложимыхъ ощущеній, производимыхъ сопротивленіемъ, свѣтомъ, звукомъ и т. д. Очевидно, что разложимое состояніе сознанія не можетъ существовать ранѣе самаго сознанія, изъ котораго оно образуется. Нельзя получить никакой идеи о формѣ, пока не усвоишь нѣкотораго понятія о свѣтѣ, о разныхъ степеняхъ и свойствахъ его, равно какъ о различныхъ силахъ сопротивленія предметовъ. Точно также нельзя понять составнаго звука, пока не изучишь простыхъ звуковъ, его образующихъ. Тоже самое должно происходить и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Слѣдуя указаннымъ образомъ необходимому закону прогрессивнаго перехода отъ простаго къ сложному, мы должны доставлять ребенку достаточное количество предметовъ, представляющихъ различные роды и степени сопротивленія, достаточное количество предметовъ, отражающихъ свѣтъ различной силы и

различныхъ свойствъ, наконецъ, достаточное количество звуковъ, различныхъ по силѣ, тону и тэмбру. Насколько такое заключеніе à priori подтверждается дѣтскими инстинктами, будетъ очевидно для всякаго, кто припомнитъ удовольствіе, съ которымъ каждый ребенокъ грызетъ свои игрушки, ощупываетъ блестящія пуговицы на курточкѣ брата, дергаетъ отца за усы, какъ онъ пристально разглядываетъ ярко раскрашенный предметъ, называя его «цаца», какъ его личико весело осклабляется во время припѣвовъ и прибаутокъ няни или прищелкиванія пальцами гостя, или вообще при какомъ-нибудь, въ первый разъ услышанномъ, звукѣ. По счастью, обыкновенные пріемы кормилицъ и нянекъ до извѣстной степени удовлетворяютъ этимъ первымъ требованіямъ воспитанія. Многое, впрочемъ, предстоитъ еще выполнить впослѣдствіи, и то, что остается сдѣлать, гораздо важнѣе, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Каждая способность, въ періодъ самопроизвольной дѣятельности, сопровождающей развитіе ребенка, воспринимаетъ всѣ впечатлѣнія гораздо живѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ возрастѣ. Сверхъ того, такъ какъ ребенку необходимо усвоить эти простые элементы и такъ какъ на усвоеніе ихъ потребно извѣстное время, то для сбереженія его нужно посвятить первые годы младенчества—когда невозможна никакая другая умственная дѣятельность — на полнѣйшее ознакомленіе съ этими началами, во всѣхъ ихъ видоизмѣненіяхъ. Не забудемъ и того факта, что характеръ и здоровье ребенка очень много выигрываютъ отъ постояннаго удовлетворенія его достаточнымъ количествомъ впечатлѣній, всегда жадно имъ воспринимаемыхъ. Можно бы дать здѣсь нѣсколько совѣтовъ относительно систематическаго содѣйствія развитію этихъ простѣйшихъ понятій; но размѣръ предлагаемаго сочиненія не позволяетъ входить въ такія подробности, и потому укажемъ только на то, что всякое подобное содѣйствіе, на основаніи общаго закона перехода отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному, должно руководиться слѣдующимъ правиломъ: такъ какъ при развитіи каждой способности, самыя рѣзкія противоположныя впечатлѣнія познаются

ранѣе прочихъ, то, слѣдовательно, ребенку прежде всего надо давать понятіе о звукахъ, наиболѣе различныхъ между собой по силѣ, а потомъ о цвѣтахъ, рѣзко противоположныхъ другъ другу, и о веществахъ, далеко не одинаковыхъ по твердости и мягкости; во всякомъ случаѣ, переходъ къ болѣе близкимъ по сходству между собой впечатлѣніямъ долженъ совершаться постепенно.

Наглядное обученіе. Наглядное обученіе, очевидно, составляетъ естественное продолженіе элементарнаго курса начальнаго развитія внѣшнихъ чувствъ. Надо замѣтить здѣсь, что принятая у насъ система этого обученія идетъ въ разрѣзъ съ методомъ природы, проявляющимся въ одинаковой формѣ въ дѣтствѣ, зрѣломъ возрастѣ и во всемъ ходѣ человѣческой цивилизаціи. Вотъ что пишетъ Марсель: «Ребенку надо *показывать*, какимъ образомъ связаны между собой всѣ части каждаго предмета» и т. д., а въ различныхъ руководствахъ, касающихся нагляднаго обученія, мы встрѣчаемъ длинные перечни фактовъ, которые намъ совѣтуютъ *разсказывать* ребенку по поводу каждаго окружающаго его предмета; между тѣмъ, достаточно разъ взглянуть на ежедневную жизнь ребенка, чтобы убѣдиться, что всѣ понятія о вещахъ, пріобрѣтаемыя имъ прежде, чѣмъ онъ научится говорить, пріобрѣтаются сами собой; что твердость и вѣсъ извѣстныхъ предметовъ, особыя формы и примѣты близкихъ ему людей, издаваніе извѣстнаго рода звуковъ животными извѣстнаго вида,—все это явленія, подмѣчаемыя самимъ ребенкомъ. Точно также и въ зрѣломъ возрастѣ, когда уже нѣтъ болѣе подъ рукою учителей, наблюденія и выводы, ежечасно необходимые для нашего руководства, должны дѣлаться безъ посторонней помощи; успѣхъ въ жизни зависитъ отъ той точности и полноты, съ которыми они совершаются. Возможно ли, чтобы въ періодъ развитія человѣка, между дѣтствомъ и возмужалостью, происходилъ процессъ, совершенно противоположный процессу, происходящему въ развитіи всего человѣчества вообще и обнаруживающемуся одинаково какъ въ ребенкѣ, такъ и во взрослomъ, притомъ въ такихъ простыхъ вещахъ,

какъ понятія о свойствахъ предметовъ? Не очевидно ли, напротивъ, что и тамъ, и здѣсь слѣдуетъ держаться одного и того же метода? Не сама ли природа постоянно, такъ сказать, навязываетъ намъ этотъ методъ? Намъ недостаетъ только сметливости и покорности, чтобы угадать ея желаніе и принять его. Не бросается ли въ глаза стремленіе ребенка найти въ старшихъ умственное сочувствіе? Замѣтьте, какъ онъ, сидя у васъ на колѣняхъ, суетъ вамъ прямо въ лицо игрушку, чтобы вы обратили на нее вниманіе; какъ онъ оглядывается и смотритъ на васъ, проводя по столу своимъ мокрымъ пальчикомъ и производя скрипъ; проведетъ и оглянется, точно хочетъ сказать: «Слышишь, какъ скрипитъ?» Взгляните теперь на дѣтей постарше; они толпою ворвались въ комнату и кричатъ: «Мама, погляди, какая странная штука! мама, посмотри на то, мама, посмотри на это!» Они никогда не кончили бы, если бы безтолковая мать не запретила имъ безпокоить ее. Наблюдайте далѣе: дѣтей отпустили гулять съ няней; каждый изъ нихъ бѣжитъ показать ей найденный цвѣтокъ, восхищается его красотой и требуетъ, чтобы она также сказала, что онъ хорошенькій. Послушайте, съ какимъ увлеченіемъ и какъ бойко иной мальчуганъ описываетъ видѣнное имъ въ первый разъ что-нибудь новое, особенно, если встрѣтить внимательнаго слушателя. Не есть ли это прямой результатъ индукціи? Не ясно ли послѣ того, что мы должны согласовать нашъ курсъ обученія съ этими умственными инстинктами, должны систематизировать природный процессъ, должны спокойно выслушивать все, что ребенокъ хочетъ намъ сообщить о каждомъ предметѣ, должны даже побуждать его высказать все то, что онъ объ нихъ думаетъ, должны, при случаѣ, обращать его вниманіе на факты, еще не замѣченные имъ, съ цѣлью, заставить его замѣчать ихъ самому, гдѣ бы и когда бы они снова не попались ему на глаза; должны постепенно указывать ему на новые факты, для такого же внимательнаго изслѣдованія ихъ? Вотъ какъ умная мать, руководствуясь такимъ методомъ, развиваетъ своего маленькаго мальчика. Шагъ за шагомъ знакомитъ она его съ названіями

самыхъ простыхъ свойствъ предметовъ: твердостью, мягкостью, цвѣтомъ, вкусомъ, размѣромъ и т. д.; при этомъ она видитъ, что ребенокъ самъ усердно помогаетъ ей: принесетъ одну вещь для того, чтобы показать, что она красная, принесетъ другую, чтобы дать попробовать, что она жосткая, и все это онъ дѣлаетъ такъ быстро, что мать едва успѣваетъ называть ему каждое свойство предметовъ. Замѣтивъ какой-нибудь новый, отличительный признакъ въ принесенномъ предметѣ, она старается обратить на него вниманіе ребенка и провести связь между этимъ признакомъ и тѣми, которые уже извѣстны ему, такъ что по прирожденной склонности къ подражанію, мальчикъ незамѣтно привыкаетъ повторять названіе свойствъ, одно за другимъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда при опредѣленіи добытаго имъ предмета онъ забудетъ назвать одно или нѣсколько извѣстныхъ уже ему свойствъ, мать спрашиваетъ его, нѣтъ ли еще чего, что онъ можетъ сказать объ этомъ предметѣ. Если ребенокъ не вдругъ пойметъ вопросъ матери, она дастъ ему время подумать, за тѣмъ, назоветъ то, что онъ забылъ и, подъ-часъ, подсмѣется надъ его забывчивостью. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ опытовъ мальчикъ смекаетъ въ чемъ дѣло, и когда въ слѣдующій разъ, мать скажетъ, что она знаетъ болѣе, чѣмъ онъ, о принесенной имъ вещи, это задѣнетъ его самолюбіе, онъ пристально посмотритъ на мать, припоминая то, что она прежде ему говорила, и такъ какъ задача не трудна, то онъ вскорѣ ее рѣшаетъ. Мальчикъ въ восторгѣ отъ своей побѣды и мать искренно ему сочувствуетъ; со свойственнымъ всѣмъ дѣтямъ увлеченіемъ, онъ радуется открытію въ себѣ способности угадывать, жаждетъ новыхъ побѣдъ и бѣжитъ отыскивать новые предметы, чтобы имѣть случай показать ихъ матери. По мѣрѣ того, какъ развертываются способности ребенка, мать продолжаетъ сообщать ему одно свойство за другимъ, пополняя перечень ихъ; отъ твердыхъ и мягкихъ тѣлъ она переходитъ къ шереховатымъ и гладкимъ, отъ цвѣта къ лоску, отъ однородныхъ тѣлъ къ составнымъ; постепенно усложняя задачу, соразмѣрно развитію въ мальчикѣ способ-

ности разсуждать, мать постоянно возбужоаетъ вниманіе и память его, постоянно поддерживаетъ въ немъ интересъ новымъ запасомъ впечатлѣній, доступныхъ дѣтскому уму, и постоянно радуетъ его, доставляя ему случаи преодолѣвать трудности, соразмѣрныя его силамъ.

Дѣйствуя такимъ образомъ, она, собственно говоря, осуществляетъ только тотъ самопроизвольный процессъ, который происходилъ въ болѣе ранній періодъ, или, иначе, она помогаетъ саморазвитію ребенка тѣмъ именно способомъ, какой указываетъ ей инстинктивныя его побужденія. Очевидно также, что усвоенный ею пріемъ лучше всего приспособленъ къ развитію основательнаго наблюденія—этой главной цѣли нагляднаго обученія. *Разсказывать* и *показывать* ребенку то и другое не значитъ учить его наблюдать, а значитъ, дѣлать его, просто, пріемникомъ чужихъ наблюденій; такого рода образъ дѣйствій скорѣе ослабляетъ, чѣмъ усиливаетъ способность къ самообученію; онъ лишаетъ дѣтей удовольствія—непремѣннаго послѣдствія успѣшной дѣятельности; онъ обращаетъ то, что составляетъ привлекательную сторону знанія, въ форменное обученіе. Вотъ откуда происходитъ равнодушіе, даже отвращеніе, нерѣдко чувствуемое дѣтьми къ урокамъ нагляднаго обученія, тогда какъ, слѣдуя вышеприведенному способу, мы даемъ уму дѣтей свойственную ему пищу, умственнымъ стремленіямъ ихъ естественныхъ помощниковъ—самолюбіе и потребность сочувствія; совокупнымъ дѣйствіемъ всего этого мы возбуждаемъ въ дѣтяхъ напряженную внимательность, ведущую къ живому и полному разумѣнію; главное же, мы пріучаемъ умъ, съ самаго начала, къ самодѣятельности, необходимой человѣку во всѣ періоды его жизни.

Наглядное обученіе не только должно преподаваться совершенно инымъ способомъ, чѣмъ тѣмъ, который у насъ принятъ, но должно, сверхъ того, распространяться на гораздо болѣе обширный рядъ предметовъ и продолжаться гораздо долѣе, чѣмъ это принято въ нашихъ школахъ. Уроки не должны ограничиваться внутренностію жилища: въ ихъ рамку должны входить и поля, и луга съ изгородами, и каменоломни, и морской или рѣчной берегъ. Ихъ не слѣдуетъ прекращать въ первые годы дѣтства, но продолжать и въ годы юности, чтобъ незамѣтно довести ученика до степени любознательности натуралиста или ученаго. Здѣсь опять-таки мы должны идти по пути, указанному природой. Нельзя себѣ представить ничего выше восторга дѣтей, когда имъ попадется новый цвѣтокъ или новое насѣкомое, неизвѣстный камушекъ или незнакомая раковинка! Вы сейчасъ увидите, что выказавъ сочувствіе этимъ восторгамъ, вы поощряете дѣтей къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ свойствъ и строеній названныхъ предметовъ. Каждый ботаникъ, котораго дѣти сопровождали по полямъ и лугамъ, вѣроятно, замѣчалъ, съ какимъ увлеченіемъ они раздѣляли его труды, какъ старательно отыскивали для него растенія, какъ внимательно наблюдали за нимъ, пока онъ ихъ разсматривалъ, какимъ множествомъ вопросовъ засыпали его. Каждый серьёзный послѣдователь Бэкона—служитель и толкователь природы—согласится, что мы должны безъ разсужденій принять вышеуказанный курсъ образованія. Ознакомивъ ребенка съ простѣйшими свойствами неорганическихъ веществъ, надо вести его тѣмъ же путемъ къ внимательному изслѣдованію предметовъ, ежедневно попадающихся ему во время прогулокъ, причемъ надо указывать ему сначала на наименѣе сложные факты, такъ, напримѣръ, въ растеніяхъ: на цвѣтъ, число, форму лепестковъ, строеніе стеблей и листьевъ; у насѣкомыхъ: на число крыльевъ, ногъ, усиковъ и окраску тѣла. Когда ребенокъ все это ясно пойметъ и прочно усвоитъ, можно постепенно сообщать ему дальнѣйшіе факты: говоря о цвѣтахъ, называть число тычинокъ и пестиковъ, обращать его вниманіе на форму цвѣтовъ, на лучистую или двухстороннюю симетрію ихъ вѣнчиковъ, на расположеніе и свойство листьевъ, на то, поперемѣнные они или растутъ въ противоложныя стороны, сидятъ они на стеблѣ или на своемъ особенномъ черешкѣ, гладкіе они или шероховатые, пильчатые, зазубренные или зубчатые; говоря о насѣкомыхъ, можно называть всѣ части ихъ тѣла, объяснять раздѣленіе брюшной стѣнки, особыя мѣтки

на крыльяхъ, число суставовъ въ ихъ ножкахъ и форму прочихъ, болѣе мелкихъ органовъ, словомъ, надо всегда придерживаться такой системы, чтобы ребенокъ могъ съ гордостію похвалиться, что онъ въ состояніи разсказать о каждомъ найденномъ имъ предметѣ все, что только есть въ немъ замѣчательнаго.

Позднѣе, когда ребенокъ достигнетъ извѣстнаго возраста, въ видѣ награды ему можно показать, какимъ способомъ сохраняются растенія—занятіе, которое очень сильно заинтересуетъ его, вслѣдствіе уже пріобрѣтенныхъ имъ познаній въ ботаникѣ; затѣмъ, какъ еще высшую награду за прилежаніе, можно подарить ему приборъ, необходимый для храненія обыкновенныхъ бабочекъ и мотыльковъ, въ періодъ ихъ превращенія, и ухода за ними—занятіе, какъ мы готовы лично засвидѣтельствовать это, доставляющее дѣтямъ невыразимое наслажденіе въ теченіи многихъ послѣдующихъ лѣтъ. Такой приборъ, вмѣстѣ съ составленной коллекціей насѣкомыхъ, придаетъ большую прелесть энтомологическимъ экскурсіямъ и служитъ превосходнымъ введеніемъ къ изученію физіологіи.

Мы такъ и ждемъ возраженій, что подобнаго рода занятія есть только потеря времени и напрасная трата дѣтскихъ силъ, что гораздо было бы полезнѣе занимать дѣтей переписской прописей или заучиваніемъ цифръ, для подготовленія ихъ къ практической, дѣловой жизни. Намъ всей душой прискорбно, что до сихъ поръ еще у насъ господствуютъ такія незрѣлыя идеи о задачѣ воспитанія и такія узкія понятія о пользѣ. Не говоря уже о необходимости систематической культуры мыслительныхъ способностей и о цѣнности вышеупомянутыхъ занятій, вполнѣ удовлетворяющихъ этой культурѣ, мы готовы отстаивать ее хотя бы ради знанія, пріобрѣтаемаго чрезъ ея посредство. Если бы людямъ предназначено было быть только чиновниками, счетоводами, безъ всякихъ понятій о чемъ-либо другомъ, кромѣ своего ремесла, то имъ ничего не оставалось бы дѣлать, какъ слѣдовать примѣру тѣхъ тунеядцевъ, для которыхъ понятіе объ удовольствіяхъ сельской жизни заключается только въ возможности сидѣть

въ общественномъ саду съ трубкой въ зубахъ и съ кружкой эля передъ собой, или усвоить себѣ взгляды тѣхъ помѣщиковъ, которые считаютъ лѣса ничѣмъ инымъ, какъ мѣстомъ охоты, а дикія растенія сорными травами, и подраздѣляютъ животныхъ на дичь, гадовъ и скотъ. Тогда, конечно, не было бы никакой надобности изучать предметы, не прямо способствующіе наполненію денежныхъ ларцевъ и кладовыхъ. Если же въ жизни существуетъ другая, болѣе высокая цѣль, чѣмъ быть поденьщикомъ, если окружающіе насъ предметы могутъ доставлять намъ другую пользу, кромѣ денежной, если въ человѣкѣ могутъ быть развиваемы болѣе благородныя стремленія, чѣмъ жажда пріобрѣтенія и чувственныя удовольствія, если удовольствія, доставляемыя поэзіей, искуствами, наукой и философіей, имѣютъ какое-нибудь значеніе,—то очень желательно, чтобы родители и наставники энергически поощряли инстинктивную наклонность почти каждаго ребенка наблюдать красоты природы и добиваться причинъ всѣхъ ея явленій. Послѣдователей грубаго утилитаризма, проповѣдующихъ, что человѣку надо довольствоваться тѣмъ, что онъ появился на свѣтъ, и покидать его, не давъ себѣ труда узнать, что̀ такое обитаемый нами міръ и изъ чего онъ состоитъ,—можно разбить на ихъ же собственной почвѣ. Рано или поздно, будетъ признано всѣми, что знаніе законовъ жизни несравненно важнѣе всякаго другаго знанія; что на законахъ жизни основаны не только всѣ физическіе и умственные процессы, но, косвеннымъ путемъ, даже все, что ни происходитъ въ человѣческихъ жилищахъ и внѣ ихъ, всѣ торговыя сдѣлки, политическіе переговоры, нравственные перевороты, и что, слѣдовательно, безъ пониманія этихъ законовъ нѣтъ возможности регулировать ни личный и ни общественный образъ дѣйствій. Со временемъ, люди также поймутъ, что законы жизни, въ сущности, одни и тѣ же для всего органическаго міра и, затѣмъ, что они не могутъ быть поняты, какъ слѣдуетъ, въ ихъ сложныхъ проявленіяхъ, пока мы не изучимъ ихъ въ простыхъ. Когда люди убѣдятся въ этомъ, то увидятъ также, что помогая ребенку пріобрѣтать внѣшнія свѣдѣнія, къ

которымъ онъ выказываетъ такое горячее стремленіе, и поощряя увеличеніе этихъ свѣдѣній, въ пору его юности, мы, просто, побуждаемъ его къ накопленію сыраго матеріала, который онъ, впослѣдствіи, приведетъ въ порядокъ, къ накопленію фактовъ, съ помощью которыхъ онъ дойдетъ, со временемъ, до великихъ обобщеній науки, могущихъ правильно руководить его дѣйствіями.

Первыя попытки въ рисованьи. Принятое теперь многими мнѣніе, что рисованье составляетъ одинъ изъ элементовъ воспитанія, служитъ отраднымъ признакомъ того, что въ обществѣ начинаютъ распространяться болѣе раціональные взгляды на умственное образованіе дѣтей. Кромѣ того, надо замѣтить, что и учителя пошли, наконецъ, по пути, давно уже указываемомъ природой. Всѣмъ извѣстны самопроизвольныя попытки дѣтей рисовать человѣчковъ, дома, деревья и животныхъ, которые имъ попадались на глаза, на аспидной доскѣ, а не то карандашомъ на бумагѣ, если имъ удастся выпросить ихъ у старшихъ. Для ребенка нѣтъ выше удовольствія, какъ разсматривать книги съ картинками; непобѣдимая наклонность къ подражанію постоянно вызываетъ въ немъ желаніе воспроизвести такія же картинки самому. Это усиліе передать на бумагѣ поразившіе его предметы свидѣтельствуетъ о дальнѣйшемъ инстинктивномъ упражненіи мыслительныхъ способностей, которое ведетъ къ еще болѣе точной и полной наблюдательности. Своимъ стараніемъ заинтересовать насъ сдѣланнымъ ими открытіемъ, что у такихъ-то предметовъ существуютъ такіе-то признаки, и своими попытками изобразить все это на картинкѣ, дѣти прямо указываютъ намъ, какого рода должно быть образованіе, въ которомъ они болѣе всего нуждаются.

Если бы учителя руководились внушеніями природы, не только въ признаніи рисованья элементомъ воспитанія, но и въ выборѣ метода въ преподаваніи его, они добились бы гораздо лучшихъ результатовъ. Что́ именно всего охотнѣе рисуетъ ребенокъ? Крупные, особенно, ярко раскрашенные предметы или такіе, съ которыми связаны самыя пріятныя для

него воспоминанія: маленькихъ, большихъ, худенькихъ, толстыхъ человѣчковъ, коровъ, кошекъ и собакъ, столь знакомыхъ ему дома, ежеминутно торчащихъ у него передъ глазами и поражающихъ его своими размѣрами и разнообразіемъ. А какой изъ процессовъ рисованья доставляетъ ребенку всего больше наслажденія? Раскрашиваніе красками. Бумага и карандашъ хороши за недостаткомъ чего-нибудь лучшаго; но ящикъ съ красками и карточки — это истинное сокровище; рисованье контуровъ немедленно отходитъ тогда на второй планъ; дитя прибѣгаетъ къ нему ради того только, чтобъ было что покрыть красками; если же ему разрѣшать раскрасить книгу съ гравюрами — восторгу его нѣтъ предѣловъ. Какъ бы ни казался смѣшонъ подобный порядокъ спеціалистамъ-учителямъ рисованья, всегда откладывающимъ раскрашиванье красками до старшихъ классовъ, а въ маленькихъ надоѣдающимъ дѣтямъ сухими уроками копировки контуровъ съ моделей, — мы утверждаемъ, что указанный нами порядокъ есть настоящій и что имъ-то и слѣдовало бы руководствоваться въ школахъ. Первенство краски надъ формой, какъ мы сейчасъ доказали, основано на психологической причинѣ, и это должно имѣться въ виду съ первыхъ же уроковъ рисованья; точно также для копированья слѣдуетъ давать маленькимъ ученикамъ, съ самаго начала, реальные предметы. Удовольствіе рисовать красками, проявляющееся не только у дѣтей, но и у взрослыхъ, иногда въ теченіи всей ихъ жизни, должно постоянно служить стимуломъ, при сравнительно трудномъ и скучномъ копированіи формъ; пріятная мысль, что впереди предстоитъ окрашиванье контуровъ, вполнѣ вознаграждаетъ трудящагося за невеселую работу. Необходимо поощрять стремленіе дѣтей изображать интересующіе ихъ предметы, на томъ основаніи, что когда они сдѣлаются опытнѣе и ихъ начнутъ занимать предметы болѣе простые, практическіе, они непремѣнно пожелаютъ ихъ изобразить; такимъ образомъ, въ нихъ постепенно будетъ развиваться стараніе подойти какъ можно ближе къ оригиналу. Если эти первыя попытки окажутся неопредѣленными, даже

невѣрными—что совершенно согласно съ законами развитія—то все-таки нѣтъ причины пренебрегать ими. Что за бѣда, если контуры будутъ даже каррикатурны? Что за бѣда, если картинка окажется не раскрашенной, а размалеванной? Вопросъ не въ томъ, хорошо ли рисуетъ ребенокъ, а въ томъ, развиваются ли его способности. Прежде всего ему нужно научиться владѣть пальцами и пріобрѣсти самыя первоначальныя понятія о сходствѣ; мазаньемъ и уродованьемъ формъ ребенокъ всего лучше достигаетъ цѣли, потому что такого рода упражненія самопроизвольны, слѣдовательно, занимательны. Въ первые годы дѣтства, немыслимы формальные уроки рисованья; но изъ этого не слѣдуетъ, что мы должны отказывать въ содѣйствіи стремленіямъ дѣтей къ самообученію и тормозить ихъ; напротивъ, намъ слѣдуетъ поощрять и направлять эти стремленія, какъ нормальныя упражненія понятій и ручныхъ движеній. Если мы будемъ давать ребенку дешевыя деревянныя игрушки для раскрашиванья, или простые чертежи ландкартъ, съ тѣмъ, чтобы онъ разцвѣтилъ красками хоть границы земель, онъ незамѣтно ознакомится съ очертаніями предметовъ и странъ и пріобрѣтетъ нѣкоторую ловкость при владѣніи кистью; а если мы станемъ снабжать маленькаго рисовальщика болѣе занимательными оригиналами, то въ немъ постепенно будетъ развиваться желаніе дѣлать уже не копіи, а оригинальныя изображенія,—въ началѣ, конечно, самыя грубыя; но кончится все-таки тѣмъ, что при наступленіи такого возраста, когда уже будетъ пора приступить къ формальнымъ урокамъ рисованья, дѣло пойдетъ чрезвычайно легко, чего при другихъ условіяхъ и ожидать нельзя, а чрезъ это сбережется время; учитель же и ученикъ избавятся отъ лишнихъ трудовъ.

Изъ всего сказаннаго можно ясно видѣть, что мы осуждаемъ обыкновеніе начинать уроки рисованья съ копировки моделей, а еще болѣе формальный способъ черченія прямыхъ, кривыхъ и смѣшанныхъ линій, чѣмъ, обыкновенно, начинаютъ свои уроки нѣкоторые учителя. Нельзя не пожалѣть, что «Общество искуствъ», въ своей серіи руководствъ къ перво-

начальному обученію искуствъ, одобрительно отозвалось объ одномъ элементарномъ рисовальномъ альбомѣ — самой вредной по принципу книгѣ, какой мы не видывали. Мы говоримъ о сочиненіи скульптора Джона Бэлль: «Outline from Outline, or from the Flat». Въ предисловіи къ нему сказано, что авторъ намѣренъ представить дѣтямъ самый простой и логическій способъ обученія рисованью, и съ этой цѣлью онъ начинаетъ дѣлать слѣдующаго рода опредѣленія:

«Простая линія въ рисованьи есть тонкая черта, проведенная отъ одной точки къ другой.

«Линіи могутъ быть подраздѣлены, по своему положенію въ рисункахъ, на два рода:

1. «*Прямыя* линіи или черты, идущія самымъ короткимъ путемъ между двумя точками A и B.

2. «Или *кривыя*, т. е. черты, идущія *не* самымъ короткимъ путемъ между двумя точками C и D».

Затѣмъ, авторъ переходитъ къ горизонтальнымъ, перпендикулярнымъ и наклоннымъ линіямъ, къ угламъ разнаго рода и разнообразнымъ фигурамъ, образуемымъ изъ угловъ и линій. Словомъ, все это сочиненіе есть ничто иное, какъ грамматика формъ съ упражненіями. Такимъ образомъ, система—начинать первый урокъ сухимъ анализомъ элементовъ, давно уже признанная негодной при обученіи языкамъ, должна быть снова введена при обученіи рисованью!

Мы должны начинать съ опредѣленнаго, вмѣсто неопредѣленнаго, абстрактное будетъ предшествовать конкретному, научныя понятія поставятся впереди эмпирическихъ опытовъ! Нужно ли повторять, что это есть полное извращеніе естественнаго метода? Очень вѣрно было замѣчено кѣмъ-то, что обыкновеніе предпосылать изученію языка затверживаніе наизусть частей рѣчи и ихъ значенія точно также неблагоразумно, какъ если бы вздумали заставлять дѣтей, передъ тѣмъ, какъ они начнутъ учиться ходить, прослушалъ цѣлый курсъ о костяхъ, мускулахъ и нервахъ ногъ. Почти тоже можно сказать о системѣ, предлагаемой авторомъ вышеназваннаго альбома — начинать преподаваніе рисовальнаго искуства номенклатурой и

опредѣленіемъ линій, чего, по настоящему, ученикъ долженъ достигать путемъ анализа. Всѣ эти техническія названія способны только оттолкнуть дѣтей отъ науки; да притомъ, онѣ совершенно безполезны, потому что съ перваго же раза возбуждаютъ отвращеніе ученика къ уроку. И какъ подумаешь, что все это дѣлается съ цѣлью научить дѣтей тому, чему они сами безсознательно выучились бы на практикѣ! Какъ ребенокъ случайно, точно на лету, подхватываетъ смыслъ и значеніе обыкновенныхъ словъ, прислушиваясь только къ разговору окружающихъ его людей и не прибѣгая къ лексикону, точно также онъ, изъ подслушанныхъ имъ замѣчаній о различныхъ предметахъ, картинахъ, и проч., при пособіи своего собственнаго рисованья, мало по малу, усвоитъ, безъ всякихъ усилій, даже съ удовольствіемъ, тѣ самые ученые техническіе термины, которые оставались для него непонятными и очень надоѣдали ему, когда учитель силою навязывалъ ему ихъ во время уроковъ.

Первые уроки перспективы. Если неизбѣжна нѣкотораго рода зависимость отъ общихъ принциповъ воспитанія, изложенныхъ выше, то обученіе дѣтей рисованью должно вполнѣ согласоваться съ тѣми ранними стремленіями, поощрять которыя, какъ уже было доказано нами, очень полезно. Кольскоро добровольныя упражненія придадутъ нѣкоторую твердость рукѣ ребенка и сообщатъ ему начальныя понятія о размѣрахъ, у него тотчасъ явится смутное представленіе о тѣлѣ въ трехъ его измѣреніяхъ; а когда послѣ неудачныхъ попытокъ и каррикатурной передачи различныхъ изображеній на бумагѣ, у ребенка обнаружится, наконецъ, довольно ясное пониманіе, какъ слѣдуетъ рисовать и родится желаніе заняться этимъ дѣломъ, ему надо дать первый урокъ эмпирической перспективы, при помощи прибора, обыкновенно употребляемаго въ физикѣ, для объясненія перспективы. Слова эти звучатъ нѣсколько странно, но опыты, производимые посредствомъ такого прибора, не только могутъ быть поняты, а даже живо заинтересуютъ мальчиковъ и дѣвочекъ самыхъ обыкновенныхъ способностей. Передъ ученикомъ ставится на столъ

стеклянная пластинка въ вертикальномъ положеніи; позади ее кладутъ книгу или какую-нибудь другую вещь; затѣмъ, мальчику предлагаютъ, сохраняя глазъ въ одномъ положеніи, ставитъ чернильныя точки на стеклѣ такимъ образомъ, чтобы онѣ совпадали съ углами предмета или закрывали ихъ. Потомъ ему говорятъ, чтобы онъ соединилъ эти точки линіями; сдѣлавъ это, онъ увидитъ, что проведенныя имъ линіи закрываютъ собою очертаніе предмета; тогда, приложивъ листъ бумаги къ обратной сторонѣ стеклянной пластинки, мальчикъ убѣдится, что означенныя линіи изображаютъ предметъ точно такимъ, какимъ онъ ему представлялся. Для него будетъ очевидно, что его рисунокъ есть нетолько вѣрное изображеніе предмета, но что проведенныя имъ линіи должны были неминуемо такъ, а не иначе расположиться, потому что онъ видѣлъ сквозь стекло, что оно вполнѣ совпадали съ контурами предмета. Этотъ новый и поразительный для ребенка фактъ послужитъ ему осязательнымъ доказательствомъ, что линіи извѣстныхъ протяженій и извѣстнымъ образомъ расположенныя на плоскости, представляютъ изображеніе тѣхъ же линій въ пространствѣ, но расположенныхъ въ немъ иначе и имѣющихъ другое протяженіе. Постепенно измѣняя положеніе предмета относительно стеклянной пластинки, можно показать ребенку, какъ нѣкоторыя линіи контура предмета укорачиваются или даже становятся невидимыми, а другія, въ это время, удлиняются и выступаютъ впередъ. Точно такимъ же способомъ можно постепенно объяснить ученику всѣ главныя условія перспективы, какъ, напримѣръ, почему въ перспективномъ изображеніи параллельныя линіи сходятся въ одну точку. Если мальчикъ пріученъ къ самодѣятельности, то онъ охотно вызовется попробовать срисовать прямо на бумагу, безъ помощи прибора, который-нибудь изъ окружающихъ его предметовъ, и, конечно, будетъ стараться, чтобы его рисунокъ вышелъ также удаченъ, какъ въ то время, когда онъ срисовывалъ черезъ стекло. Такимъ образомъ, не прибѣгая къ безсмысленной, механической работѣ копированія съ чужихъ рисунковъ, можно, при помощи простого и занимательнаго,

практическаго, а не отвлеченнаго метода, ознакомиться, шагъ за шагомъ, съ линейными очертаніями предметовъ и пріобрѣсти способность передавать ихъ. Ко всему этому прибавьте еще то, что такимъ путемъ ученикъ съ ранняго возраста почти безсознательно знакомится съ самымъ точнымъ и вѣрнымъ способомъ изображенія предметовъ, состоящимъ въ томъ, чтобы это изображеніе представляло очертаніе предметовъ именно такъ, какъ оно является на плоскости, находящейся между предметами и глазомъ, и, наконецъ, когда ученикъ достигнетъ такого возраста, что пора будетъ начинать изученіе перспективы научнымъ путемъ, то окажется, что онъ коротко уже ознакомленъ съ фактами, составляющими логическое ея основаніе.

Первые уроки геометріи. Чтобы дать понятіе читателямъ о раціональномъ способѣ сообщенія дѣтямъ первоначальныхъ понятій о геометріи, лучше всего привести слѣдующій отрывокъ изъ сочиненій Уайза:

«Ребенка пріучаютъ употреблятъ кубики при урокахъ ариѳметики; пусть онъ точно также пользуется ими для пріобрѣтенія элементарныхъ свѣдѣній изъ геометріи. Я бы началъ съ изученія твердыхъ тѣлъ, т. е. совершенно наоборотъ противъ общепринятой системы; это избавило бы учителя отъ необходимости прибѣгать къ неяснымъ опредѣленіямъ и дурнымъ объясненіямъ: точекъ, линій и поверхностей — понятій, вполнѣ отвлеченныхъ. Кубъ заключаетъ въ себѣ самые главные элементы въ геометріи; въ немъ можно найти: точки, прямыя линіи, параллельныя линіи, углы, плоскости, паралеллограммы и т. д. Кубики могутъ состоять изъ нѣсколькихъ частей; ученикъ, болѣе или менѣе, ознакомился съ этими частями, когда учился по кубикамъ считать; теперь же нужно заставить его сравнивать ихъ между собой и отыскивать отношенія одной части къ другой. Потомъ онъ переходитъ къ шару, посредствомъ котораго получаетъ начальныя понятія о кругѣ и о кривыхъ вообще.

«Достаточно ознакомясь съ твердыми тѣлами, ученикъ переходитъ къ плоскостямъ. Этотъ переходъ можетъ быть

сдѣланъ очень незамѣтно. Разрѣжьте, для примѣра, кубъ на тоненькія пластинки и положите ихъ на бумагу: мальчикъ сейчасъ увидитъ, что у него столько же плоскихъ прямоугольниковъ, сколько пластинокъ; тѣмъ же способомъ можно показать ему и другія фигуры. Точно также поступаютъ и съ шаромъ; ученикъ пойметъ тогда происхожденіе поверхностей и привыкнетъ легко опредѣлять ихъ въ каждомъ твердомъ тѣлѣ.

«Вотъ какимъ образомъ ребенокъ выучивается, такъ сказать, азбукѣ геометріи и чтенію ея. Затѣмъ, онъ приступаетъ къ черченію. Самый простой и потому начальный способъ состоитъ въ томъ, чтобъ положить пластинки на бумагу и обвести карандашомъ. Повторивъ это нѣсколько разъ, можно заставить ребенка уже не обводить, а срисовывать пластинки, отставя ихъ на нѣкоторое разстояніе».

Когда у ребенка окажется порядочный запасъ геометрическихъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ по системѣ Уайза или подобной ей, можно идти далѣе: пріучить его исправлять свои собственные чертежи, сдѣланные на глазъ; этимъ въ немъ возбудится желаніе срисовывать ихъ вѣрнѣе и получится навыкъ побѣждать трудности при выполненіи этого желанія. Нѣтъ почти сомнѣнія, что основаніемъ геометріи (какъ это видно изъ самаго ея названія) послужилъ придуманный плотниками и каменьщиками способъ для измѣренія пространствъ подъ фундаменты зданій, площадей, оградъ и проч., и что добытыя такимъ образомъ геометрическія истины были оцѣнены людьми немедленно, въ виду ихъ безусловной пользы. Ученика слѣдуетъ знакомить съ ними при аналогическихъ обстоятельствахъ. Вырѣзывая кусочки для своихъ карточныхъ домиковъ, рисуя геометрическія фигуры для того, чтобы послѣ раскрасить ихъ, вообще, отдаваясь тѣмъ поучительнымъ занятіямъ, которыя придумаетъ для него изобрѣтательный наставникъ, ребенку невольно можетъ придти въ голову мысль испытать свои силы на процессѣ строительнаго искуства; конечно, онъ сейчасъ же убѣдится въ трудности достигнуть цѣли безъ посторонней помощи.

Когда понятія его нѣсколько разовьются и онъ выучится владѣть циркулемъ, который много поможетъ ему провѣрять свои измѣренія глазомѣромъ; онъ вполнѣ оцѣнитъ этотъ инструментъ, хотя и пойметъ очень скоро, что добытые имъ результаты только приблизительно вѣрны. На этомъ пока можно остановиться, частію потому, что ученикъ еще слишкомъ молодъ для болѣе серьёзныхъ занятій, частію и для того, чтобы онъ сознательно понялъ необходимость систематической подготовки. Если признать, что лучшій способъ преподаванія есть тотъ, который поддерживаетъ постоянный интересъ въ ребенкѣ, и допустить, что въ первоначальномъ воспитаніи ребенка, также какъ и въ первыя эпохи цивилизаціи человѣчества, наука цѣнится только въ примѣненіи ея къ искуству, то станетъ очевидно, что лучшимъ введеніемъ къ геометріи служитъ продолжительное упражненіе въ строительныхъ процессахъ, облегчаемыхъ ею. Замѣтьте, что и тутъ сама природа указываетъ намъ путь. Дѣти вообще любятъ вырѣзывать разныя фигурки изъ бумаги, клеить, строить; если мы будемъ поощрять и хорошо направлять такого рода наклонность, то этимъ не только облегчится пріобрѣтеніе научныхъ понятій, но разовьется также у ребенка и ловкость въ рукахъ, которой не достаетъ весьма многимъ изъ насъ.

Эмпирическая геометрія. Когда въ ребенкѣ достаточно разовьются наблюдательность и изобрѣтательность, то его можно начать знакомить съ эмпирической геометріей, занимающейся методическими рѣшеніями задачъ, а не доказательствами. Этотъ переходъ, какъ всѣ вообще переходы въ системѣ воспитанія, долженъ совершится незамѣтно, при чемъ отнюдь не слѣдуетъ прекращать занятій строительнымъ искуствомъ. Дайте ребенку четырехгранникъ и скажите, чтобы онъ вырѣзалъ изъ картона точно такую же фигуру; эта задача очень его заинтересуетъ и можетъ послужить лучшей исходной точкой для послѣдующихъ занятій. Принявшись за работу, мальчикъ увидитъ, что ему необходимо нарисовать четыре равносторонніе треугольника, расположивъ ихъ извѣстнымъ образомъ. Будучи не въ состояніи, по незнанію правильнаго метода, сдѣлать это акуратно, онъ убѣдится, что складывая треугольники, онъ не можетъ приладить другъ къ другу ихъ сторонъ и свести ихъ вершинъ. Тогда слѣдуетъ показать ребенку, какъ, при помощи двухъ круговъ, можно очень вѣрно и безъ всякихъ затрудненій начертить каждый изъ этихъ треугольниковъ; ребенокъ пойметъ, въ чемъ дѣло и непремѣнно оцѣнитъ сообщенныя ему свѣдѣнія. Оказавъ ему содѣйствіе при разрѣшеніи первой задачи, съ цѣлью объяснить геометрическіе пріемы, надо, на будущее время, предоставить ему рѣшать прочія задачи самому. Раздѣлить линію пополамъ, поставить перпендикуляръ, начертить квадратъ, раздѣлить уголъ пополамъ, провести линію параллельную данной, описать шестиугольникъ, — все это такія задачи, которыя онъ, при небольшемъ запасѣ терпѣнія, можетъ легко выполнить. Послѣ этого ему можно задавать все болѣе и болѣе сложные вопросы, и онъ, если возьмется за дѣло какъ слѣдуетъ, непремѣнно разрѣшитъ ихъ безъ посторонней помощи. Нѣтъ сомнѣнія, что люди, воспитанные по старой системѣ, отнесутся къ этому скептически; но мы говоримъ на основаніи фактовъ, притомъ нерѣдкихъ, не исключительныхъ. Намъ случалось видѣть, какъ мальчики цѣлаго класса были до такой степени заинтересованы разрѣшеніемъ подобныхъ задачъ, что для нихъ урокъ геометріи считался главнымъ событіемъ недѣли. Недавно намъ разсказывали объ одной женской школѣ, гдѣ нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ добровольно занимались геометріей внѣ классныхъ часовъ, и о другой школѣ, гдѣ ученицы не только дѣлали то-же самое, но гдѣ одна дѣвочка просила даже задавать ей на домъ геометрическія задачи. Мы приводимъ оба эти факта, опираясь на свидѣтельство учителей. Это весьма серьезное доказательство практичности и громадной пользы саморазвитія. Отрасль знанія, считаемая всѣми сухой и даже противной, при посредствѣ естественнаго метода, становится въ высшей степени интересной и чрезвычайно благодѣтельной. Мы говоримъ чрезвычайно благодѣтельной потому, что ре-

зультатомъ ея вліянія оказывается не только изученіе геометрическихъ истинъ, но часто совершенный переворотъ во всемъ процессѣ мышленія. Не разъ случалось, что тѣ, кого старая школьная рутина притупляла своими отвлеченными формулами, скучными уроками и зубреніемъ, благодаря геометріи, внезапно пробуждались, такъ сказать, умственно, переставали безучастно воспринимать чужія мысли и становились дѣятельными изслѣдователями науки. Прежній упадокъ духа, какъ слѣдствіе плохаго преподаванія, уступалъ мѣсто живому сочувствію къ занятіямъ и вызывалъ въ ученикахъ достаточный запасъ устойчивости, для достиженія перваго успѣха. Въ нихъ пробуждались бодрость духа, оживлявшая весь организмъ; они уже не считали себя ни къ чему неспособными, а сознавали, что могутъ, какъ и другіе, приносить пользу. Помѣрѣ того, какъ успѣхъ слѣдовалъ за успѣхомъ, отчаяніе въ нихъ исчезало и прежніе неумѣлые труженики преодолѣвали всѣ препятствія послѣдующихъ работъ съ мужествомъ, обезпечивающимъ побѣду.

Какимъ способомъ можно сдѣлать геометрію привлекательной наукой. Нѣсколько недѣль спустя послѣ появленія въ первый разъ въ печати предыдущихъ разсужденій, профессоръ Тиндаль, въ лекціи, читанной имъ въ королевскомъ институтѣ: «О важномъ значеніи физики, какъ одной изъ отраслей воспитанія», приводитъ нѣсколько убѣдительныхъ доводовъ по этому же вопросу. Его свидѣтельство, основанное на личномъ наблюденіи, до такой степени драгоцѣнно, что мы не можемъ не привести его здѣсь цѣликомъ.

«Одною изъ обязанностей, выпавшихъ на мою долю въ тотъ періодъ времени, о которомъ я говорилъ, было преподаваніе математики въ одномъ училищѣ; я всегда замѣчалъ, что Эвклидъ и древняя геометрія вообще, объясняемыя мною, весьма нравились юношеству. Но я постоянно старался отвлекать мальчиковъ отъ рутиннаго заучиванья наизусть и вызывать въ нихъ самодѣятельность при обсужденіи вопросовъ, непонятныхъ для нихъ при старомъ методѣ. Сначала уклоненіе отъ избитой колеи возбуждало, обыкновенно, нѣкоторое

отвращеніе; ученикъ чувствовалъ себя какъ дитя среди чужихъ; но не было еще ни одного случая, чтобы это отвращеніе долго продолжалось. Когда мальчикъ падалъ духомъ, я ободрялъ его примѣромъ Ньютона, который говорилъ, что онъ отличается отъ другихъ людей только тѣмъ, что у него больше терпѣнія, чѣмъ у нихъ, или словами Мирабо, который приказалъ своему лакею, объявившему, что невозможно исполнить какого-то дѣла, никогда не употреблять этого глупаго выраженія. Ободренный мною, ученикъ возвращался къ своей работѣ съ улыбкой, можетъ быть, нѣсколько недовѣрчивой, тѣмъ не менѣе, выказывавшей рѣшимость испытать вновь свои силы. Я видѣлъ, какъ глаза мальчика оживлялись и, наконецъ, слышалъ, какъ онъ съ радостію, передъ которой меркнетъ восторгъ Архимеда, восклицалъ: «Сэръ, я понялъ!» Пробуждаемое такимъ способомъ сознаніе своихъ собственныхъ силъ, имѣло огромное значеніе; одушевляемый имъ, весь классъ дѣлалъ поразительные успѣхи. Я часто держался правила давать мальчикамъ на выборъ, заниматься рѣшеніемъ задачъ по книжному руководству или испытывать свои силы на такихъ задачахъ, рѣшеніе которыхъ тамъ нельзя было найти. Я не помню ни одного примѣра, чтобы выборъ остановился на книгѣ. Я постоянно предлагалъ ученикамъ свое содѣйствіе въ тѣхъ случаяхъ, когда считалъ это необходимымъ; но каждый разъ мои предложенія отклонялись ими; дѣти уже вкусили сладость умственныхъ побѣдъ и домогались новыхъ. Мнѣ нерѣдко попадались на глаза геометрическія фигуры, нацарапанныя на стѣнахъ школы, или вырѣзанныя на столбахъ площадки, гдѣ ученики играли; словомъ, вездѣ и всюду я видѣлъ живыя доказательства интереса, возбуждаемаго геометріей въ дѣтяхъ. Что касается лично меня, то относительно опытности въ дѣлѣ воспитанія, я былъ, въ то время, едва оперяющимся птенцомъ; я не имѣлъ понятія о педагогическихъ правилахъ, какъ ихъ называютъ нѣмцы, и держался только того направленія, о которомъ упомянуто въ началѣ моей рѣчи, стараясь сдѣлать изъ геометріи *орудіе*, а не *отрасль* воспитанія. Мой опытъ удался вполнѣ, и луч-

шими часами моей жизни, я считаю тѣ, которые я проводилъ въ наблюденіи за могучимъ и смѣлымъ развитіемъ умственныхъ силъ въ дѣтяхъ, когда я вызывалъ ихъ описаннымъ мною способомъ».

Эмпирическая геометрія, представляющая непрерывный рядъ задачъ, должна быть преподаваема на ряду съ другими предметами знанія въ теченіи всего курса. Полезно было бы сопровождать преподаваніе ее практическими примѣненіями тѣхъ принциповъ, которые служатъ какъ бы введеніемъ къ ней. Послѣ куба, осьмигранника, пирамидъ и призмъ разныхъ величинъ и формъ, можно позволить ученику приступить къ изученію болѣе сложныхъ твердыхъ тѣлъ: двѣнадцатигранника, двадцатигранника, постройка которыхъ изъ отдѣльныхъ кусочковъ картона требуетъ значительной сметки. Затѣмъ, можно перейти естественнымъ путемъ къ разнообразнымъ формамъ правильныхъ тѣлъ, встрѣчаемыхъ въ кристаллахъ, къ усѣченному кубу, къ кубу съ усѣченными углами, осьмиграннику и разновиднымъ призмамъ, точно также измѣненнымъ. Такъ какъ различные металлы и соли имѣютъ тѣ же разнообразныя формы, какъ и твердыя тѣла, съ которыми знакомятъ ученика, то онъ незамѣтнымъ образомъ получаетъ первоначальныя понятія о минералогіи *).

Послѣ продолжительныхъ упражненій въ этомъ родѣ, раціональная геометрія, вѣроятно, не будетъ уже представлять никакихъ затрудненій для учащагося. Привыкнувъ всматриваться въ отношенія между формой и величиной и смутно ощущая, по временамъ, потребность въ извѣстныхъ результатахъ, достигаемыхъ извѣстными способами, ученикъ начинаетъ смотрѣть на доказательства Эвклида, какъ на дополненіе къ близко знакомымъ ему задачамъ. При помощи хорошо выработаннаго соображенія, онъ очень скоро усвоиваетъ въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ предложенія геометріи Эвклида,

*) Желающіе имѣть руководство для вышеописанной системы обученія дѣтей геометріи, найдутъ его въ небольшомъ сочиненіи, озаглавленномъ: «Inventional Geometry», изданіе J. и C. Mozley. Paternoster Raw. London.

вполнѣ оцѣняетъ ихъ достоинство и при этомъ испытываетъ нерѣдко удовольствіе убѣждаться, что его собственные выводы оказываются совершенно вѣрными, такимъ образомъ, онъ находитъ наслажденіе въ томъ, что для неподготовленнаго ученика составляетъ только скучную работу. Намъ остается прибавить, что этимъ путемъ умъ его пріобрѣтетъ вскорѣ возможность заняться самымъ драгоцѣннымъ упражненіемъ для мыслительныхъ способностей—составленіемъ своихъ собственныхъ рѣшеній. Такого рода теоремы, какъ тѣ, которыя приложены къ отдѣльнымъ выпускамъ Эвклида, будутъ для него совершенно доступны; разрѣшеніе ихъ сдѣлается процессомъ его саморазвитія не только умственнаго, но и нравственнаго.

Правильность естественнаго метода. Продолжать эти наставленія, значило бы писать подробный трактатъ о воспитаніи, чего мы совсѣмъ не намѣрены дѣлать. На всѣ вышеприведенные очерки правилъ, какъ упражнять понятія дѣтей въ раннемъ возрастѣ, какъ вести наглядное обученіе, какъ преподавать первые уроки рисованія и геометріи, надо смотрѣть, просто, какъ на коментаріи метода, предписаннаго общими, предварительно точно обозначенными принципами. Мы полагаемъ, что послѣ внимательнаго обсужденія этихъ коментарій, окажется вполнѣ очевиднымъ, что естественный методъ не только способствуетъ переходу отъ простаго къ сложному, отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному, отъ конкретнаго къ абстрактному, отъ эмпирическаго къ раціональному, но удовлетворяетъ также и дальнѣйшимъ требованіямъ, именно, чтобы воспитаніе дѣтей было повтореніемъ цивилизаціи всего человѣчества, чтобы оно имѣло главнымъ своимъ основаніемъ саморазвитіе и было бы процессомъ пріятнымъ, а не скучнымъ. Тотъ методъ, съ помощію котораго могутъ быть съ точностію выполнены всѣ перечисленныя условія, есть *самый правильный*. Замѣтьте еще, что онъ есть прямой, логическій выводъ изъ того стремленія, которое рѣзко проявляется въ современныхъ улучшеніяхъ системы воспитанія, что онъ всецѣло усвоилъ себѣ естественный методъ, тогда

какъ прочіе системы воспитанія усвоили его только частію; что это полное усвоеніе естественнаго метода обнаруживается какъ въ тѣсной связи его съ вышепоименованными принципами, такъ и въ томъ, что онъ слѣдуетъ указаніямъ развивающагося ума ребенка, облегчая ему самопроизвольную дѣятельность и помогая, такъ сказать, природѣ. Мы имѣемъ теперь достаточно поводовъ вывести заключеніе, что вышеразъясненный методъ воспитанія ближе всего подходитъ къ естественному, т. е. къ самому правильному.

Необходимо прибавить еще нѣсколько замѣчаній при дальнѣйшемъ объясненіи двухъ общихъ принциповъ, одинаково важныхъ и одинаково мало принимаемыхъ нами во вниманіе, именно, принципа равномѣрнаго содѣйствія процессу самообученія, какъ въ раннемъ дѣтствѣ, такъ въ юности и въ зрѣломъ возрастѣ, и принципа, чтобы вызываемая умственная дѣятельность доставляла какъ можно болѣе удовольствія. Если постепенный переходъ отъ простаго къ сложному, отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному и т. д., считается главнымъ и непремѣннымъ требованіемъ отвлеченной психологіи, то изъ этого слѣдуетъ, что требованія добиваться знанія собственными силами и притомъ такъ, чтобы процессъ самообученія совершался съ удовольствіемъ, должны служить для насъ мѣриломъ, по которому мы можемъ судить, насколько предписанія отвлеченной психологіи выполняются нами. Если первое требованіе воплощаетъ въ себѣ главное обобщеніе *науки* умственнаго роста, то вторыя требованія составляютъ главныя правила искуства, какъ укрѣплять этотъ ростъ. Очевидно, что если ступени *порядка нашей жизни* (curriculum) такъ расположены, что ученикъ можетъ постепенно подниматься по нимъ одинъ, при незначительной, а не то даже безъ всякой помощи, то онѣ, значитъ, совершенно соотвѣтствуютъ ступенямъ развитія его способностей; точно также очевидно и то, что если ребенку доставляетъ существенное удовольствіе взбираться по этимъ ступенямъ, то намъ ничего болѣе не остается дѣлать, какъ только заботиться о нормальномъ упражненіи его физическихъ и умственныхъ силъ.

Польза отъ саморазвитія. Обративъ воспитаніе въ процессъ саморазвитія, мы получимъ, кромѣ той выгоды, что ребенокъ привыкнетъ къ правильному распредѣленію уроковъ, еще и другія выгоды: онъ пріобрѣтетъ такую живость и прочность впечатлѣній, какихъ не въ состояніи былъ бы вызвать въ немъ ни одинъ изъ обыкновенныхъ методовъ воспитанія; затѣмъ, каждое знаніе, которое усвоитъ самъ собой ребенокъ, каждая задача, которую онъ разрѣшитъ безъ чужой помощи, въ силу преодоленныхъ имъ трудностей, сдѣлаются вполнѣ его собственностію, чего, при другихъ условіяхъ, никогда бы не случилось. Отъ усиленной дѣятельности ума, необходимой для успѣха, отъ сосредоточенности мыслей, отъ радостнаго возбужденія, какъ результата побѣды, каждый фактъ врѣзывается въ памяти учащагося гораздо глубже, чѣмъ всякое другое свѣдѣніе, слышанное имъ отъ учителя или вычитанное въ учебникахъ. Даже если онъ не сладитъ съ задачей, то напряженіе, которому подвергались его мыслительныя способности во время работы, лучше запечатлѣетъ въ его мозгу услышанное рѣшеніе, чѣмъ если бы учитель нѣсколько разъ показалъ ему эту задачу. Замѣтьте еще, что подобнаго рода дисциплина требуетъ постояннаго, правильнаго распредѣленія пріобрѣтаемыхъ ученикомъ знаній. Всѣ факты и выводы, усвоенные этимъ естественнымъ путемъ, уже по природѣ своей постепенно подготовляютъ умъ ребенка къ дальнѣйшимъ заключеніямъ, дѣлаются, такъ сказать, ключомъ къ рѣшенію послѣдующихъ вопросовъ. Рѣшеніе вчерашней задачи непремѣнно поможетъ ученику рѣшить сегодняшнюю. Такимъ образомъ, просто усвоенное знаніе становится незыблемымъ достояніемъ ума и, впослѣдствіи, содѣйствуетъ общей мыслительной функціи, а не складывается въ архивъ умственнаго книгохранилища, подобно всякому знанію, заученному наизусть. Не надо забывать сверхъ того, какое нравственное усовершенствованіе ведетъ за собой эта постоянная самодѣятельность. Мужество при преодолѣваніи трудностей, упорно сосредоточенное вниманіе, устойчивость при неудачахъ,—все это характеристи-

ческія черты, въ высшей степени необходимыя въ послѣдующей жизни и вырабатываемыя преимущественно при помощи системы побужденія ума къ добыванію себѣ пищи. Мы, лично, собственнымъ опытомъ готовы засвидѣтельствовать полнѣйшую возможность осуществить на практикѣ обученіе по сказанному методу, такъ какъ насъ самихъ, въ юности, заставляли рѣшать очень сложныя, относительно, задачи перспективы. Что первоклассные педагоги держатся того же правила, это мы видимъ изъ словъ Фелленберга, который говоритъ, что «индивидуальная, независимая дѣятельность ученика приноситъ несравненно болѣе пользы, чѣмъ обыкновенная, суетливая услужливость тѣхъ господъ, которые берутъ на себя должности воспитателей», а также изъ мнѣнія, выраженнаго Гораціемъ Мэнъ, что «по несчастію, въ настоящее время, воспитаніе дѣтей у насъ преимущественно основано на томъ, что ихъ не столько *учатъ*, сколько *разсказываютъ* имъ», и наконецъ, изъ замѣчанія Марселя, что «учащійся всегда гораздо лучше запоминаетъ то, чего онъ самъ добился умственнымъ упражненіемъ, чѣмъ то, что другіе ему подсказали».

Тоже самое можно повторить и относительно требованія, чтобы методъ развитія дѣтей вызывалъ существенно пріятную для нихъ дѣятельность, пріятную не вслѣдствіе разсчета ребенка получить награду за прилежаніе, но вслѣдствіе здравыхъ началъ этой дѣятельности. Соображаясь съ такимъ требованіемъ, мы не только не затормозимъ существеннаго процесса развитія дѣтей, но даже обезпечимъ для нихъ положительныя выгоды. Не соглашаться съ тѣмъ, что поддержаніе въ дѣтяхъ счастливаго настроенія составляетъ уже само по себѣ высокую цѣль, значило бы, вернуться къ стариннымъ понятіямъ объ аскетической нравственности (или, лучше сказать, безнравственности). Мало того, хорошее расположеніе духа имѣетъ несравненно болѣе благодѣтельное вліяніе на умственную дѣятельность, чѣмъ состояніе равнодушія или чувство отвращенія къ труду. Кто изъ насъ не знаетъ, что все читанное, слышанное или видѣнное нами съ интересомъ

гораздо лучше запоминается, чѣмъ то, къ чему мы относились апатично. Въ первомъ случаѣ, всѣ наши способности, сосредоточенныя на одномъ предметѣ, находятся въ возбужденіи, а во второмъ, онѣ не увлечены имъ и потому наше вниманіе постоянно отвлекается отъ него болѣе интересными мыслями. Вотъ почему впечатлѣнія бываютъ, относительно, сильны и слабы. Сверхъ того, причиною умственнаго равнодушія ученика къ предметамъ, вовсе незанимательнымъ для него, нерѣдко бываетъ страхъ, чтобы его не наказали послѣ урока; чувство это парализуетъ въ немъ всякій интересъ, отвлекаетъ его вниманіе и увеличиваетъ для мальчика трудъ останавливать свои мысли на противныхъ ему фактахъ. Очевидно, что польза отъ ученія, при существованіи вышеупомянутыхъ условій, будетъ соразмѣрна удовольствію, съ которымъ слушается урокъ.

Надо также обратить вниманіе и на важныя нравственныя послѣдствія отъ того, доставляютъ ли ежедневные уроки удовольствіе ребенку или служатъ для него мученіемъ. Сравните только наружность и манеры двухъ мальчиковъ: одного, всегда веселаго, счастливаго, потому что ему всегда приходится заниматься предметами, интересными для него, и другаго, совершенно несчастнаго, чувствующаго отвращеніе къ урокамъ, отупѣвшаго отъ безпрестанныхъ выговоровъ, угрозъ и наказаній, — и вы сейчасъ убѣдитесь, что воспитаніе перваго ребенка благодѣтельно отражается на его способностяхъ, а воспитаніе втораго — вредно. Каждый, кто дѣлалъ наблюденія надъ вліяніемъ удачъ или неудачъ на человѣческій умъ и замѣчалъ, какъ велика власть ума надъ тѣломъ, тотъ пойметъ, что характеръ и здоровье перваго мальчика поставлены въ выгодныя условія; второму же грозитъ опасность остаться навсегда угрюмымъ, робкимъ, а главное, физически слабымъ. Нужно упомянуть еще объ одномъ косвенномъ, но, тѣмъ не менѣе, важномъ обстоятельствѣ. Отношеніе между учителями и учениками, обыкновенно, бываютъ или дружескія, т. е. авторитетныя съ одной стороны, или враждебныя, т. е. лишенныя всякаго авторитета. Все зависитъ отъ того, благодѣ-

тельна или вредна система обученія и воспитанія въ извѣстной школѣ. Люди — совершенные рабы своихъ впечатлѣній; личность, ежедневно дѣлающая намъ непріятности, неизбѣжно вызываетъ въ насъ тайное отвращеніе къ себѣ, и если она продолжаетъ насъ огорчать, то кончается тѣмъ, что мы почувствуемъ къ ней ненависть. И наоборотъ, та личность, которая постоянно помогаетъ дѣтямъ въ ихъ стремленіяхъ къ цѣли, часто доставляетъ имъ случаи наслаждаться умственными побѣдами, ежедневно поощряетъ ихъ къ труду и сочувствуетъ ихъ успѣхамъ, — такая личность возбуждаетъ въ дѣтяхъ искреннее расположеніе къ себѣ, а если она будетъ послѣдовательна въ своихъ дѣйствіяхъ, то дѣти горячо къ ней привяжутся. Если же мы вспомнимъ, какъ вліятеленъ и благодѣтеленъ надзоръ учителя, котораго ученики считаютъ за друга, въ сравненіи съ надзоромъ того, котораго они терпѣть не могутъ, или даже того, къ которому они равнодушны, то мы, конечно, убѣдимся, что косвенныя выгоды воспитанія, основаннаго на принципѣ счастія, не многимъ уступаютъ прямымъ выгодамъ. Каждому, кто выразитъ сомнѣніе въ возможности осуществить защищаемую нами систему, мы отвѣтимъ, какъ и прежде, что намъ не только указываетъ на нее теорія, но и самый опытъ жизни ее предписываетъ. Ко всѣмъ одобрительнымъ отзывамъ, выраженнымъ объ этой системѣ многими извѣстными педагогами послѣ Песталоцци, надо присоединить и слѣдующее мнѣніе профессора Pillans: «Тамъ, гдѣ молодыхъ людей учатъ такъ, какъ слѣдуетъ, говоритъ онъ, они чувствуютъ себя такими же счастливыми въ школѣ, какъ и во время игръ. Нормально направленное упражненіе ихъ умственныхъ силъ нравится имъ не менѣе, а часто даже и болѣе, упражненія мускульныхъ силъ».

Какъ послѣднее доказательство, почему необходимо сдѣлать изъ воспитанія процессъ самообученія, слѣдовательно, процессъ пріятнаго обученія, мы можемъ привести тотъ фактъ, что по мѣрѣ выполненія этой задачи, будетъ становиться все болѣе и болѣе вѣроятнымъ, что люди не перестанутъ учиться и по окончаніи школьнаго курса. До тѣхъ поръ, пока пріобрѣтеніе знаній не перестанетъ возбуждать отвращеніе при извѣстныхъ условіяхъ, у многихъ молодыхъ людей будетъ обнаруживаться стремленіе бросить всѣ занятія, лишь только представится случай избавиться отъ родительской и учительской ферулы. Когда же пріобрѣтеніе знаній обратится въ удовольствіе, тогда, конечно, проявится преобладающее стремленіе продолжать безъ верховнаго надзора то самообразованіе, которое прежде совершалось подъ строгой опекой. Такого рода результаты неизбѣжны. Пока законы умственной ассоціаціи останутся неизмѣнными, пока люди будутъ чувствовать отвращеніе къ вещамъ и мѣстностямъ, вызывающимъ въ нихъ тяжелыя воспоминанія, и любить тѣ, съ которыми связаны у нихъ прошлыя радости, до тѣхъ поръ скучные уроки будутъ дѣлать знаніе противнымъ, а пріятные — привлекательнымъ. Изъ людей, привыкшихъ въ дѣтствѣ учиться изъ-подъ палки и не пріученныхъ къ самостоятельнымъ занятіямъ, никогда впослѣдствіи не выйдетъ серьёзныхъ дѣльцовъ, между тѣмъ, какъ юноши, учившіеся по нормальной системѣ, умѣвшіе употреблять время съ пользою и вспоминающіе о своихъ учебныхъ годахъ, какъ о непрерывномъ рядѣ успѣховъ, — тѣ, конечно, въ теченіи всей своей послѣдующей жизни не прекратятъ самообученія, начатаго въ юности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Нравственное воспитаніе.

Мы положительно не обращаемъ никакого вниманія на главный недостатокъ нашихъ программъ воспитанія. Вводя множество улучшеній, какъ въ основу педагогическихъ системъ, такъ и въ способы практическаго ихъ примѣненія къ дѣлу, мы, до сихъ поръ, не признаемъ даже за пробѣлъ одинъ изъ самыхъ важныхъ пробѣловъ въ нихъ. Безспорно соглашаясь съ тѣмъ, что первой цѣлью стремленій родителей и наставниковъ должно быть подготовленіе юношества къ житейскимъ обазанностямъ, мы, въ настоящее время, обсуждаемъ достоинство преподаваемыхъ предметовъ и пользу методовъ, которыми руководствуются при обученіи дѣтей, соотвѣтственно тому, насколько они содѣйствуютъ достиженію помянутой цѣли. По этому поводу всѣ теперь заговорили о необходимости замѣнить исключительно классическое воспитаніе такимъ, въ программу котораго входило бы также и изученіе новѣйшихъ языковъ; кромѣ того, выставляется на видъ необходимость расширить научный отдѣлъ. Но заботясь о томъ, чтобы выработать изъ молодыхъ людей обоего пола полезныхъ членовъ общества и хорошихъ гражданъ, мы не прилагаемъ ни малѣйшаго старанія къ тому, чтобы подготовить ихъ къ исполненію родительскихъ обязанностей. Пови-

димому, каждый изъ насъ убѣжденъ, что безъ основательной подготовки трудно добывать себѣ средства къ жизни и, въ тоже время, каждый полагаетъ, что воспитывать дѣтей можно безъ всякой подготовки. Мальчика, напримѣръ, заставляютъ тратить нѣсколько лѣтъ жизни на пріобрѣтеніе такихъ знаній, главное достоинство которыхъ заключается только въ томъ, что они считаются неотъемлемой принадлежностью «свѣтскаго молодаго человѣка»; дѣвочку заставляютъ посвящать почти столько же времени на развитіе изящныхъ талантовъ, обезпечивающихъ ей успѣхи въ обществѣ; но ни тому, ни другой, въ теченіи всего курса ихъ школьнаго воспитанія, не дадутъ ни одного часа на подготовку къ одной изъ самыхъ главныхъ обязанностей человѣка — *умѣнью вести семью.* Можетъ быть, на долю рѣдкаго изъ насъ выпадаетъ роль главы семьи? Напротивъ, изъ десяти человѣкъ, девяти выпадаетъ эта роль. Можетъ быть, выполненіе ея очень легко? Конечно, нѣтъ. Изъ всѣхъ обязанностей взрослаго человѣка—это самая трудная. Такъ, можетъ быть, есть данныя, свидѣтельствующія, что каждый мужчина и каждая женщина могутъ самоучкой приспособить себя къ выполненію родительскихъ обязанностей? Нисколько. Въ этомъ случаѣ, самообученіе окажется совершенно безполезнымъ, такъ какъ предметъ, самъ по себѣ, слишкомъ сложенъ и самоучкамъ съ нимъ не сладить. Словомъ, нельзя привести никакого раціональнаго довода въ пользу исключенія *искуства воспитанія* изъ нашего «порядка жизни» (curriculum). Имѣя въ виду счастье самихъ родителей и признавая силу ихъ вліянія на характеръ и здоровье дѣтей, внуковъ и правнуковъ до послѣдняго колѣна, мы должны согласиться, что знаніе правильныхъ методовъ физическаго, умственнаго и нравственнаго воспитанія дѣтей—есть знаніе первостепенной важности. Оно должно завершать курсъ образованія, проходимый каждымъ мужчиной и каждой женщиной. Какъ физическая зрѣлость обраруживается способностью производить потомство, такъ умственная зрѣлость обнаруживается умѣньемъ воспитывать это потомство. И потому *предметъ, обнимающій всѣ остальные предметы*

и, слѣдовательно, составляющій высшую точку воспитанія есть теорія и практика воспитанія.

Не подготовившись какъ слѣдуетъ, нельзя быть хорошимъ воспитателемъ дѣтей, тѣмъ болѣе, нельзя руководить ихъ нравственной стороной. Взявшись за такое серьёзное дѣло, родители, бо́льшею частію, дѣйствуютъ не разсуждая, и потому результаты отъ ихъ незрѣлаго, необстоятельнаго взгляда на воспитаніе—получаются самые прискорбные. Очень часто мы видимъ, что матери, въ особенности, въ обращеніи съ своими дѣтьми, поддаются впечатлѣнію данной минуты; не давая себѣ труда основательно обдумать, полезно это или вредно ребенку, онѣ дѣйствуютъ подъ вліяніемъ минутнаго ощущенія — хорошаго или дурнаго, все равно — и обращеніе ихъ съ дѣтьми мѣняется иногда ежечасно, сообразно съ перемѣною ощущеній. Мать то кричитъ на ребенка безъ толку, то сердится на него изъ-за пустяковъ, то осыпаетъ его ласками и похвалами и угождаетъ каждой его прихоти, то читаетъ ему мораль, приводя примѣры изъ своего собственнаго дѣтства, словомъ, она примѣняетъ на практикѣ всѣ методы, почерпнутые ею или изъ своей прошлой жизни, или изъ наставленій старыхъ нянекъ и окружающей прислуги; короче сказать, она руководствуется правилами, придуманными невѣждами и идущими въ разрѣзъ съ истиннымъ просвѣщеніемъ.

Вотъ что пишетъ Рихтеръ о хаотическомъ состояніи мнѣній и практическихъ пріемовъ, господствующихъ въ нынѣшнихъ домашнихъ системахъ воспитанія дѣтей:

«Если бы можно было предать гласности всѣ разнорѣчивыя распоряженія большинства отцовъ семействъ и составить изъ нихъ, по часамъ, родъ руководства для нравственнаго воспитанія дѣтей, съ изложеніемъ плана занятій и образцовъ нравоученій, то мы прочли бы нѣчто въ такомъ родѣ: Первый часъ. Самъ отецъ или воспитатель объясняетъ ребенку правила чистой нравственности. Второй часъ. Ребенку толкуютъ, что есть нравственность смѣшанная, т. е. такая, которая не упускаетъ изъ виду и личную выгоду. Третій часъ. Ребенку замѣчаютъ: развѣ ты не видишь, что твой

отецъ поступаетъ вотъ такъ или эдакъ? Четвертый часъ. Ему говорятъ: ты еще маленькій, а это прилично только взрослымъ. Пятый часъ. Главное дѣло въ томъ, чтобы ты имѣлъ успѣхъ въ свѣтѣ и занялъ бы, со временемъ, видное мѣсто въ государствѣ. Шестой часъ. Помни, что достоинство человѣка опредѣляется не временными, переходящими успѣхами, а тѣми, которые увѣковѣчиваютъ его память. Седьмой часъ. Поэтому, переноси людскую несправедливость и оставайся добръ до конца. Восьмой часъ. Защищайся мужественно, ежели на тебя нападутъ. Девятый часъ. Не надо шумѣть, милое дитя. Десятый часъ. Мальчику не слѣдуетъ сидѣть сиднемъ. Одиннадцатый часъ. Ты долженъ повиноваться родителямъ. Двѣнадцатый часъ. Воспитывай самъ себя. Такимъ образомъ, ежечасно мѣняя свой наставленія, отецъ старается прикрыть ихъ несостоятельность и односторонность. Чтожъ касается матери, то она не похожа ни на отца, ни даже на того арлекина, который появляется на сценѣ со связками бумагъ подъ мышками, и на вопросъ: что́ у него подъ правой рукой? отвѣчаетъ: приказаніе; а что подъ лѣвой?—контрприказаніе. Ее можно скорѣе сравнить съ великаномъ Бріаріусомъ, у котораго сто рукъ и по связкѣ бумагъ въ каждой изъ нихъ». Трудно скоро измѣнить такого рода порядокъ вещей; надо дать пройти нѣсколькимъ поколѣніямъ прежде, чѣмъ разсчитывать на значительное улучшеніе дѣла. Воспитательныя системы, подобно всѣмъ государственнымъ учрежденіямъ, не создаются, но выростаютъ, и ростъ ихъ совершенно незамѣтенъ въ теченіи краткаго періода времени. Но какъ бы медленно ни совершался процессъ улучшенія, онъ все-таки требуетъ вспомогательныхъ средствъ, и однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ между ними — это обсужденіе вопроса.

Мы не принадлежимъ къ числу сторонниковъ мнѣнія лорда Пальмерстона, будто «всѣ дѣти рождаются добрыми»; противоположное мнѣніе, при всей его бездоказательности, кажется намъ гораздо болѣе близкимъ къ истинѣ. Точно такъ же мы не согласны съ тѣми, кто воображаетъ, что при помощи

искусной дисциплины, изъ дѣтей можно сдѣлать именно то, чѣмъ они должны быть. Мы вполнѣ убѣждены, что благоразумнымъ обращеніемъ съ ребенкомъ можно нѣсколько сгладить всѣ недостатки его характера и природы; но вырвать ихъ съ корнемъ нельзя. Мысль, что можно создать идеальнаго человѣка посредствомъ совершеннѣйшей системы воспитанія, очень напоминаетъ мысль, проводимую Шелли въ его поэмахъ, что если бы человѣчество отказалось отъ всѣхъ устарѣлыхъ учрежденій и предразсудковъ, то зло на землѣ немедленно бы исчезло. Каждый, кто только безпристрастно изучалъ дѣла людскія, признаетъ вполнѣ неосуществимою какъ ту, такъ и другую идею.

Тѣмъ не менѣе, нельзя не сочувствовать людямъ, которые питаютъ себя такими, черезъ-чуръ смѣлыми, надеждами. Энтузіазмъ, доходящій до фанатизма — полезный и, быть можетъ, даже необходимый двигатель. Очевидно, что самый пламенный политикъ никогда не принялъ бы на себя гигантскихъ трудовъ и не сталъ бы приносить тѣхъ жертвъ, которыя онъ приноситъ, ежели бы онъ не вѣрилъ, что реформа, за которую онъ борется, необходима. Членъ общества трезвости не сталъ бы такъ энергически возставать противъ пьянства, если бы онъ не былъ убѣжденъ, что оно есть корень всѣхъ общественныхъ золъ. Въ филантропіи, какъ и въ прочихъ отдѣлахъ соціальной дѣятельности, получаются выгодные результаты отъ раздѣленія труда, если при этомъ каждый членъ филантропическаго общества всецѣло предается возложеннымъ на него обязанностямъ, что́ возможно только при фанатической вѣрѣ въ полезность своей дѣятельности. Поэтому мы смѣло можемъ сказать, что чрезмѣрныя надежды тѣхъ людей, которые считаютъ умственное и нравственное воспитаніе всеизцѣляющимъ средствомъ, небезполезны; очень можетъ быть, что ихъ непоколебимая вѣра въ успѣхъ имѣетъ большое вліяніе на благодѣтельный ходъ вещей.

Неумѣнье родителей обращаться съ дѣтьми. Допустимъ даже, что съ помощью какой-нибудь особенной системы нравственнаго контроля, дѣтей можно было бы лѣпить по желаемому образцу и что всѣ вообще родители усвоили бы себѣ эту систему; но и тогда все еще не достигли бы настоящей цѣли. Не надо забывать, что для осуществленія подобной системы, отъ родителей и воспитателей потребовался бы такой запасъ ума, доброты и сдержанности, какого не встрѣтишь ни въ одной личности. Главное заблужденіе людей, обсуждающихъ вопросы домашней дисциплины, заключается въ томъ, что они приписываютъ всѣ ошибки и затрудненія характеру дѣтей и не допускаютъ мысли, чтобы родители могли дѣлать промахи. У насъ почему-то укоренилось общее мнѣніе, какъ относительно управленія семьей, такъ и относительно управленія народомъ, что на сторонѣ правителей однѣ лишь добродѣтели, а на сторонѣ управляемыхъ одни пороки. Судя по теоріямъ воспитанія, отецъ и мать въ семьѣ представляются какими-то идеальными существами въ сношеніяхъ своихъ съ дѣтьми; а между тѣмъ, всѣмъ намъ извѣстно, что люди, съ которыми мы ведемъ дѣла, знакомые, съ которыми мы встрѣчаемся въ обществѣ—существа, далеко не совершенныя. Ежедневно въ городскихъ скандалахъ, въ ссорахъ между родными и друзьями, въ злостныхъ банкротствахъ, въ судебныхъ процессахъ, въ полицейскихъ отчетахъ — мы постоянно наталкиваемся на образцы эгоизма, безчестности и грубаго произвола. Когда же мы начинаемъ судить и рядить дурное поведеніе дѣтей въ дѣтской или въ учебномъ заведеніи, то у насъ почти всегда принимается за правило взваливать всю вину на молодежь и отнюдь не обвинять родителей въ ихъ нравственномъ направленіи — въ дурномъ воспитаніи ихъ сыновей и дочерей! Это до того несправедливо, что мы, съ своей стороны, не колеблясь, прямо осуждаемъ родителей, считая ихъ, въ большинствѣ случаевъ, причиной семейныхъ безпорядковъ, обыкновенно приписываемыхъ испорченности дѣтей. Есть, конечно, между родителями много симпатичныхъ, сдержанныхъ личностей, но все вышесказанное нами относится къ массѣ. Какого рода нравственной культуры можно ждать, напримѣръ, отъ матери, которая, какъ мы сами однажды видѣли, сердито трясла своего ребенка за то, что тотъ не хотѣлъ со-

сать ея грудь? Какое понятіе о справедливости можетъ дать своимъ дѣтямъ такой отецъ, который, услыхавъ крикъ малютки сына, защемившаго себѣ пальчикъ оконной рамой, начинаетъ бить его, вмѣсто того, чтобы высвободить его палецъ? А что такіе отцы существуютъ, это засвидѣтельствовано намъ очевидцемъ. Возьмемъ еще болѣе поразительный примѣръ, подтвержденный также свидѣтелемъ. Мальчика съ вывихнутымъ бедромъ приносятъ домой; родители встрѣчаютъ его угрозами наказанія. Спрашивается, чего можно ожидать отъ такого рода воспитанія? Правда, это рѣдкіе примѣры, примѣры, доказывающіе, что людямъ присущъ тотъ же самый инстинктъ, который побуждаетъ дикихъ звѣрей уничтожать слабые, болѣзненные экземпляры своей породы; но какъ бы рѣдки ни были подобныя проявленія, они все-таки служатъ отпечаткомъ чувствъ и поступковъ, ежедневно обнаруживающихся во многихъ семействахъ. Кому изъ насъ не случалось много разъ видѣть, какъ няньки или родители награждаютъ колотушками ребенка за то, что онъ безпокоенъ, — что́ почти всегда бываетъ слѣдствіемъ физическаго разстройства? Кто изъ насъ, наблюдая за матерью, когда она подхватываетъ упавшаго ребенка, не замѣчалъ въ грубомъ ея движеніи и рѣзкомъ восклицаніи; «экой глупый какой!» — сильной раздражительности, предвѣстницы безконечныхъ распеканій въ будущемъ? Вслушайтесь въ суровый голосъ отца, приказывающаго дѣтямъ не шумѣть, и вы тотчасъ поймете, что онъ не чувствуетъ къ нимъ большой нѣжности. А всѣ эти неумѣстные, надоѣдливые окрики, которымъ безпрестанно подвергаются бѣдныя дѣти! напримѣръ: «сидѣть смирно!» — когда для живаго по натурѣ ребенка это составляетъ чистую пытку, вызывающую сильное нервное раздраженіе. «Не смотри въ окно!» — тогда какъ мало-мальски умный ребенокъ, во время путешествія по желѣзной дорогѣ, считаетъ это для себя высшимъ лишеніемъ. Развѣ все это не доказательство сухости и равнодушія къ дѣтямъ въ старшихъ? Въ сущности причины, мѣшающія правильному ходу нравственнаго воспитанія, имѣютъ двоякій источникъ: недостатки родителей въ соединеніи съ

недостатками дѣтей; но если наслѣдственная передача есть законъ, установленный природой — что́ признано всѣми натуралистами и подтверждается ежедневными наблюденіями, равно какъ и сложившимися пословицами, то нѣтъ сомнѣнія, что въ среднемъ числѣ случаевъ, недостатки дѣтей суть ничто иное, какъ отраженіе недостатковъ родителей. Мы сказали: въ среднемъ числѣ случаевъ потому, что потомки нерѣдко наслѣдуютъ черты характера отъ самыхъ отдаленныхъ предковъ, и сходство это бываетъ очень часто выраженіемъ свойствъ не одного лица, а нѣсколькихъ. Если же въ среднемъ числѣ случаевъ существуетъ наслѣдственная передача родовыхъ недостатковъ, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всѣ тѣ дурныя наклонности, которыя родители стараются искоренить въ своихъ дѣтяхъ, гнѣздятся въ нихъ самихъ, скрытыя, быть можетъ, отъ глазъ свѣта или заслоненныя другими свойствами, тѣмъ не менѣе, все-таки существующія. Конечно, теперь понятно, что нѣтъ никакой надежды, чтобы у насъ могла войти во всеобщее употребленіе идеальная система домашней дисциплины: родители недостаточно совершенны для этого.

Зависимость положенія семьи отъ состоянія общества. Сверхъ того, если бы даже дѣйствительно существовали методы, при содѣйствіи которыхъ можно было бы достигнуть желаемой цѣли, если бы отцы и матери обладали достаточною прозорливостью, теплотою сердца и сдержанностью, чтобы со смысломъ руководиться упомянутыми методами, то и тогда мы стали бы утверждать, что нѣтъ никакой пользы торопиться производить реформы въ управленіи семьей, пока многое другое въ общественномъ строѣ остается неизмѣннымъ. Чего мы, въ сущности, добиваемся? Не того ли, чтобы воспитаніе, какого бы рода оно ни было, имѣло своей прямой цѣлью — приготовить ребенка къ обязанностямъ человѣка и сдѣлать изъ него способнаго гражданина, т. е. такого, который могъ бы пробить себѣ дорогу въ жизни? А умѣнье пробить себѣ дорогу (подъ этимъ словомъ мы разумѣемъ пріобрѣтеніе не богатства, а средствъ, необходимыхъ для под-

держанія семьи) не состоитъ ли въ умѣньѣ принаровиться къ жизни и къ тому строю общества, какой существуетъ въ настоящее время? Если бы случилось, что идеальная система воспитанія создала идеальнаго человѣка, можно ли было бы поручиться, что онъ примирится съ существующимъ порядкомъ вещей? Вѣрнѣе было бы ожидать, что черезъ-чуръ строгія его понятія о правдѣ и слишкомъ возвышенныя правила сдѣлали бы для него жизнь невыносимой. Какого бы блестящаго результата отъ воспитанія мы ни достигли въ частности, онъ все-таки оказался бы невозможнымъ относительно цѣлаго общества и потомства. Есть много основаній предполагать, что какъ относительно націи, такъ и относительно семьи, система управленія много зависитъ отъ степени нравственнаго уровня человѣческой природы. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, мы можемъ доказать фактами, что средній уровень національнаго характера опредѣляетъ качество существующаго управленія; что поднятіе этого уровня ведетъ за собою усовершенствованную систему управленія, и далѣе, что если улучшить систему управленія, не дождавшись поднятія средняго уровня національнаго характера, то возникнетъ болѣе зла, чѣмъ добра. Та суровость, съ которой родители и наставники въ Англіи обращаются съ дѣтьми, служитъ своего рода подготовкой къ той бо́льшей суровости, которая ожидаетъ этихъ послѣднихъ при вступленіи ихъ въ свѣтъ. Мы позволимъ себѣ даже утверждать, что если бы родители и наставники относились къ дѣтямъ съ полнымъ безпристрастіемъ и съ нѣжностію, то это только усилило бы страданія дѣтей въ ихъ послѣдующей жизни, при столкновеніяхъ съ людскимъ эгоизмомъ *).

*) Такого рода доводы приводятся многими въ защиту грубаго обращенія, которому подвергаются мальчики въ англійскихъ общественныхъ школахъ, гдѣ по словамъ ихъ, тѣ знакомятся со свѣтомъ въ маломъ видѣ и подготовляются испытываемыми въ заведеніяхъ жестокостями къ жестокостямъ дѣйствительнаго міра. Нельзя не согласиться, что такой доводъ имѣетъ нѣкоторое основаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ очень неудовлетворителенъ, потому что, хотя домашняя и школьная дисциплины и не должны слишкомъ рѣзко отличаться своей хорошей стороной отъ общественной дисциплины взрослаго человѣка, однако

«Не слишкомъ ли далеко вы зашли съ вашими разсужденіями? можетъ быть, спросятъ меня нѣкоторые читатели. Если никакая система нравственнаго воспитанія не въ состояніи сдѣлать дѣтей такими, какими имъ слѣдуетъ быть, а если бы даже и существовала подобная система, то современные родители сами слишкомъ несовершенны, чтобы умѣть примѣнить ее къ дѣлу, и, наконецъ, если бы она и могла быть съ успѣхомъ выполнена, то результаты ея стали бы въ полный разрѣзъ съ настоящимъ положеніемъ общества. Не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что преобразовывать принятую систему невозможно и не желательно?» Нисколько. Изъ сказаннаго нами слѣдуетъ только то, что реформы въ домашнемъ управленіи должны идти параллельно съ другими реформами; что методы дисциплины не могутъ и не должны быть улучшаемы иначе, какъ частями, а не разомъ; наконецъ, что понятія объ идеальной честности неминуемо должны подчиняться на практикѣ состоянію человѣческой природы въ данное время, т. е. несовершенству дѣтей, родителей и общества; осуществиться же онѣ могутъ не ранѣе, какъ при улучшеніи характера всего общества.

«И такъ, во всякомъ случаѣ, снова замѣтитъ нашъ критикъ,—теперь очевидно, что нѣтъ никакой пользы создавать идеальный образецъ семейной дисциплины; а также ни къ чему не послужитъ введеніе преждевременно выработанныхъ методовъ». На это мы возразимъ ему: какъ въ государственномъ строѣ, такъ и въ семейномъ, необходимо имѣть передъ глазами идеалъ истины, потому что, если идеальная честность

онѣ все-таки должны быть нѣсколько лучше ее, тогда какъ дисциплина, которой подвергаются мальчики въ Итонѣ, Уинчестерѣ, Гарроу и т. д., гораздо хуже, чѣмъ общественная дисциплина взрослыхъ людей, несправедливѣе и жостче ее. Вмѣсто того, чтобы подобно всякой культурѣ, содѣйствовать общественному прогрессу, культура англійскихъ общественныхъ школъ, пріучая мальчиковъ къ деспотической формѣ правленія и къ отношеніямъ, основаннымъ на грубой силѣ, готовитъ ихъ къ болѣе низкому общественному положенію, чѣмъ то, которое существуетъ въ Англіи. А такъ какъ законодатели страны набираются преимущественно изъ воспитанниковъ помянутыхъ школъ, то варварское вліяніе ихъ становится помѣхою національному прогрессу.

еще невозможна на практикѣ, то все-таки не мѣшаетъ знакомить съ нею, на случай, если бы пришлось вводить какія-нибудь реформы, чтобы люди знали, какъ *приближаться* къ истинѣ, а не *отдаляться* отъ нея. Какъ для государства, такъ и для семьи, необходимы соотвѣтственные идеалы, къ достиженію которыхъ слѣдуетъ постепенно стремиться. Не надо опасаться вредныхъ вліяній отъ подобныхъ идеаловъ; среднее число людей настолько консервативно, что не допуститъ слишкомъ рѣзкихъ и быстрыхъ перемѣнъ. Свѣтъ такъ уже устроенъ, что пока люди не доросли до уровня высшаго вѣрованія въ истину, они не примутъ ее, или станутъ придерживаться ее только номинально, а не въ дѣйствительности. Даже, когда истина познается ими, то старые предразсудки до того упорно будутъ заглушать ее, что у самыхъ терпѣливыхъ филантроповъ и даже у философовъ недостанетъ силъ преодолѣть эти преграды. Слѣдовательно, мы можемъ быть вполнѣ увѣрены, что препятствій для нормальнаго воспитанія дѣтей всегда окажется вполнѣ достаточно, чтобы затормозить стремленіе ввести его.

Окончивъ всѣ предварительныя объясненія, перейдемъ къ обзору истинныхъ цѣлей и методовъ нравственнаго воспитанія. Мы посвятимъ нѣсколько страницъ изложенію общихъ принциповъ, при чтеніи которыхъ заранѣе просимъ читателей вооружиться терпѣніемъ; затѣмъ, мы постараемся, съ помощью примѣровъ, выяснить, какого метода должны держаться родители, при ежечасно встрѣчающихся затрудненіяхъ при управленіи семьей.

Вліяніе естественнаго метода на дѣтей. Когда ребенокъ упадетъ или ударится головою объ столъ, онъ чувствуетъ боль, воспоминаніе о которой заставляетъ его быть болѣе осторожнымъ, такъ что послѣ нѣсколькихъ повтореній подобныхъ случаевъ, онъ совершенно выучивается управлять своими движеніями. Если онъ схватится за рѣшотку камина, сунетъ руку въ пламя свѣчки или обольетъ ее кипяткомъ, то обжогъ или обваръ послужитъ ему урокомъ, котораго онъ долго не забудетъ. Впечатлѣніе, вынесенное ребенкомъ отъ

одного или двухъ случаевъ подобнаго рода, бываетъ такъ сильно, что впослѣдствіи, никакими убѣжденіями не заставишь его пренебречь законами самосохраненія.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, природа указываетъ намъ самымъ простымъ и нагляднымъ образомъ настоящую теорію и настоящую практику нравственной дисциплины,—теорію и практику, которыя при поверхностномъ наблюденіи покажутся весьма обыкновенными, но при тщатетьномъ - представятся совершенно своеобразными.

Замѣтьте, вопервыхъ, что коснувшись тѣлесныхъ поврежденій и слѣдующихъ за ними естественныхъ наказаній, мы представили самые простые примѣры дурнаго поведенія ребенка и его послѣдствій. Общепринятыя выраженія: *хорошее* поведеніе и *дурное* поведеніе, едва ли могутъ быть примѣнимы къ такимъ поступкамъ дѣтей, которые непосредственно наносятъ вредъ только ихъ тѣлу; тѣмъ не менѣе, строго разобравъ дѣло, мы все-таки увидимъ, что и подобные поступки могутъ подходить, наравнѣ съ другими, подъ оба вышеназванныя опредѣленія. Всѣ теоріи нравственности, какая бы ни была ихъ исходная точка, сводятся къ одному и тому же заключенію, что *хорошимъ* поведеніемъ называется то, результаты котораго, какъ ближайшіе, такъ и отдаленные, благотворны для человѣка; и наоборотъ, *дурнымъ* поведеніемъ называется то, результаты котораго, какъ ближайшіе, такъ и отдаленные, вредны. Окончательными мѣрилами для суда надъ человѣческими поступками служатъ польза или вредъ, отъ нихъ происходящіе. Мы считаемъ пьянство зломъ, потому что оно влечетъ за собою физическое разстройство и сопряженныя съ нимъ нравственныя бѣдствія, обрушивающіяся на самаго пьяницу и на окружающихъ его. Еслибъ воровство доставляло удовольствіе какъ вору, такъ и обкраденному, то мы не внесли бы этого занятія въ списокъ преступленій. Если бы добрыя дѣла умножали страданія человѣчества, то мы осудили бы ихъ, а не считали бы ихъ добрыми. Стоитъ только развернуть первую попавшуюся передовую статью въ любой газетѣ, прислушаться къ разговорамъ

объ общественныхъ дѣлахъ, чтобы убѣдиться, что дѣйствія парламента, политическіе перевороты и филантропическія предпріятія судятся наравнѣ съ дѣйствіями отдѣльныхъ личностей, на основаніи ожидаемыхъ отъ нихъ благодѣтельныхъ или вредныхъ для человѣчества результатовъ. Если затѣмъ, мы проанализируемъ всѣ второстепенныя дополнительныя понятія о вопросѣ и увидимъ, что таково дѣйствительно должно быть наше окончательное мѣрило хорошаго и дурного, то мы не колеблясь можемъ подраздѣлить физическія дѣйствія на хорошія и дурныя, сообразно тому, благотворны или вредны получаемые отъ нихъ результаты.

Обратите теперь вниманіе на характеръ наказаній, которыми предупреждаются нарушенія физическихъ законовъ. За неимѣніемъ лучшаго слова, мы употребили слово наказаніе, хотя въ буквальномъ смыслѣ, это совсѣмъ не наказаніе, это далеко не искуственное, безполезное причиненіе боли, а просто узда для поступковъ, существенно несогласныхъ съ тѣлеснымъ благосостояніемъ, узда, безъ которой жизнь быстро бы разрушилась, вслѣдствіе физическихъ поврежденій. Особенность этихъ наказаній—если ужь такъ приходится называть—заключается въ томъ, что они *неизбѣжное послѣдствіе* тѣхъ дѣйствій, за которыми они слѣдуютъ; это ничто иное, какъ *неизбѣжная реакція*, вызванная дѣйствіями ребенка.

Замѣтьте далѣе, что эти мучительныя реакціи всегда бываютъ соразмѣрны нарушеніямъ естественнаго закона. Ничтожный случай влечетъ за собой ничтожную боль; серьёзный случай—серьёзную боль. Мы не хотимъ этимъ сказать, что если мальчикъ споткнулся о порогъ двери и упалъ, то онъ долженъ подвергнуться сильнымъ страданіямъ для того, чтобы сдѣлаться осторожнѣе; ежедневный опытъ научаетъ его, что чѣмъ болѣе его вина, тѣмъ сильнѣе наказаніе, а это побуждаетъ его быть осмотрительнѣе.

Замѣтьте, наконецъ, что естественныя реакціи, слѣдующія за ошибочными дѣйствіями ребенка, постоянно повторяются, что онѣ непосредственны, непреложны и неизбѣжны;

угрозъ не слышно; строгая кара совершается безмолвно. Если дитя уколетъ себѣ булавкой палецъ, онъ тотчасъ почувствуетъ боль; если онъ повторитъ это, повторится и боль, — и такъ до безконечности. Во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ неорганической природой ребенокъ постоянно встрѣчаетъ одну и ту же неуклонную стойкость, неумолимость, неподлежащую никакому суду, и, убѣдившись, наконецъ, въ существованіи этой строгой, но благодѣтельной дисциплины, онъ дѣлается крайне остороженъ, тщательно старается избѣгать всякихъ нарушеній естественнаго закона.

Вліяніе естественнаго метода на взрослыхъ. Всѣ вышеизложенныя общія истины пріобрѣтутъ еще бо́льшее значеніе въ нашихъ глазахъ, когда мы вспомнимъ, что онѣ оказываютъ точно тоже вліяніе на жизнь взрослыхъ людей, какъ и на жизнь дѣтей. Добытое опытомъ знаніе естественныхъ послѣдствій останавливаетъ и мужчинъ, и женщинъ, ежели они станутъ на ложный путь. По окончаніи домашняго воспитанія, когда у молодаго человѣка или у молодой дѣвушки пробуждается свободная воля, а родители и учителя перестаютъ вмѣшиваться попрежнему въ каждое ихъ дѣйствіе, запрещая одно и разрѣшая другое, — выступаетъ на сцену естественная дисциплина, совершенно схожая съ той, которая обучаетъ ребенка саморуководству. Если юноша, получивъ мѣсто, тратитъ даромъ время, ничего не дѣлая, или медленно и небрежно исполняетъ возложенныя на него обязанности, то естественное наказаніе постигаетъ его немедленно: онъ лишается мѣста и подвергается временному злу, т. е. относительной бѣдности. Человѣкъ неакуратный, постоянно пропускающій время, назначенное ему какъ для дѣла, такъ и для удовольствій, также непремѣнно подвергается соотвѣтственнымъ непріятностямъ, т. е. потерямъ и лишеніямъ. Купецъ, запрашивающій непомѣрныя цѣны за свой товаръ, теряетъ покупателей,, и это обуздываетъ нѣсколько его корыстолюбіе. Быстро уменьшающаяся практика заставляетъ невнимательнаго доктора больше заботиться о своихъ больныхъ. Слишкомъ довѣрчивый кредиторъ и слиш-

комъ увлекающійся спекуляторъ, наживъ себѣ хлопотъ своею неосторожностью, научаются осмотрительности. Тоже самое мы видимъ въ жизни каждаго гражданина; въ поговоркѣ, часто приводимой въ подобныхъ случаяхъ: «ребенокъ, который обжогся, боится огня», — мы не только находимъ подтвержденіе того, что существуетъ всѣми признанная аналогія между общественной дисциплиной и естественной дисциплиной дѣтей, но сверхъ того, убѣждаемся, что послѣдняя имѣетъ самое громадное значеніе.

Убѣжденіе это не только подразумѣвается, но оно совершенно ясно опредѣляется. Кому изъ насъ не приходилось слышать признаній нѣкоторыхъ людей, что только «дорогой цѣной опыта» они были вынуждены измѣнить прежній дурной или безумный образъ своей жизни. Кто изъ насъ не былъ свидѣтелемъ и даже участникомъ разговоровъ, гдѣ критически обсуждались дѣйствія такого-то мота или такого-то спекулянта; всѣ единодушно утверждали, что совѣтами имъ нельзя помочь и что кромѣ «горькаго опыта», ничто не научитъ ихъ, какъ исправиться. Слѣдовательно, страданіе есть неизбѣжное послѣдствіе проступка. Если нужно еще больше доказательствъ въ подтвержденіе того, что естественная реакція составляетъ единственное радикальное наказаніе, незамѣнимое никакими карами, придуманными людьми, то мы укажемъ только на всѣмъ извѣстную несостоятельность нашихъ различныхъ уголовныхъ системъ. Изъ множества методовъ уголовной дисциплины, проектированныхъ и выведенныхъ въ сводъ законовъ, ни одинъ не осуществилъ вполнѣ ожиданій его защитниковъ. Искуственными наказаніями преступниковъ никогда не доводили до исправленія, а во многихъ случаяхъ, ожесточали ихъ и побуждали къ новымъ злодѣяніямъ. Единственно удачныя исправительныя заведенія — это тѣ частныя тюрьмы, система управленія которыми ближе всего подходитъ къ методу природы, усиливая до нѣкоторой степени естественныя послѣдствія совершоннаго преступленія. Виновнаго лишаютъ свободы дѣйствій настолько, насколько это необходимо для безопасности общества и при этомъ требуютъ отъ него,

чтобы онъ, живя въ заключеніи, содержалъ себя личнымъ трудомъ. И такъ, мы теперь видимъ, что та же самая дисциплина, посредствомъ которой маленькій ребенокъ научается управлять своими движеніями, руководитъ и поведеніемъ всей массы взрослыхъ, пріучаетъ къ правильному образу дѣйствій и ведетъ, болѣе или менѣе, къ совершенству; дисциплина же, придуманная людьми для испорченныхъ взрослыхъ, бываетъ вполнѣ неудачна, когда расходится съ вышеустановленной дисциплиной и имѣетъ успѣхъ только по мѣрѣ приближенія къ ней. И такъ, мы знаемъ теперь сущность руководящаго принципа нравственнаго воспитанія. Нужно ли еще добавлять, что система, оказывающая такое благотворное вліяніе на дѣтей и на взрослыхъ, равно благодѣтельно дѣйствуетъ и на юношей? Ктожъ усомнится въ томъ, что методъ, столь удовлетворительный въ раннемъ и позднемъ возрастѣ человѣческой жизни, вполнѣ пригоденъ и для юношества? Не очевидно ли, что на родителяхъ, «этихъ служителяхъ и толкователяхъ природы», лежитъ прямая обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы дѣти ихъ постоянно испытывали дурныя послѣдствія своего поведенія—естественную реакцію, которую не нужно ни отклонять, ни усиливать, ни замѣнять искуственными послѣдствіями? Каждый непредубѣжденный читатель, не колеблясь, согласится съ нами.

Дурныя системы могутъ быть, относительно, хороши. Вѣроятно, найдутся люди, которые будутъ утверждать, что многіе родители поступаютъ по указаннымъ правиламъ; что наказанія, которымъ они подвергаютъ своихъ дѣтей, въ большинствѣ случаевъ, составляютъ только дѣйствительныя послѣдствія дурнаго поведенія послѣднихъ; что родительскій гнѣвъ, изливающійся въ рѣзкихъ словахъ и ударахъ, есть результатъ дѣтскаго непослушанія, и что страданіе физическое или моральное, испытываемое ребенкомъ, есть естественная реакція его дурныхъ поступковъ. На ряду со множествомъ заблужденій, аргументъ этотъ заключаетъ въ себѣ долю и правды. Неоспоримо, что неудовольствіе родителей вызывается проступками дѣтей и что проявленіе этого неудо-

вольствія вполнѣ нормальная узда для дурныхъ дѣйствій. Брань, угрозы, удары, которыми вспыльчивые родители осыпаютъ провинившихся дѣтей, суть, конечно, послѣдствія, вызванныя какими-нибудь проступками и потому на нихъ надо отчасти смотрѣть, какъ на естественную реакцію дурныхъ дѣйствій. Мы не говоримъ, чтобы такого рода способъ обращенія не имѣлъ своей, относительно, хорошей стороны; онъ хорошъ по отношенію къ необузданнымъ дѣтямъ и грубымъ неблаговоспитаннымъ родителямъ; онъ хорошъ по отношенію къ такого рода обществу, гдѣ подобные взрослые составляютъ массу. Воспитательныя системы, какъ сказано выше, подобно политическимъ и другимъ учрежденіямъ, бываютъ всегда хороши настолько, насколько это дозволяетъ имъ состояніе человѣческой природы. Дѣти-варвары у родителей-варваровъ могутъ быть обуздываемы только варварскими методами, произвольно употребляемыми такими родителями, и, очень можетъ статься, что подобнаго рода методы составляютъ лучшую подготовку для дѣтей, которымъ предназначено играть роль въ варварскомъ обществѣ. И наоборотъ, цивилизованные члены цивилизованнаго общества, въ порывѣ гнѣва, будутъ выражать свое неудовольствіе въ формѣ гораздо болѣе мягкой, будутъ употреблять гораздо болѣе кроткія мѣры, хотя достаточно строгія для ихъ, болѣе добронравныхъ, дѣтей. Правда, что въ выраженіи родительскихъ чувствъ, всегда, болѣе или менѣе, проявляется принципъ естественной реакціи. Система домашняго управленія всегда стремится къ своей естественной формѣ.

Надо замѣтить еще два важныхъ факта. Первый тотъ, что въ государствѣ, гдѣ происходятъ такіе быстрые перевороты, какъ въ Англіи, свидѣтельствующіе о постоянной борьбѣ между старыми и новыми теоріями, старыми и новыми практическими пріемами, общепринятые воспитательные методы очень часто идутъ въ разладъ съ духомъ времени. Изъ уваженія къ догматамъ, которые годились только въ извѣстный вѣкъ, многіе родители подвергаютъ своихъ дѣтей наказаніямъ, оскорбляющимъ даже ихъ собственныя чувства, и,

такимъ образомъ, заставляютъ дѣтей испытывать *неестественную* реакцію, между тѣмъ, какъ другіе родители, увлекаясь черезъ мѣру надеждами сдѣлать своихъ дѣтей немедленно совершенными, впадаютъ въ противоположную крайность. Второй фактъ тотъ, что дисциплина высшей цѣнности заключается не въ томъ, чтобы дѣти постоянно ждали одобренія или порицанія родителей, но чтобы они испытывали на себѣ окончательные результаты, вытекающіе изъ ихъ дѣйствій, помимо мнѣнія и вмѣшательства родителей. Истинно назидательныя и благотворныя послѣдствія получаются не чрезъ родителей, когда тѣ берутся быть посредниками природы, но принимаются прямо изъ рукъ самой природы. Мы постараемся яснѣе выразить нашу мысль объ этомъ различіи нѣсколькими примѣрами, которые покажутъ, что̀ именно мы подразумѣваемъ подъ словами: *естественная* реакція, въ противоположность *искуственной*. Эти примѣры, въ тоже время, дадутъ намъ возможность почерпнуть изъ нихъ нѣсколько практическихъ свѣдѣній.

Примѣры нормальной системы. Въ каждой семьѣ, гдѣ только есть маленькія дѣти, ежедневно происходитъ то, что̀ матери и прислуга называютъ *произведеніемъ безпорядка*. Ребенокъ вытащитъ свой ящикъ съ игрушками и разбросаетъ ихъ по полу; пойдетъ утромъ гулять, нарветъ пучекъ цвѣтовъ и раскидаетъ ихъ по столамъ и стульямъ. Малютка дѣвочка шьетъ платья своимъ кукламъ и насоритъ по всей комнатѣ лоскутками. Въ большинствѣ случаевъ, трудъ исправленія этого безпорядка падаетъ совсѣмъ не на тѣхъ, на кого бы слѣдовало. Если дѣло происходитъ въ дѣтской, то, обыкновенно, няня сама беретъ на себя эту работу, конечно, не безъ ворчанья «на баловницъ и шалуновъ»; если же это случится въ другихъ комнатахъ, трудъ всегда возлагается на старшаго брата, на старшую сестру или на горничную; маленькихъ же нарушителей порядка подвергаютъ только выговору. Однако, въ этомъ, весьма простомъ случаѣ, многіе изъ родителей оказываются настолько благоразумными, что придерживаются, болѣе или менѣе, послѣдовательно нормальнаго

порядка, именно, заставляютъ самаго ребенка собирать игрушки и лоскутки. Трудъ приведенія вещей въ порядокъ — прямое послѣдствіе произведеннаго безпорядка. Каждый торговецъ въ своей лавкѣ, каждая женщина въ своемъ хозяйствѣ ежедневно испытываютъ на себѣ тоже самое. А если воспитаніе есть подготовка къ трудовой жизни, то каждаго ребенка, съ раннихъ лѣтъ, слѣдовало бы ежедневно пріучать къ такому порядку. Если такое естественное наказаніе будетъ встрѣчено ребенкомъ капризами и онъ упорно откажется подчиняться ему (что легко можетъ случиться, ежели вначалѣ мать придерживалась плохой системы нравственной дисциплины), тогда самой справедливой мѣрой будетъ заставить ребенка испытать воздѣйствіе его непослушанія. Если дитя откажется или забудетъ собрать и спрятать разбросанныя свои вещи и тѣмъ вынудитъ другихъ исполнить возложенный на него трудъ, необходимо нужно, на будущее время, лишить его случаевъ обременять старшихъ подобнымъ безпокойствомъ. Если, вслѣдъ за тѣмъ, онъ попроситъ дать ему его ящикъ съ игрушками, мама должна отвѣтить: «въ послѣдній разъ ты оставилъ ихъ разбросанными на полу и Джэнъ пришлось убирать ихъ. У Джэнъ и безъ того слишкомъ много дѣла, ей некогда каждый день заниматься этимъ, и мнѣ тоже некогда; а такъ какъ ты самъ не хочешь убирать свои игрушки, то я и не могу дать ихъ тебѣ». Это, очевидно, естественное послѣдствіе проступка, не преувеличенное и не смягченное; дитя непремѣнно сознаетъ его справедливость. Его подвергаютъ наказанію въ ту, собственно, минуту, когда онъ всего живѣе это чувствуетъ. Только что родившееся въ ребенкѣ желаніе парализуется отказомъ въ ожидаемомъ удовольствіи, и впечатлѣніе, полученное имъ отъ этого, до того бываетъ сильно, что неминуемо повліяетъ на послѣдующее его поведеніе; вліяніе это, постоянно повторяясь, непремѣнно приведетъ къ исправленію. Прибавьте къ этому, что при помощи такого метода, дитя съ раннихъ поръ узнаетъ правило—чѣмъ раньше онъ его узнаетъ, тѣмъ лучше — что въ жизни удовольствіе покупается только цѣною труда.

Возьмемъ другой примѣръ. Не такъ давно мы слышали нѣсколько разъ сряду, какъ одной маленькой дѣвочкѣ дѣлали выговоры за то, что она никогда не поспѣвала во время одѣться къ ежедневной прогулкѣ. Одаренная живымъ характеромъ и находясь всегда подъ вліяніемъ минуты, Констансъ тогда только принималась одѣваться, когда всѣ уже были готовы. Гувернанткѣ и другимъ дѣтямъ каждый разъ приходилось ее ждать, а отъ матери она почти постоянно получала выговоры. Какъ ни была ошибочна подобная система обращенія съ дѣвочкой, однако, матери ни разу не пришло въ голову подвергнуть ее естественному наказанію; она даже не сдѣлала этого, когда ей напомнили о такой мѣрѣ. Вообще неакуратность подвергаетъ насъ многимъ лишеніямъ, которыхъ мы, въ противномъ случаѣ, могли бы избѣжать: то мы поѣздъ пропустимъ, то не попадемъ на пароходъ, который на нашихъ глазахъ отчаливаетъ, то придемъ на базаръ, когда всѣ лучшіе предметы проданы, то явимся въ концертъ, когда всѣ удобныя мѣста въ залѣ уже заняты. Очевидно, что перспектива такого рода лишеній и заставляетъ людей стараться не опоздать. Выводъ отсюда ясенъ: при воспитаніи дѣтей необходимо напоминать имъ, что за неакуратность свою они будутъ терпѣть лишенія. Если Констансъ не поспѣла одѣться къ назначенному времени, она должна перенести естественныя послѣдствія своей неакуратности—быть оставленной дома и лишиться прогулки. Просидѣвъ раза два, такимъ образомъ, въ комнатѣ, пока прочія дѣти бѣгали и играли на чистомъ воздухѣ, и понявъ, что она подверглась лишенію въ любимомъ удовольствіи, благодаря только своей мѣшкотности, дѣвочка, несомнѣнно, постарается исправиться. Во всякомъ случаѣ, такого рода мѣра будетъ гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ безпрерывная брань, обыкновенно кончающаяся тѣмъ, что ребенокъ дѣлается совершенно равнодушенъ къ ней.

Или вотъ еще примѣръ. Когда дѣти съ непозволительной безпечностью ломаютъ или теряютъ подаренныя имъ вещи, ихъ непремѣнно слѣдуетъ заставить испытать естественное наказаніе, побуждающее даже и взрослыхъ людей быть бе-

режливыми. Именно: потеря или порча какой-нибудь вещи неизбѣжно влечетъ за собою новыя издержки на замѣщеніе ее; очень натурально, что взрослые мужчины и женщины подчиняются этой дисциплинѣ и стараются исправиться, акуратнѣе обращаться съ вещами; относительно дѣтей непремѣнно нужно дѣйствовать такъ, чтобы они испытывали тоже самое лишеніе. Мы не говоримъ о томъ раннемъ періодѣ дѣтства, когда игрушки ломаются съ цѣлью изучить ихъ физическія свойства, и когда дитя не можетъ еще имѣть понятія о послѣдствіяхъ своей безпечности; мы имѣемъ въ виду ребенка лѣтъ шести, семи, когда онъ ужь понимаетъ значеніе и выгоды собственности. Мальчикъ, настолько взрослый, что умѣетъ владѣть перочиннымъ ножомъ, такъ дурно пользуется имъ, что ломаетъ лезвее или забываетъ ножикъ въ травѣ у забора, гдѣ онъ срѣзалъ себѣ тросточку; легкомысленные родители или снисходительные родственники тотчасъ преподносятъ шалуну новый ножичекъ, забывая, что такимъ образомъ, они лишаютъ ребенка неоцѣненнаго урока. Отцу слѣдовало бы, въ этомъ случаѣ, объяснить сыну, что перочинный ножикъ стоитъ денегъ, а деньги добываются трудомъ; что онъ не въ состояніи безпрестанно покупать новые ножички тому, кто ихъ теряетъ или ломаетъ, и что пока онъ не увидитъ, что мальчикъ его сталъ бережливѣе въ пользованіи принадлежащими ему вещами, онъ отказывается замѣнить потерянный или испорченный ножикъ новымъ. Подобной же дисциплиной легко обуздывается и расточительность дѣтей.

Выгоды нормальной системы. Этими немногими, весьма обыкновенными примѣрами, выбранными ради ихъ простоты, мы, надѣюсь, вполнѣ выяснили различіе, существующее между естественными наказаніями—по нашему убѣжденію, наиболѣе дѣйствительными—и искуственными, обыкновенно замѣняющими первыя. Прежде, чѣмъ приступить къ обзору высшихъ и болѣе утонченныхъ примѣненій объясненнаго принципа, мы укажемъ на многочисленныя и важныя преимущества его надъ принципомъ или, вѣрнѣе сказать, надъ эмпирической

практикой, вошедшей во всеобщее почти употребленіе въ тѣхъ семействахъ, гдѣ есть дѣти.

Одно изъ первыхъ его преимуществъ заключается въ томъ, что неуклонное слѣдованіе помянутому принципу рождаетъ правильное понятіе о причинѣ и слѣдствіи; понятіе это, путемъ частаго и основательнаго опыта, достигаетъ, наконецъ, опредѣленности и полноты. Человѣкъ всегда будетъ разумнѣе дѣйствовать въ жизни, когда онъ по собственному, практическому опыту узнаетъ хорошія и дурныя послѣдствія своихъ поступковъ, а не будетъ ихъ принимать на вѣру, съ чужихъ словъ. Ребенокъ, узнавъ, что безпорядочность ведетъ за собой трудъ приведенія вещей въ порядокъ; что мѣшкотность можетъ лишить его удовольствія; что безпечность бываетъ причиной потери какого-нибудь очень дорогаго предмета, — не только живо почувствуетъ послѣдствія, но усвоитъ себѣ и знаніе причинъ. А причины и послѣдствія совершенно тѣ же, которыя представятся ему въ жизни позднѣе, въ зрѣломъ возрастѣ. Подвергая же ребенка, въ подобныхъ случаяхъ, выговору или искуственному наказанію, мы не только заставляемъ его испытывать послѣдствія, на которыя онъ часто не обращаетъ даже вниманія, но лишаемъ его урока, могущаго научить его распознаванію существенной разницы между хорошимъ и дурнымъ поведеніемъ. Въ общепринятой системѣ искуственныхъ наградъ и наказаній таится вредное начало, давно уже подмѣченное нѣкоторыми прозорливыми педагогами, именно то, что, замѣняя естественные результаты дурнаго поведенія извѣстнаго рода выговорами и наказаніями, мы порождаемъ безусловно ошибочныя правила нравственности. Привыкнувъ въ дѣтствѣ и отрочествѣ считать неудовольствіе родителей и наставниковъ главнымъ результатомъ запрещеннаго дѣйствія, юноша невольно усвоиваетъ себѣ убѣжденіе, что между его дѣйствіями и неудовольствіемъ старшихъ существуетъ такая же неразрывная связь, какъ между причиной и слѣдствіемъ. Но вотъ, родители и наставники сошли со сцены; бояться ихъ гнѣва нечего; препятствія къ запрещеннымъ дѣйствіямъ въ значительной степени устранены;

приходится горькимъ опытомъ узнавать настоящія препятствія, сталкиваться съ естественными реакціями. Вотъ что пишетъ нѣкто, хорошо знакомый съ этой близорукой системой воспитанія: «Молодые люди, преимущественно изъ тѣхъ, чьи родители мало заботились о томъ, чтобы подчинить ихъ своему вліянію въ дѣтствѣ, по выходѣ изъ училищъ, впадаютъ во всевозможныя безразсудства; для нихъ контроль дѣйствій не существуетъ; они понятія не имѣютъ о правилахъ нравственности, у нихъ нѣтъ никакихъ основъ, на которыя они могли бы опереться, и пока жизнь строго не проучитъ ихъ, они остаются чрезвычайно опасными членами общества».

Другое важное преимущество этой естественной дисциплины состоитъ въ томъ, что она вполнѣ справедливая дисциплина и что таковою ее признаютъ всѣ дѣти. Если взрослому человѣку приходится переносить только ту долю зла, которая, по естественному порядку вещей, есть слѣдствіе его собственнаго дурнаго поведенія, онъ никогда не рѣшится сказать, что съ нимъ несправедливо поступаютъ; но заставьте его страдать отъ искуственнаго наказанія, хотя бы болѣе легкаго, онъ непремѣнно возмутится. То же самое бываетъ и съ дѣтьми. Возьмите мальчика, неряшливаго въ своей одеждѣ, цѣлый день лазящаго по заборамъ, необращающаго никакого вниманія на грязь; попробуйте его прибить и уложить въ постель: онъ будетъ смотрѣть на себя, какъ на жертву дурнаго обращенія и не подумаетъ покаяться въ своемъ проступкѣ. Попытайтесь, вмѣсто того, заставить его исправить, насколько возможно, все, что онъ испортилъ; счистить съ себя грязь, которою онъ забрызгался, самому зачинить изорванное платье, какъ съумѣетъ, — неужели вы думаете, онъ не почувствуетъ, что самъ причиной испытываемой имъ непріятности? Неужели, подвергаясь подобному наказанію, ребенокъ не будетъ постоянно сознавать, что между послѣдствіемъ—наказаніемъ и причиною—проступкомъ, существуетъ тѣсная связь? Неужели, несмотря на свое раздраженіе, онъ до нѣкоторой степени не признаетъ справедливости произнесеннаго надъ нимъ приговора? Если нѣсколько подобныхъ уроковъ пропадутъ даромъ, не приведя за собою исправленія, если всѣ платья ребенка износятся преждевременно; если отецъ, строго придерживаясь прежней системы дисциплины, откажется тратить деньги на покупку новыхъ платьевъ, до истеченія извѣстнаго срока, и если, между тѣмъ, представятся случаи, когда мальчикъ, за неимѣніемъ приличнаго туалета, лишится удовольствія участвовать вмѣстѣ съ родными въ какихъ-нибудь прогулкахъ или праздникахъ, — то неужели вы думаете, онъ не почувствуетъ глубоко своего наказанія, не опомнится и, тщательно прослѣдивъ цѣпь причинъ испытываемаго имъ горя, не пойметъ, что началомъ всему злу было собственное его неряшество? Убѣдившись въ этой истинѣ, онъ никого не осудитъ въ несправедливости, тогда какъ это чувство зародилось бы въ немъ непремѣнно, еслибы связь между нарушеніемъ и наказаніемъ не была такъ очевидна.

Притомъ, характеръ, какъ у родителей, такъ и у дѣтей, менѣе подвергается порчѣ при вышесказанной системѣ, чѣмъ при обыкновенной. Если родители, вмѣсто того, чтобы заставлять дѣтей переносить непріятныя послѣдствія, естественно проистекающія отъ дурныхъ поступковъ, вздумаютъ карать ихъ сами, подвергая болѣе тяжкимъ наказаніямъ, то они причинятъ двойное зло. Родители придумываютъ все новые законы для своей семьи и, отождествляя свою верховную власть и собственное достоинство съ соблюденіемъ этихъ законовъ, смотрятъ на малѣйшее нарушеніе ихъ, какъ на личную для себя обиду и какъ на поводъ къ проявленію своего гнѣва. Затѣмъ, начинаются тревоги другаго рода: отецъ и мать страшатся хлопотъ и издержекъ, навлеченныхъ на нихъ поступкомъ дѣтей; имъ поневолѣ приходится принимать на себя всѣ тѣ дурныя послѣдствія, которыя должны были бы пасть на провинившихся. Тоже самое мы видимъ и на дѣтяхъ. Наказанія, налагаемыя на нихъ неизбѣжной естественной реакціей, наказанія, налагаемыя на нихъ безличнымъ дѣятелемъ—природою, возбуждаютъ въ нихъ, сравнительно, легкое и мимолетное раздраженіе, тогда какъ нака-

занія, произвольно налагаемыя родителями, заставляютъ всегда дѣтей думать, что отецъ или мать были къ нимъ несправедливы, а это вызываетъ въ нихъ сильное, продолжительное раздраженіе. Теперь посмотримъ, до какой степени были бы гибельны послѣдствія, если бы этотъ эмпирическій методъ примѣнялся родителями съ самаго начала. Представьте себѣ, что вдругъ такъ бы устроилось, что родители могли бы брать на себя физическія страданія дѣтей, причиненныя невѣдѣніемъ или неловкостью послѣднихъ; а чтобы показать дѣтямъ неправоту ихъ поступковъ, они подвергали бы ихъ другимъ искуственнымъ страданіямъ. Такъ, еслибы ребенку строго запретили подходить къ котлу съ горячей водой, а онъ непослушался бы и подойдя, обварилъ бы себѣ ногу кипяткомъ; мать тотчасъ приняла бы страданія отъ обжога на себя, но за то приколотила бы ребенка. Если бы это повторялось въ различныхъ видахъ, ежедневно, въ каждой семьѣ,— не были ли бы ежедневныя несчастія источникомъ гораздо большаго проявленія гнѣва и раздраженія, чѣмъ при настоящемъ порядкѣ семейнаго быта? Не возникло ли бы хроническаго дурнаго расположенія духа съ обѣихъ сторонъ? А между тѣмъ, родители придерживаются точь въ точь такихъ же правилъ въ обращеніи своемъ съ взрослыми дѣтьми. Отецъ бьетъ сына за то, что тотъ умышленно или нечаянно сломалъ сестрину игрушку, а самъ покупаетъ новую игрушку: такимъ образомъ онъ налагаетъ этимъ искуственное наказаніе на провинившагося, а на себя беретъ естественное. Въ тоже время, и онъ, и сынъ его раздражаются совершенно безполезно. Если бы отецъ потребовалъ отъ мальчика, чтобы тотъ замѣнилъ сломанную игрушку новой, онъ не озлобилъ бы его противъ себя. Скажи онъ только сыну, что сестрѣ надо купить новую игрушку на счетъ его карманныхъ денегъ и потому изъ нихъ удержится извѣстная сумма—неудовольствіе съ обѣихъ сторонъ было бы гораздо слабѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ понесенномъ убыткѣ мальчикъ испыталъ бы справедливое и цѣлебное наказаніе. Короче сказать, система дисциплины, при содѣйствіи естественныхъ реакцій, гораздо менѣе вредитъ характеру дѣтей, такъ какъ они сами сознаютъ ея безусловную справедливость и такъ какъ она, въ значительной степени, замѣняетъ личное вмѣшательство родителей безличнымъ посредничествомъ природы.

Изъ всего сказаннаго очевиденъ выводъ, что при подобной системѣ, отношенія между родителями и дѣтьми принимаютъ характеръ гораздо болѣе дружественный и потому взаимное вліяніе дѣлается гораздо прочнѣе. Вообще раздраженіе той и другой стороны всегда вредно, кѣмъ бы гнѣвъ ни возбуждался и на кого бы онъ ни падалъ. Но озлобленіе родителей противъ дѣтей и дѣтей противъ родителзй особенно гибельно потому, что оно ослабляетъ взаимную между ними симпатію, необходимую для взаимнаго же благотворнаго вліянія. По закону ассоціаціи идей неизбѣжно слѣдуетъ, что какъ въ молодости, такъ и въ старости человѣкъ чувствуетъ отвращеніе къ тѣмъ предметамъ, съ которыми у него связаны непріятныя воспоминанія. Существовавшая первоначально привязанность постепенно слабѣетъ и даже переходитъ въ антипатію соотвѣтственно съ количествомъ полученныхъ тяжелыхъ впечатлѣній. Родительскій гнѣвъ, выражающійся въ выговорахъ и наказаніяхъ, при частыхъ повтореніяхъ, непремѣнно вызоветъ отчужденіе дѣтей, и наоборотъ, злопамятство и упорство дѣтей непремѣнно охладятъ къ нимъ отца и мать, а подъ конецъ, даже истребятъ въ нихъ чувство привязанности къ дѣтямъ. Не даромъ мы видимъ множество случаевъ, гдѣ дѣти относятся съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, если не съ отвращеніемъ, къ своимъ родителямъ (въ особенности, къ отцамъ, на которыхъ, преимущественно, возлагается роль карателей), а родители смотрятъ на своихъ дѣтей какъ на испытаніе, какъ на крестъ, посланный имъ судьбою. И такъ, убѣдившись, насколько подобное взаимное отчужденіе пагубно для здоровой нравственной культуры, мы должны признать необходимымъ, чтобы всѣ родители вообще старались какъ можно тщательнѣе избѣгать поводовъ къ непосредственному антагонизму съ своими дѣтьми. Имъ слѣдуетъ твердо держаться правилъ дисциплины естественныхъ послѣдствій,

потому что она одна избавитъ ихъ отъ тяжкой обязанности карателей и предупредитъ взаимныя раздраженія и отчужденія.

Намъ ясно теперь, что методъ нравственной культуры, путемъ испытанія нормальныхъ реакцій предназначенный самой природою для младенцевъ и взрослыхъ людей въ одинаковой степени, можетъ быть точно также примѣняемъ и къ отроческому, и къ юношескому возрастамъ.

Главныя преимущества этого метода заключаются въ слѣдующемъ: во 1-хъ, въ томъ, что онъ даетъ человѣку раціональное понятіе о хорошемъ и дурномъ поведеніи путемъ личнаго испытанія хорошихъ и дурныхъ послѣдствій; во 2-хъ, въ томъ, что ребенокъ, вынося только тяжелыя послѣдствія своихъ собственныхъ дурныхъ поступковъ, болѣе или менѣе, ясно сознаетъ справедливость постигшаго его наказанія; въ 3-хъ, въ томъ, что признавая справедливость наказанія и принимая его чрезъ посредство невидимаго дѣятеля, а не изъ рукъ родителей или воспитателей, ребенокъ не такъ озлобляется и характеръ его не такъ портится; въ тоже время, родители, исполняя, относительно, пассивную роль, т. е. давая ребенку возможность чувствовать естественное наказаніе, сохраняютъ, отчасти, душевное спокойствіе; наконецъ, въ 4-хъ, въ томъ, что вслѣдствіе предупрежденія взаимныхъ раздраженій, между родителями и дѣтьми устанавливаются болѣе счастливыя отношенія и, слѣдовательно, взаимное вліяніе ихъ упрочивается.

«Но какъ же дѣйствовать при болѣе серьёзныхъ проступкахъ дѣтей? спросятъ насъ. Какъ, напримѣръ, примѣнить описанный методъ, если ребенокъ совершитъ незначительную кражу, солжетъ, обидитъ младшаго брата или маленькую сестру?

Прежде, чѣмъ отвѣтить на эти вопросы, разсмотримъ нѣсколько фактовъ, прямо разъясняющихъ дѣло.

Одинъ изъ нашихъ друзей, поселившись въ семьѣ своей замужней сестры, взялъ на себя обязанность воспитателя при ея дѣтяхъ, мальчикѣ и дѣвочкѣ. Дѣйствуя больше подъ вліяніемъ природнаго влеченія, чѣмъ серьёзно обдуманнаго плана, онъ повелъ дѣтей совершенно въ духѣ вышесказаннаго метода. Въ домѣ они были его воспитанниками, внѣ дома—его товарищами. Они ежедневно сопровождали дядю въ его прогулкахъ и ботаническихъ экскурсіяхъ, усердно отыскивали для него растенія, пристально наблюдали, какъ онъ ихъ разсматриваетъ и сортируетъ; такъ или иначе, но общество дяди развлекало и поучало ихъ. Короче сказать, въ нравственномъ смыслѣ, отношенія его къ дѣтямъ были гораздо болѣе родительскія, чѣмъ отношенія къ нимъ отца и матери. Описывая намъ результаты своей системы обращенія съ племянникомъ и племяницею, онъ передалъ слѣдующее. Однажды, вечеромъ, ему понадобилась какая-то вещь, лежавшая въ комнатѣ, на другомъ концѣ дома; онъ попросилъ племянника принести ее. Мальчикъ, въ эту минуту, былъ сильно заинтересованъ одной игрушкой; вопреки своему обыкновенію, онъ—мы не помнимъ хорошенько—или выказалъ явное нежеланіе исполнить просьбу дяди, или прямо отказался идти. Тогда дядя, вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть къ какимъ-нибудь принудительнымъ мѣрамъ, самъ пошелъ за требуемой вещью, выразивъ, впрочемъ, на лицѣ неудовольствіе, вызванное на немъ неделикатностью мальчика. Въ концѣ вечера, онъ сталъ предлагать дядѣ поиграть съ ними въ какую-то обычную игру; послѣдовалъ серьёзный отказъ, явно свидѣтельствовавшій, что дядя недоволенъ; ребенокъ мгновенно почувствовалъ непріятныя послѣдствія своего дурнаго поступка. На слѣдующее утро, въ тотъ самый часъ, когда нашъ другъ обыкновенно вставалъ, за дверью его комнаты послышался дѣтскій голосъ. Дверь отворилась и на порогѣ ея показался маленькій племянникъ: онъ принесъ горячую воду, затѣмъ, внимательно осмотрѣлъ всю комнату, отыскивая, что̀ бы еще сдѣлать. «А—а! вамъ не принесли сапогъ»! воскликнулъ онъ, и бросился опрометью по лѣстнинѣ внизъ за сапогами. Очевидно было, что онъ хотѣлъ выказать искренее раскаяніе въ своемъ дурномъ проступкѣ; въ теченіи цѣлаго дня, онъ придумывалъ всевозможныя послуги, чтобы загладить въ гла-

захъ дяди оказанную ему невѣжливость. Хорошія свойства одержали полную побѣду надъ дурными и окрѣпли благодаря этой побѣдѣ. Почувствовавъ, какъ много значитъ для него лишиться дружбы дяди, мальчикъ вдвое оцѣнилъ ее, когда дядя помирился съ нимъ.

Дружба между отцемъ и дѣтьми. Другъ нашъ сдѣлался теперь самъ отцомъ и продолжаетъ проводить ту же систему въ своей собственной семьѣ, считая ее вполнѣ подходящей. Это не отецъ, а вѣрный другъ своихъ дѣтей. Они ежедневно ждутъ не дождутся вечера, потому что въ это время отецъ возвращается домой. Любимый день ихъ—воскресенье, такъ какъ отецъ остается дома съ утра. Дѣти любятъ его безъ памяти, открываютъ ему всю душу и онъ увѣренъ, что одно его слово одобренія или порицанія произведетъ огромное вліяніе на нихъ. Если, возвратясь домой, отецъ узнаетъ, что который-нибудь изъ мальчиковъ велъ себя дурно, наприм., капризничалъ, онъ выкажетъ въ обращеніи съ нимъ холодность, естественный результатъ неудовольствія, вызваннаго дурнымъ поведеніемъ, и наказаніе это всегда достигало цѣли. Просто, одно воздержаніе отъ обычныхъ ласкъ ужь причиняетъ его дѣтямъ большое горе и бываетъ причиною такихъ продолжительныхъ слезъ, какихъ не вызвала бы никакая другая мѣра. Страхъ этого, чисто нравственнаго, наказанія, по словамъ нашего друга, не покидаетъ его дѣтей даже во время его отсутствія; очень часто случается, что они по нѣскольку разъ въ теченіи дня спрашиваютъ у матери, довольна ли она ими и хорошо ли отзовется объ нихъ отцу. Недавно старшій сынъ, бойкій мальчуганъ лѣтъ пяти, подъ вліяніемъ чисто животнаго увлеченія, свойственнаго всѣмъ здоровымъ дѣтямъ, сильно напроказилъ въ отсутствіе матери; онъ отрѣзалъ клокъ волосъ съ головы своего брата, а себя поранилъ бритвой, которую вытащилъ изъ несессера отца. Услышавъ о такихъ похожденіяхъ своего сына, отецъ, по возвращеніи домой, не сказалъ съ нимъ ни слова ни вечеромъ, ни на слѣдующій день. Мальчикъ былъ неутѣшенъ и впечатлѣніе отъ понесеннаго имъ наказанія до того было сильно, что нѣсколько дней

спустя, когда мать опять собралась уйти куда-то, онъ началъ умолять ее, чтобы она осталась дома. На вопросъ, почему онъ этого желаетъ, ребенокъ сознался, что боится, какъ бы ему снова не провиниться въ ея отсутствіе.

Мы съ цѣлью привели этотъ и предъидущій примѣры прежде, чѣмъ отвѣтить на вопросъ: «Какъ дѣйствовать при болѣе серьёзныхъ проступкахъ дѣтей для того, чтобы выяснить, каковы должны быть отношенія между родителями и дѣтьми, такъ какъ отъ свойства этихъ отношеній зависитъ успѣшное исправленіе важныхъ проступковъ?» Далѣе мы считаемъ необходимымъ указать на то, что упомянутыя отношенія не могутъ установиться иначе, какъ при помощи отстаиваемой нами системы. Выше уже было сказано, что заставляя ребенка испытывать на себѣ непріятную реакцію своихъ собственныхъ дурныхъ поступковъ, родители избѣгаютъ столкновеній съ нимъ и не даютъ ему повода смотрѣть на себя какъ на враговъ. Намъ остается теперь доказать, что въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ постоянно придерживались этой системы, чувство искренней дружбы между родителями и дѣтьми не прекращалось.

Дѣти смотрятъ на родителей какъ на друзей и какъ на враговъ. Въ настоящее время, дѣти, въ большинствѣ случаевъ, видятъ въ своихъ родителяхъ и друзей, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, враговъ. Такъ какъ дѣтскія впечатлѣнія неизбѣжно зависятъ отъ свойства обращенія съ ними, а обращеніе это постоянно колеблется между подкупомъ, наградами и угрозами, баловствомъ и бранью, ласками и наказаніями, то у дѣтей, естественнымъ образомъ слагается очень смутное понятіе о родительскомъ характерѣ. Мать, напр., воображаетъ, что достаточно, ежели она скажетъ своему маленькому сыну, что она его лучшій другъ и что онъ обязанъ вѣрить ей на слово, чтобы ребенокъ такъ-таки ей и повѣрилъ. «Я все дѣлаю для твоего блага». «Я лучше тебя знаю, что̀ тебѣ нужно». «Ты еще малъ, не поймешь теперь этого, но когда выростешь, скажешь мнѣ спасибо за то, что я такъ поступаю». Такія и подобныя имъ фразы повторяются матерью ежедневно, а меж-

ду тѣмъ, мальчика ежедневно же подвергаютъ и мучительнымъ наказаніямъ, безпрестанно запрещаютъ ему то то, то другое, ставятъ препятствія каждому его желанію. Онъ постоянно слышитъ, что его счастье составляетъ единственную цѣль родителей, а въ дѣйствительности переноситъ однѣ лишь непріятности. Не понимая еще значенія той будущности, о которой его мать такъ часто толкуетъ, и того, какимъ образомъ практикуемое съ нимъ обращеніе можетъ послужить къ его счастью, онъ судитъ обо всемъ только по тѣмъ даннымъ, которыя самъ на себѣ испытываетъ; но какъ въ нихъ ничего, кромѣ непріятнаго, нѣтъ, то мальчикъ начинаетъ относиться съ большой недовѣрчивостью къ разглагольствованіямъ матери объ ея любви къ нему. Было бы даже странно и ожидать другаго исхода. Ребенокъ, конечно, разсуждаетъ на основаніи очевидныхъ данныхъ, а данныя эти вполнѣ подтверждаютъ его заключеніе. И мать точно также бы разсуждала, если бы ее поставили въ одинаковое положеніе съ сыномъ. Если бы кто-нибудь изъ ея знакомыхъ постоянно шелъ на перекоръ ея желаніямъ, дѣлалъ бы ей рѣзкія замѣчанія по временамъ, причинялъ бы ей чувствительныя непріятности и при этомъ ежедневно разсыпался бы передъ нею въ выраженіяхъ своей искренней преданности и любви, она, конечно, никогда бы не довѣрилась подобной личности. Почему же она думаетъ, что ея сынъ долженъ поступать иначе?

Теперь разсудите, какихъ противоположныхъ результатовъ достигли бы родители, если бы они неуклонно придерживались той системы, которую мы отстаиваемъ; если бы мать не только не представляла изъ себя орудіе наказанія въ глазахъ рэбенка, но дѣйствительно исполняла бы роль его друга, предостерегая малютку отъ наказаній, подготовляемыхъ ему природой за дурные поступки. Возьмемъ одинъ примѣръ; а чтобы онъ какъ можно яснѣе выказалъ способъ примѣненія этой системы къ маленькимъ дѣтямъ, выберемъ самый простой. Предположимъ, что мальчикъ, побуждаемый духомъ изслѣдованія, такъ рѣзко проявляющимся въ дѣтствѣ, когда всѣ дѣйствія инстинктивно согласуются съ индуктивнымъ методомъ изслѣдованія, предположимъ, что онъ забавляется зажиганіемъ кусочковъ бумаги на свѣчкѣ, съ цѣлью прослѣдить, какъ они будутъ горѣть. Мать неразсудительная—а ихъ великое множество—изъ предосторожности, чтобъ не случилось бѣды или чтобъ ребенокъ не обжогся, тотчасъ прикажетъ ему перестать шалить; если же онъ сразу не послушается, она вырветъ у него бумагу изъ рукъ. Но если, по счастью, у мальчика окажется мать настолько разсудительная, чтобы понять, что интересъ, съ которымъ онъ слѣдитъ за процессомъ сгоранія бумажекъ, есть результатъ естественной любознательности, и настолько развитая, чтобы сообразить, какъ вредно можетъ быть ея вмѣшательство, — она непремѣнно скажетъ себѣ слѣдующее: «Если я запрещу эту забаву, я лишу сына случая пріобрѣсти новое свѣдѣніе. Правда, я спасу его отъ обжога, но чтожъ изъ этого? Впослѣдствіи, когда-нибудь, онъ все-таки обожжется; для его личной безопасности необходимо даже, чтобы онъ собственнымъ опытомъ узналъ свойства огня. Если я огражу его теперь отъ опасности, то очень можетъ случиться, что въ другой разъ онъ будетъ совершенно одинъ и подвергнется еще бо́льшей опасности, такъ какъ предупредить его будетъ некому; если онъ обожжется въ моемъ присутствіи, то я могу легко предотвратить дальнѣйшія послѣдствія обжога. Да кромѣ того, ежели я остановлю его теперь, то онъ не уймется и, при первомъ удобномъ случаѣ, опять примется за эту безвредную и, въ сущности, поучительную забаву, а на меня станетъ смотрѣть съ нѣкоторой затаенной досадой. Такъ какъ ему еще незнакомо болѣзненное ощущеніе обжога, отъ котораго я могу его спасти, то помѣшавъ ему играть, я возбужу въ немъ только чувство досады. Спасая его отъ неизвѣстной ему боли, я причиняю ему другую боль, которую онъ очень живо ощущаетъ, и, такимъ образомъ, съ его точки зрѣнія, я для него теперь орудіе зла. Я лучше сдѣлаю, если просто предупрежу его объ угрожающей ему опасности и приму мѣры къ отклоненію серьезнаго вреда». Разсудивъ такимъ образомъ, мать говоритъ ребенку: «Послушай, я

боюсь, не обжогся бы ты, перестань». Положимъ, мальчикъ не послушается и кончитъ тѣмъ, что обожжетъ себѣ руку. Какой получится результатъ? Вопервыхъ, онъ пріобрѣтетъ опытность, а чѣмъ раньше она пріобрѣтается, тѣмъ лучше; вовторыхъ, онъ убѣдится, что мать, останавливая и предостерегая его, имѣла въ виду его личную пользу, убѣдится въ ея вниманіи къ нему, получитъ новое доказательство вѣрности ея сужденія и ея заботливости объ немъ, наконецъ, будетъ имѣть еще поводъ любить ее.

Конечно, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда ребенокъ рискуетъ сломать себѣ руку или ногу, или подвергнуться опасному ушибу, необходимо употреблять насильственныя мѣры; но за исключеніемъ этихъ случаевъ, надо держаться такой системы, чтобы не отстранять ребенка отъ незначительныхъ, ежедневно ему угрожающихъ опасностей, а только совѣтовать остерегаться ихъ. При подобной системѣ дѣти горячѣе привязываются къ родителямъ, чѣмъ при обычныхъ у насъ условіяхъ. Если отецъ съ матерью постоянно держатся дисциплины естественныхъ реакцій, т. е. разрѣшаютъ дѣтямъ лазать и рѣзвиться, сколько они хотятъ, внѣ дома, а дома пускаться во всякія, хоть бы даже опасныя, затѣи, ласково предостерегая ихъ только, чтобы они соблюдали извѣстную осторожность, — довѣріе къ ихъ дружбѣ и руководству постепенно будетъ усиливаться въ дѣтяхъ. Соблюденіе такого метода, какъ мы замѣтили выше, дастъ родителямъ возможность избѣгнуть озлобленія дѣтей — этого неминуемаго результата строгихъ наказаній, безпрестанной брани и укоровъ; мало того, тѣ случаи, которые въ другихъ семьяхъ, обыкновенно, ведутъ къ ссорамъ, у нихъ обратятся въ средства усиленія взаимнаго согласія. Безъ краснорѣчивыхъ фразъ, часто идущихъ въ разрѣзъ съ дѣломъ, что родители лучшіе друзья дѣтей,—послѣдніе сами убѣдятся въ этой истинѣ при помощи ежедневныхъ доказательствъ, а усвоивъ ее этимъ путемъ, они почувствуютъ къ отцу и матери такую сильную привязанность и такое довѣріе, какихъ тѣ не могли бы достичь никакимъ другимъ путемъ.

Указавъ нашимъ читателямъ, какія прекрасныя отношенія могутъ установиться въ семьѣ при постоянномъ руководствѣ естественнымъ методомъ, мы перейдемъ къ вышеупомянутому вопросу:

Какъ примѣнить этотъ методъ къ случаямъ важныхъ проступковъ? Замѣтьте, что важные проступки совершаются дѣтьми рѣже и не имѣютъ такого рѣзкаго характера при описанномъ нами способѣ воспитанія, чѣмъ при томъ, которое вошло во всеобщее употребленіе. Дѣти часто ведутъ себя дурно, вслѣдствіе хроническаго раздраженія, постоянно поддерживаемаго въ нихъ дурнымъ обращеніемъ съ ними въ семьѣ. Уединеніе и ожесточеніе, вызываемое частыми наказаніями, неизбѣжно должны заглушать чувство любви и, слѣдовательно, подстрекать ребенка къ такимъ поступкамъ, которые онъ никогда бы себѣ не позволилъ, оставаясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ родителями. Грубое обращеніе дѣтей одной и той же семьи между собой, въ большинствѣ случаевъ, есть только отраженіе грубаго обращенія съ ними старшихъ; оно внушается отчасти дурнымъ примѣромъ, отчасти досадою и жаждою выместить на комъ-нибудь горечь, накопившуюся на душѣ послѣ безпрестанныхъ наказаній и выговоровъ. Нечего и говорить, что ласковое обращеніе непремѣнно смягчитъ дѣтскіе нравы и дѣти перестанутъ наносить другъ другу частыя и серьезныя обиды. Провинности, еще болѣе достойныя порицанія, какъ, напр., ложь, мелкія кражи и т. д., по той же самой причинѣ, будутъ значительно рѣже проявляться. Отчужденіе ребенка въ семьѣ есть главный источникъ подобныхъ проступковъ. Существуетъ законъ человѣческой природы, очевидный для каждаго наблюдателя, что люди, которыхъ лишаютъ высшихъ наслажденій, ищутъ себѣ утѣшенія въ низшихъ; люди, незнакомые съ чувствомъ взаимной любви, предаются эгоизму, а слѣдовательно, и наоборотъ, чѣмъ дружнѣе будутъ жить родители съ дѣтьми, тѣмъ болѣе сократится число проступковъ, основанныхъ на эгоизмѣ. Когда, даже при самой лучшей системѣ, дѣти случайно совершатъ проступокъ подобнаго рода, можно

опять-таки прибѣгнуть къ дисциплинѣ послѣдствій, и если между провинившимися и ихъ родителями будетъ существовать крѣпкая связь довѣрія и любви, то дисциплина эта непремѣнно окажетъ свое вліяніе. Напримѣръ, какія естественныя послѣдствія, положимъ, хоть воровства? Онѣ двухъ родовъ: прямыя и косвенныя. Прямое послѣдствіе, основанное на законѣ справедливости, заключается въ возвращеніи украденной вещи. Справедливый правитель (а всѣ родители должны стремится быть таковыми) потребуетъ, чтобы дурной поступокъ былъ заглаженъ хорошимъ; въ случаѣ воровства, необходимо вернуть украденную вещь или, если она уничтожена, замѣнить ее равноцѣнной; если воромъ былъ ребенокъ, то слѣдуетъ заставить его пріобрѣсти вещь на свои карманныя деньги. Косвенное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе важное послѣдствіе такого дурнаго поступка, есть сильное неудовольствіе родителей; подобное послѣдствіе неизбѣжно въ средѣ людей, настолько цивилизованныхъ, чтобы считать воровство преступленіемъ. «Но, скажутъ намъ, выраженіе родительскаго гнѣва на словахъ или въ побояхъ есть обычный результатъ въ подобныхъ случаяхъ, и вашъ методъ не приведетъ ни къ чему новому». Совершенно справедливо. Мы уже признали, что въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, многіе родители и воспитатели самопроизвольно руководствуются этимъ методомъ; мы доказали, что въ воспитательныхъ системахъ замѣтно стремленіе достигнуть идеала настоящей системы; а теперь мы можемъ повторить, что сила естественной реакціи, вслѣдствіе благопріятнаго хода вещей, всегда принаравливается къ духу времени. Родительскій гнѣвъ, въ сравнительно варварскія времена, выражался въ грубыхъ мѣрахъ при исправленіи дѣтей, сравнительно, также дикихъ; чѣмъ болѣе развивалось соціальное положеніе людей, тѣмъ мѣры эти дѣлались кротче. Но мы желаемъ преимущественно обратить вниманіе читателей на то, что строгое выраженіе родительскаго неудовольствія, вызваннаго однимъ изъ важныхъ проступковъ, можетъ повести къ добру, если между провинившимися и его родителями существуютъ тѣсныя дружескія отношенія. Дисциплина естественныхъ послѣдствій окажется ровно настолько же благотворною въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ. Доказательство этому каждый изъ насъ найдетъ въ собственной или чужой жизни, если только дастъ себѣ трудъ внимательно отнестись къ дѣлу.

Кому изъ насъ неизвѣстно, что обидѣвъ ближняго, мы чувствуемъ къ нему сожалѣніе, соразмѣрно степени симпатіи нашей къ нему? Каждый согласится, что когда обиженная нами личность нашъ врагъ, то причиненіе ему непріятности служитъ для насъ скорѣе источникомъ тайнаго удовольствія, чѣмъ огорченія. Каждый изъ насъ испыталъ на себѣ, что когда его оскорблялъ своей холодностью, своимъ недовѣріемъ или грубостью совершенно незнакомый ему человѣкъ, то онъ относился къ этому довольно равнодушно и, наоборотъ, горячо принималъ къ сердцу, когда такое оскорбленіе наносилъ ему человѣкъ близкій. Точно также и гнѣвъ дорогаго, любимаго существа принимается нами какъ несчастье, разстроиваетъ насъ надолго. Неудовольствіе родителей, равнымъ образомъ, дѣйствуетъ на дѣтей соразмѣрно съ характеромъ установившихся между ними отношеній. Если ребенокъ отчужденъ отъ родителей, то онъ, совершивъ какой-нибудь проступокъ, будетъ ощущать чисто-эгоистическій страхъ передъ грозящимъ ему впереди физическимъ наказаніемъ или же важнымъ лишеніемъ; когда его подвергнутъ тому или другому, онъ озлится на родителей и это чувство еще усилитъ его отчужденіе. Между тѣмъ, если въ ребенкѣ живетъ горячая привязанность къ родителямъ, возникшая вслѣдствіе нѣжности, выказываемой ему отцомъ и матерью, то нравственное огорченіе, испытываемое имъ каждый разъ при родительскомъ гнѣвѣ не только обуздаетъ его дурныя наклонности, но даже существенно исправитъ его. Нравственное страданіе при мысли, что онъ лишился, хоть на время, столь дорогой родительской дружбы, гораздо тяжелѣе для него, чѣмъ всякое физическое наказаніе и потому дѣйствительнѣе. Вмѣсто страха и озлобленія, возбуждаемыхъ системой тѣлесныхъ наказаній, въ ребенкѣ рождается боязнь огорчить ро-

дителей, раскаяніе въ проступкѣ, вызвавшемъ ихъ неудовольствіе, желаніе чѣмъ-нибудь загладить свою вину и возстановить прежнія дружескія отношенія. Вмѣсто эгоистическихъ страстей, этого главнаго источника преступленій, въ душѣ ребенка развиваются самыя благородныя чувства, обуздывающія преступныя дѣйствія. Такимъ образомъ, дисциплина естественныхъ послѣдствій вполнѣ примѣнима какъ къ важнымъ, такъ и къ мелкимъ проступкамъ и руководство ею не только обуздываетъ, но и искореняетъ человѣческіе недостатки.

Короче сказать, истина заключается въ томъ, что жестокость порождаетъ жестокость, а кротость порождаетъ кротость. Дѣти, къ которымъ относились равнодушно, сами дѣлаются равнодушными, и, наоборотъ, тѣ, которые пользовались любовью и ласкою родителей, современемъ, сами проникаются сочувствіемъ и любовью къ окружающимъ. Въ семьѣ, какъ и въ государствѣ, суровый деспотизмъ бываетъ причиной большинства преступленій, которыя ему же и приходится обуздывать, тогда какъ, съ другой стороны, кроткое и либеральное управленіе уничтожаетъ многіе поводы къ раздорамъ и такъ улучшаетъ нравы и чувства людей, что стремленіе къ преступленіямъ замѣтно ослабѣваетъ. Джонъ Локке уже давно сказалъ: «Крайне строгія наказанія мало приносятъ пользы, а скорѣе наносятъ громадный вредъ воспитанію, и я увѣренъ, что со временемъ педагоги поймутъ, что при одинаковыхъ условіяхъ, изъ дѣтей, часто подвергавшихся наказаніямъ, рѣдко выходятъ хорошіе люди». Въ подтвержденіе этого мнѣнія мы можемъ привести фактъ, не такъ давно опубликованный м-ромъ Роджерсомъ, капелланомъ пентонвильской тюрьмы, именно, что молодые преступники, подвергавшіеся наказанію розгами, чаще другихъ возвращаются въ тюрьму. Напротивъ, благодѣтельное вліяніе кроткаго обращенія свидѣтельствуетъ другой фактъ, переданный намъ одной фрянцуженкой, въ домѣ которой мы недавно останавливались въ Парижѣ. Извиняясь передъ нами въ безпокойствѣ, причиняемомъ всѣмъ въ домѣ маленькимъ мальчикомъ,

съ которымъ не могли справиться ни въ семьѣ, ни въ школѣ, она выразила опасеніе, что другаго средства для его исправленія не остается кромѣ того, которое совершенно удалось относительно его старшаго брата, а именно, отправить его въ англійскую школу. Она разсказывала, что съ этимъ старшимъ братомъ также не могли сладить ни въ одной изъ французскихъ школъ; она пришла въ отчаяніе и по чьему то совѣту послала мальчика въ Англію, откуда онъ вернулся домой настолько хорошимъ, насколько прежде былъ дуренъ. Такую замѣчательную перемѣну она всецѣло приписывала сравнительной мягкости англійской школьной дисциплины.

Изложивъ всѣ главные принципы естественнаго метода, мы займемъ послѣднія страницы нашего сочиненія нѣкоторыми важнѣйшими правилами или, скорѣе, выводами изъ этихъ принциповъ, и для бо̀льшей краткости представимъ ихъ въ формѣ наставленій.

Не ожидайте отъ ребенка нравственнаго совершенства. Каждый цивилизованный человѣкъ, въ ранніе годы своего дѣтства, переживалъ фазисъ развитія, свойственный варварскому племени, отъ котораго произошли его предки. Какъ черты лица ребенка, его плоскій носъ, раздутыя ноздри, толстыя губы, широко-разставленные глаза, отсутствіе лицеваго угла, такъ равно и инстинкты его, въ первое время, очень напоминаютъ черты лица и инстинкты дикихъ. Вотъ откуда являются вообще у всѣхъ дѣтей наклонности къ жестокости, воровству, лжи и жадности, наклонности, которыя, даже безъ помощи дисциплины, болѣе или менѣе, измѣняются со временемъ, какъ и черты лица. Утвердившееся мнѣніе, будто дѣти «невинныя созданья», совершенно справедливо относительно *познанія зла*, но вполнѣ ошибочно относительно *побужденій ко злу*. Стоитъ пробыть только полчаса въ дѣтской, чтобы убѣдиться въ этомъ. Если мальчиковъ оставятъ ненадолго безъ надзора въ общественныхъ школахъ, они начинаютъ драться между собой съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ взрослые; если же за ними вовсе нѣтъ надзора съ са-

маго ранняго возраста, то въ нихъ еще сильнѣе разовьется жестокосердіе.

Мы считаемъ вполнѣ неразумнымъ не только созданіе себѣ идеала хорошаго поведенія для дѣтей, но даже чрезмѣрное усердіе безпрестанно побуждать ихъ хорошо себя вести. Теперь уже многіе родители убѣдились въ гибельныхъ результатахъ *нравственной скороспѣлости* дѣтей. Высшія нравственныя и высшія умственныя качества человѣка очень сложны, слѣдовательно, какъ тѣ, такъ и другія, сравнительно, поздно развиваются; ранняя дѣятельность ихъ, вызванная насильственно, непремѣнно разовьется на счетъ будущихъ свойствъ. Вотъ причина весьма часто встрѣчаемой аномаліи такого рода, что люди, которые въ дѣйствѣ служили примѣромъ даровитости, мало по малу, незамѣтно тупѣли и кончали тѣмъ, что становились не выше, а ниже посредственности, между тѣмъ, какъ истинно даровитые люди весьма мало обѣщали въ дѣтствѣ.

Оставайтесь вполнѣ довольны умѣренными мѣрами и умѣренными результатами. Никогда не забывайте, что высшая нравственность и высшее умственное развитіе достигаются весьма медленно и потому не раздражайтесь, открывая несовершенства въ вашемъ ребенкѣ. Не позволяйте себѣ безпрестанно бранить его, угрожать ему наказаніями, запрещать то то, то другое, словомъ, не придерживайтесь системы, по милости которой, многіе родители поселяютъ въ семьѣ хроническое раздраженіе, воображая, что они подобнымъ обращеніемъ могутъ выработать изъ своихъ дѣтей все, что хотятъ.

Либеральная форма домашняго управленія, не допускающая придирокъ къ каждому пустяку въ поведеніи ребенка, есть неизбѣжный результатъ той системы, которую мы отстаиваемъ. Довольствуйтесь тѣмъ, что вашъ ребенокъ постоянно испытываетъ естественныя послѣдствія своихъ дѣйствій, тогда вы не впадете въ ошибку большинства родителей, черезъ-чуръ усердно контролирующихъ своихъ дѣтей. Предоставьте ребенка, насколько возможно, дисциплинѣ опыта,

и вы спасете его отъ тепличной добродѣтели податливыхъ натуръ, вѣчно требующихъ помочей, вы оградите его отъ того унизительнаго презрѣнія, которому всегда подвергаются подобныя личности со стороны людей съ твердымъ, независимымъ характеромъ.

Контроль родителей надъ собой. Добиваясь всѣми силами, чтобы дѣти ваши, послѣ каждаго своего поступка, испытывали вліяніе естественныхъ реакцій, вы отлично обуздаете свой собственный характеръ. Къ сожалѣнію, большинство родителей придерживается страннаго метода воспитанія: они дѣйствуютъ подъ вліяніемъ первой вспышки гнѣва, стараясь удовлетворить его какъ и чѣмъ попало. Положимъ, ребенокъ провинился (иногда даже его поступка и виною-то назвать нельзя); мать тотчасъ начинаетъ награждать его пинками, толчками, рѣзкой бранью, и всѣ эти проявленія досады бываютъ только результатомъ желанія выместить на ребенкѣ свой гнѣвъ, а вовсе не желанія исправить его. Для того, чтобы при каждомъ дѣтскомъ проступкѣ мы могли хорошенько вникнуть въ естественныя его послѣдствія и обсудить, какъ оно повліяетъ на маленькаго шалуна, мы должны употребить нѣсколько минутъ на то, чтобы придти въ себя и сдержать свой гнѣвъ; только тогда мы въ состояніи будемъ дѣйствовать сознательно и не увлечемся нервнымъ раздраженіемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, не слѣдуетъ быть также слишкомъ пассивнымъ орудіемъ въ подобныхъ случаяхъ. Не надо забывать, что въ числѣ естественныхъ реакцій, дѣйствующихъ на ребенка, большую роль играетъ осужденіе или одобреніе родителей—самое законное средство для руководства дѣтскихъ поступковъ. Мы возставали противъ *замѣненія* естественныхъ наказаній природы родительскимъ гнѣвомъ и искуственными наказаніями; но мы отнюдь не отвергаемъ необходимости, чтобы послѣднія *сопровождали* иногда первыя. Если *второстепенный* родъ возмездія не завладѣетъ мѣстомъ *первостепеннаго*, то онъ можетъ, въ нѣкоторой степени, дополнить его. Огорченіе, причиненное вамъ ребенкомъ, или негодова-

ніе, вызванное имъ въ васъ, могутъ быть выражены словами или холодностью въ обращеніи съ провинившимся; но при этомъ необходимо, чтобы вы дѣйствовали подъ вліяніемъ критики разсудка. Все, конечно, будетъ зависѣть отъ вашего личнаго характера и потому безполезно давать совѣты, какъ именно и въ какой степени слѣдуетъ выражать свое неудовольствіе. Во всякомъ случаѣ, надо стараться сдерживаться по мѣрѣ возможности. Берегитесь, особенно, впадать въ двѣ крайности: не слишкомъ горячитесь, но и не будьте слабы; не сейчасъ прощайте, но и не сердитесь слишкомъ долго. Многія матери запальчиво кричатъ на дѣтей, осыпаютъ ихъ выговорами, а черезъ минуту обращаются съ ними, какъ ни въ чемъ не бывало. Другія, напротивъ, дуются на дѣтей по нѣскольку дней; тѣ, мало по малу, привыкнутъ обходиться безъ дружбы матери и вліяніе ея незамѣтно ослабѣетъ. Старайтесь, чтобы нравственная реакція, вызванная въ васъ дѣйствіями ребенка, уподоблялась, по возможности, такой реакціи, какую испытаютъ образцовые родители.

Отдавая приказанія дѣтямъ, соблюдайте умѣренность. Приказывайте тогда только, когда всѣ прочія мѣры окажутся непримѣнимыми или безуспѣшными. «Слишкомъ частыя приказанія, говоритъ Рихтеръ, обыкновенно, направлены къ выгодамъ родителей, а не дѣтей». Какъ въ первобытныхъ обществахъ всякое нарушеніе закона каралось, главное, не потому, что оно составляло существенное зло, а потому, что въ немъ видѣли неуваженіе къ королевской власти и посягательство на бунтъ, такъ и во многихъ семействахъ ребенка наказываютъ не столько съ цѣлью выразить тѣмъ осужденіе его проступка, сколько отъ досады, какъ онъ смѣлъ противиться старшимъ. Обратите вниманіе на обычный родительскій тонъ съ дѣтьми: «Какъ ты *смѣешь* меня не слушаться»? «Говорю вамъ, сударь, что я *заставлю* васъ это сдѣлать». «Я вамъ покажу, кто здѣсь *главный* въ домѣ». Обратите также вниманіе на смысмъ словъ, тонъ голоса, манеру, съ которой отецъ произноситъ эти угрозы; сейчасъ видно, что онъ принялъ твердое намѣреніе сломить упрямство ребенка и что ему дѣла

нѣтъ ни до чего другаго. Чѣмъ отличается, въ настоящее время, цѣль воспитателей отъ цѣли деспота, рѣшившагося, во что бы то ни стало, наказать непокорнаго подданнаго? Благоразумный отецъ, подобно человѣколюбивому законодателю, будетъ радоваться, если ему представится возможность избѣжать понудительныхъ мѣръ. Послѣдній не станетъ прибѣгать къ закону тамъ, гдѣ можно съ успѣхомъ употребить другаго рода способы для руководства гражданъ; онъ неохотно будетъ прибѣгать къ закону даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ законъ окажется необходимъ. «Говорятъ, пишетъ Рихтеръ, что лучшее правило въ политикѣ: «pas trop gouverner (не слишкомъ усердно управлять). Оно точно также относится и къ воспитанію дѣтей». Сообразно съ этимъ правиломъ, родители, у которыхъ властолюбіе сдерживается вѣрнымъ пониманіемъ долга, всегда будутъ стараться, чтобы дѣти ихъ самоуправляли собою, насколько возможно, и только въ крайнихъ случаяхъ позволятъ себѣ прибѣгнуть къ помощи неограниченной власти.

Но тамъ, гдѣ вы должны приказывать—приказывайте настойчиво, рѣшительно; если положеніе дѣлъ таково, что иначе поступить нельзя, произнесите окончательный приговоръ и ужь ни за что не уклоняйтесь отъ него. Обдумайте хорошенько вашъ образъ дѣйствій, взвѣсьте всѣ послѣдствія его, обсудите, достаточно ли твердо принятое вами намѣреніе и отдайте приказъ, требуя повиновеніи, во что бы то ни стало. Пусть наказанія ваши, подобно естественнымъ наказаніямъ, налагаемымъ природою, будутъ неизбѣжны. Ребенокъ, схвативъ горячій уголь, обожжется разъ, другой, третій, но, затѣмъ, не притронется ужь къ нему никогда. Если ребенокъ убѣдится опытомъ, что всѣ послѣдствія, о которыхъ вы его предупреждали, постоянно сбываются, онъ будетъ также уважать ваши приказанія, какъ законы природы. А когда это уваженіе установится, безконечныя семейныя непріятности сдѣлаются немыслимы. Самое великое зло въ дѣлѣ воспитанія—это непослѣдовательность воспитателей. Какъ въ обществѣ преступленія быстро умножаются, если не существуетъ правильной системы правосудія, такъ и въ семействѣ страшно

возрастаетъ число проступковъ, если родители характера нерѣшительнаго и если наказанія, которымъ они подвергаютъ своихъ дѣтей, налагаются ими на праваго и виноватаго, безъ разбора. Слабая мать, которая постоянно грозитъ ребенку то тѣмъ, то другимъ наказаніемъ и рѣдко исполняетъ свои угрозы, второпяхъ отдаетъ приказанія и, опомнившись, тотчасъ отмѣняетъ ихъ; къ одному и тому же проступку относиться сегодня строго, а завтра снисходительно, смотря по расположенію духа, — такая мать готовитъ много бѣдствій какъ для себя, такъ и для дѣтей. Она заставляетъ ихъ относиться къ ней съ неуваженіемъ, подаетъ имъ примѣръ несдержанности, поощряетъ ихъ дурно вести себя, возбуждая въ нихъ надежду, что все имъ сойдетъ съ рукъ безнаказанно; она завязываетъ безконечныя ссоры съ дѣтьми, портитъ ихъ характеръ и свой собственный; она производитъ въ ихъ чувствахъ и мысляхъ полнѣйшій хаосъ, который, впослѣдствіи, если и приведется въ нѣкоторый порядокъ, то не иначе, какъ съ помощью горькаго опыта. Самая варварская форма домашняго управленія, если только она послѣдовательна, предпочтительнѣе болѣе гуманной системѣ, если та непослѣдовательна. Повторимъ еще разъ: избѣгайте принудительныхъ мѣръ, насколько возможно; если же вы находите, что деспотизмъ, дѣйствительно, необходимъ, будьте деспотомъ неуклонно.

Помните, что главной цѣлью вашей дисциплины должно быть воспитаніе такого существа, которое было бы способно *управлять самимъ собою* и не *нуждалось бы въ управленіи другихъ*. Если бы вашимъ дѣтямъ предстояла жизнь рабовъ, вамъ слѣдовало бы съ ранняго дѣтства пріучать ихъ къ рабству; а такъ какъ они рождаются людьми свободными, съ правомъ не имѣть надъ собою контролера и не давать отчета въ своихъ ежедневныхъ дѣйствіяхъ, то вы никогда не пріучите ихъ въ достаточной степени къ самоуправленію, пока они у васъ на глазахъ. Вотъ что именно и дѣлаетъ систему естественныхъ послѣдствій въ особенности подходящей къ характеру того спеціальнаго положенія, до котораго достигла Англія. Въ феодальныя времена, когда главнымъ зломъ было

то, что каждый гражданинъ трепеталъ передъ высшими лицами, очень естественно, что родительскій деспотизмъ считался лучшимъ средствомъ для руководства семьи. Но теперь, когда англійскіе граждане не имѣютъ основанія бояться кого бы то ни было, когда добро или зло, которымъ они подвергаются по ходу вещей, исключительно зависитъ отъ личнаго ихъ поведенія, имъ необходимо съ ранняго дѣтства изучать собственнымъ опытомъ хорошія и дурныя послѣдствія, истекающія естественнымъ путемъ изъ ихъ поступковъ. Старайтесь поэтому сокращать, помѣрѣ возможности, вліяніе родительской власти, когда ваши дѣти настолько подростутъ и разовьются, что станутъ понимать важное значеніе самоуправленія, основаннаго на предусмотрѣніи результатовъ. Пока ребенокъ еще очень малъ, неограниченная власть родителей почти необходима. Трехлѣтняго мальчугана, играющаго съ бритвой, нельзя допустить подвергнуться дисциплинѣ послѣдствій, потому что послѣдствія эти могутъ быть для него очень гибельны. Но помѣрѣ развитія дѣтскаго разсудка, число строгихъ запрещеній можетъ и должно быть уменьшено; затѣмъ, мало по малу, съ приближеніемъ зрѣлаго возраста, они должны совсѣмъ прекратиться. Всѣ рѣзкіе переходы опасны, но самый опасный между ними, это переходъ изъ тѣсной рамки семейныхъ ограниченій къ полнѣйшей свободѣ свѣтской жизни. Вотъ почему такъ и важно придерживаться того метода, который мы отстаиваемъ; онъ развиваетъ въ мальчикѣ способность самообладанія, такъ какъ старшіе постепенно, все болѣе и болѣе предоставляютъ ему свободу дѣйствій, и, такимъ образомъ, шагъ за шагомъ, онъ вырабатываетъ въ себѣ независимость воли и характера и сглаживаетъ тѣмъ внезапный и рѣзкій переходъ отъ юношества, когда имъ управляла внѣшняя сила, власть родителей и наставниковъ, къ зрѣлому возрасту, когда онъ отданъ на произволъ самому себѣ. Устройте такъ, чтобы исторія вашего семейнаго управленія представляла въ миніатюрѣ исторію государства; въ первые годы, пусть господствуетъ неограниченная власть, такъ какъ она, дѣйствительно, необходима; мало по малу,

переходите къ управленію конституціонному, при которомъ признается уже, до извѣстной степени, свобода подданныхъ, а затѣмъ, постепенно расширяя свободу вашихъ дѣтей, отрекитесь, наконецъ, совершенно отъ родительской власти.

Излишняя покорность не желательна. Не огорчайтесь проявленіемъ нѣкотораго своевольства въ вашихъ дѣтяхъ: это ничто иное, какъ послѣдствіе ослабленнаго давленіи на дѣтей при нынѣшнемъ воспитаніи. Чѣмъ больше одна сторона стремится завоевать себѣ свободу, тѣмъ меньше замѣчается съ другой стороны стремленія къ деспотизму. Какъ то, такъ и другое явленіе доказываютъ, что люди приближаются къ системѣ дисциплины, нами проповѣдуемой, при которой дѣти будутъ, все болѣе и болѣе, привыкать къ самоуправленію, при посредствѣ испытанія естественныхъ послѣдствій, а это есть несомнѣнное доказательство прогресса въ соціальномъ положеніи. Независимый англійскій мальчикъ—будущій отецъ независимаго англичанина; послѣдній немыслимъ безъ перваго. Нѣмецкіе педагоги говорятъ, что для нихъ легче справиться съ дюжиной нѣмецкихъ мальчиковъ, чѣмъ съ однимъ англійскимъ. Должны ли мы, вслѣдствіе этого, желать, чтобы наши мальчики обладали податливостью нѣмецкихъ мальчиковъ и чтобы изъ нихъ выработались со временемъ, по примѣру нѣмцевъ, покорные и раболѣпные слуги отечественной политики? Не выгоднѣе ли намъ допустить въ англійскихъ дѣтяхъ развитіе тѣхъ чувствъ, изъ которыхъ создаются свободные люди, и измѣнять, сообразно тому, наши методы воспитанія?

Въ заключеніе, помните всегда, что правильное воспитаніе—вещь не простая и не легкая, а весьма сложная и трудная; это самый тяжелый трудъ, выпадающій на долю взрослыхъ. Къ грубому, первобытному способу домашняго управленія прибѣгаютъ теперь только пошлыя, неразвитыя личности. Колотить дѣтей и ругаться, свойственно развѣ дикарю и тупоголовому крестьянину. Методъ дисциплины доступенъ даже и животнымъ; замѣтьте, какъ иногда собака тихо ворчитъ и даетъ чувствовать свои зубы капризному щенку. Но помните также, что если вы захотите съ успѣхомъ провести

раціональную, цивилизованную систему, вы должны приготовить себя къ немалой умственной и нравственной работѣ: пріобрѣсти научныя свѣдѣнія, умѣть быть искреннимъ, терпѣливымъ и сдержаннымъ. Вамъ придется безпрестанно соображать, какими послѣдствіями сопровождаются въ жизни взрослаго извѣстнаго рода дѣйствія и при этомъ вы должны будете придумывать способы, какъ бы заставить дѣтей вашихъ испытывать тѣ же самыя послѣдствія, отъ тѣхъ же самыхъ дѣйствій. Анализируйте ежедневно побужденія юноши, чтобы съумѣть отличить истинно хорошіе поступки отъ кажущихся такими, но проистекающіе изъ низшихъ побужденій. Въ тоже время, будьте всегда на сторожѣ противъ грубыхъ ошибокъ, въ которыя впадаютъ многіе родители, относя безнамѣренныя дѣйствія къ числу проступковъ и приписывая провинившемуся ребенку гораздо худшія побужденія, чѣмъ тѣ, которыя дѣйствительно онъ имѣлъ. Вамъ надо будетъ, болѣе или менѣе, измѣнять методъ своего обращенія, согласно съ наклонностями каждаго вашего ребенка и приготовиться къ дальнѣйшимъ перемѣнамъ, по мѣрѣ перехода дѣтскихъ свойствъ въ новые фазисы. Ваша вѣра въ годность естественнаго метода не разъ подвергнется испытанію въ тѣхъ случаяхъ, когда вамъ понадобится упорно отстаивать его и когда онъ, повидимому, не будетъ приносить дѣтямъ большой пользы. Въ особенности, трудно вамъ будетъ сладить съ дѣтьми дурно выдержанными; тутъ потребуется съ вашей стороны много терпѣнія прежде, чѣмъ вы добьетесь успѣха, даже придерживаясь самыхъ лучшихъ системъ, потому что, если дѣло это нелегко съ дѣтьми, которыя съ ранняго возраста получили хорошее направленіе, то оно вдвое труднѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится исправлять испорченное. Вамъ предстоитъ не только постоянно анализировать побудительные мотивы дѣтскихъ поступковъ, но также анализировать и свои собственныя чувства, свои внутреннія побужденія и отдѣлять тѣ, которыя проистекаютъ изъ чисто родительской заботливости, отъ тѣхъ, которыя основаны на личномъ эгоизмѣ, любви къ покою и наклонности къ властолюбію. Продолжая

испытывать себя, вы увидите, что вамъ необходимо не только сознаться въ своихъ дурныхъ побужденіяхъ но и стараться обуздывать ихъ. Короче сказать, воспитывая своихъ дѣтей, вы должны будете сами проходить курсъ высшаго воспитанія. Въ умственномъ отношеніи на васъ ляжетъ обязанность изучить, съ цѣлью пользы, самый сложный изъ всѣхъ предметовъ—человѣческую природу съ ея законами, проявляющимися въ вашихъ дѣтяхъ, въ васъ самихъ и въ цѣломъ мірѣ; въ нравственномъ же отношеніи вы должны будете постоянно развивать свои благородныя чувства и обуздывать низкія. Давно бы слѣдовало признать за истину, что послѣдняя степень умственнаго развитія мужчины и женщины заключается въ точномъ выполненіи родительскихъ обязанностей. Признавъ эту истину, люди убѣдятся въ томъ, какъ премудро устроила природа, что человѣчество, путемъ сердечныхъ привязанностей, ведетъ себя къ подчиненію дисциплинѣ, весьма тяжелой, но въ высшей степени полезной.

Многіе изъ нашихъ читателей отнесутся съ сомнѣніемъ и недовѣріемъ къ изложенному нами взгляду на воспитаніе; но найдется, конечно, не мало и такихъ, которые признаютъ очевидность истины въ возвышенномъ идеалѣ, нами изображенномъ. Что идеалъ этотъ не можетъ создаться руками людей, не умѣющихъ владѣть собою, сухихъ сердцемъ и близорукихъ, а требуетъ высшихъ способностей человѣческой природы,—это только служитъ новымъ доказательствомъ, что защищаемый нами методъ годенъ лишь для позднѣйшаго періода человѣческаго прогресса. Хотя онъ потребуетъ громадныхъ трудовъ и самопожертвованія, но люди увидятъ, какой богатый запасъ счастья, въ настоящемъ и будущемъ, онъ дастъ въ награду своимъ послѣдователямъ; они убѣдятся въ томъ, что какъ дурная система вдвойнѣ вредна своимъ пагубнымъ вліяніемъ на родителей и на ребенка, такъ хорошая система вдвойнѣ благотворна, дѣлая счастливыми и воспитателей, и тѣхъ, кого они воспитываютъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Физическое воспитаніе.

За обѣдомъ у англійскаго сквайра, по уходѣ изъ столовой дамъ, за общимъ столомъ фермеровъ въ торговый день и, наконецъ, даже въ каждой пивной лавочкѣ—любимой тэмой разговора англичанъ, послѣ политическаго вопроса дня, бываетъ вопросъ объ уходѣ за животными. Возвращаются они домой съ охоты—непремѣнно пустятся въ разсужденія о лошадиныхъ порокахъ, о родословныхъ извѣстныхъ скакуновъ, при чемъ обсуждается то или другое ихъ достоинство; поѣдутъ въ пустоши (moors) съ борзыми—разговоръ завяжется о собакахъ и о способахъ разведенія ихъ. По пути изъ церкви, арендаторы окрестныхъ фермъ каждый разъ переходятъ отъ сужденій о только что слышанной ими проповѣди, къ толкамъ о погодѣ, урожаѣ и скотѣ, затѣмъ, вступаютъ въ диспуты по поводу различныхъ сортовъ корма и питательности его. Сельскіе работники обмѣниваются между собой замѣчаніями о свиныхъ хлѣвахъ тѣхъ фермъ, гдѣ они нанимаются. Впрочемъ, псарни, конюшни, хлѣва и овчарни составляютъ любимый предметъ разговора не одного только сельскаго населенія Англіи. Въ городахъ ремесленники, держащіе собакъ, молодежь, достаточно богатая, чтобы повременамъ предаваться псовой охотѣ, болѣе степенные джентльмэны, усердно толкую-

щіе объ агрономическомъ прогрессѣ и читающіе статьи о немъ въ «Times»,—всѣ они, т. е. большинство городскаго населенія, живо интересуются вопросомъ о разведеніи животныхъ. Мало того, большинство всѣхъ вообще взрослыхъ англичанъ занято или разведеніемъ, или дрессировкой, или уходомъ за различными породами животныхъ.

Но слышалъ ли кто изъ насъ во время обѣда или въ другіе свободные часы, разговоръ о воспитаніи дѣтей? Сквайръ сходитъ, по обыкновенію, утромъ на конюшню, осмотритъ лошадей, провѣритъ уходъ за ними, потомъ завернетъ въ овчарню, на птичный или скотный дворъ, всюду сдѣлаетъ нужныя распоряженія. Но спрашивается, часто ли онъ заходитъ въ дѣтскую, чтобы освѣдомиться, чѣмъ и какъ кормятъ его дѣтей, чѣмъ они заняты, чистымъ ли воздухомъ дышатъ? Полки его библіотеки уставлены всевозможными агрономическими, сельско-хозяйственными и охотничьими сочиненіями; есть даже нѣсколько книгъ о ветеринарномъ искуствѣ; съ содержаніемъ всѣхъ этихъ произведеній онъ, болѣе или менѣе, знакомъ; но прочиталъ ли онъ что-нибудь о томъ, какъ ростить и воспитывать дѣтей? Утучняющія свойства масляныхъ лепешекъ, относительныя достоинства сѣна и рубленой соломы, вредъ отъ чрезмѣрнаго употребленія клевера,—вотъ подробности, съ которыми отчасти знакомы всѣ сквайры, всѣ фермеры и всѣ крестьяне; но встрѣтите ли вы между ними хотя нѣсколько человѣкъ, интересующихся вопросомъ: пригодна или нѣтъ пища, которою они кормятъ своихъ дѣтей, для органическихъ потребностей роста мальчиковъ и дѣвочекъ? Можетъ быть, намъ скажутъ, что причина такой аномаліи кроется въ недостаткѣ времени заниматься дѣтьми людямъ, погруженнымъ въ заботы о хозяйствѣ. Объясненіе это насъ неудовлетворитъ, такъ какъ у англичанъ всѣхъ классовъ и сословій замѣчается тотъ же недостатокъ. Изъ 20-ти человѣкъ горожанъ, едва ли найдется хоть одинъ, незнакомый съ фактомъ, что не слѣдуетъ употреблять въ работу лошадь, только что поѣвшую; а между тѣмъ, изъ числа этихъ самыхъ двадцати человѣкъ (предположимъ что всѣ они отцы семействъ), также

врядъ ли найдется хоть одинъ, который бы слѣдилъ за тѣмъ, достаточно ли времени прошло между обѣдомъ дѣтей и возобновленіемъ ихъ уроковъ. Допросивъ каждаго изъ этихъ господъ, мы бы замѣтили общее, хотя не высказываемое убѣжденіе, что жизнь въ дѣтской совсѣмъ до нихъ не касается. «О, я предоставилъ все это женщинамъ»!—отвѣчали бы вамъ эти отцы-англичане. Въ большинствѣ случаевъ, въ самомъ тонѣ отвѣта выразилось бы искреннее убѣжденіе, что подобнаго рода заботы не совмѣстимы съ достоинствомъ мужчины.

Смотря на этотъ фактъ съ настоящей точки зрѣнія, а не съ общепринятой, нельзя не подивиться, что образованные люди, охотно посвящающіе столько времени и хлопотъ такому занятію, какъ, напримѣръ, разведеніе образцовыхъ быковъ, считаютъ воспитаніе нѣжныхъ человѣческихъ существъ дѣломъ, недостойнымъ ихъ вниманія. Маменьки же, которымъ преподавались только иностранные языки, музыка и изящныя искуства, считаются, ни съ того, ни съ сего, способными рѣшать вопросы о пищѣ, одеждѣ и занятіяхъ дѣтей, да притомъ, когда у нихъ помощницами однѣ только зараженныя всевозможными предразсудками няньки. Да папенькамъ и некогда; они погружены въ чтеніе ученыхъ книгъ и періодическихъ изданій, посѣщаютъ земледѣльческіе митинги, дѣлаютъ различные опыты, ведутъ оживленные диспуты, имѣя одну цѣль — добиться лучшаго способа откармливанія призовыхъ свиней! Англичанинъ-отецъ, который весь предался заботамъ о правильномъ воспитаніи скаковой лошади, разсчитывая, что она выиграетъ призъ на скачкахъ,—и палецъ о палецъ не ударитъ, чтобы выростить изъ своего сына атлета. Если бы Гулливеръ разсказалъ о лапутанахъ, какъ они бьются изо всѣхъ силъ, соперничая другъ съ другомъ въ искуствѣ воспитать потомковъ другой совсѣмъ породы людей, чѣмъ они, и нисколько не заботятся о воспитаніи своихъ собственныхъ дѣтей, онъ довершилъ бы серію нелѣпостей, творимыхъ лапутанами.

Дѣло, однако, не шуточное. Какъ ни смѣшно сравнивать быковъ съ дѣтьми, тѣмъ не менѣе, фактъ, объясняемый этимъ

сравненіемъ, весьма прискорбенъ. Одинъ изъ достойныхъ уваженія писателей говоритъ, что главное условіе успѣха въ жизни состоитъ въ томъ, чтобъ быть «здоровымъ животнымъ», и что быть націей здоровыхъ животныхъ есть первое условіе національнаго благосостоянія. Мы сами видимъ, что не только исходъ войны часто зависатъ отъ тѣлесной силы и мужества солдатъ, но даже борьба въ торговлѣ, въ большинствѣ случаевъ, рѣшается физической выносливостью производителей. До сихъ поръ Англія не имѣла причинъ бояться состязанія съ другими націями на томъ и другомъ поприщѣ; но въ послѣднее время, начали проявляться явные признаки, свидѣтельствующіе, что нашимъ силамъ предстоятъ трудныя испытанія. Конкурренція въ торговлѣ приняла такіе громадные размѣры, что рѣдкое государство выдержитъ этотъ напоръ безъ ущерба для себя. Уже теперь тысячи людей изнемогаютъ подъ тяжкимъ давленіемъ, которому ихъ подвергаютъ; если такое положеніе продлится и гнетъ будетъ цостоянно увеличиваться, въ чемъ, кажется, нельзя сомнѣваться, то на самыхъ солидныхъ государствахъ, и на тѣхъ неминуемо отзовется этотъ страшный кризисъ. Вотъ почему оказывается въ высшей степени необходимымъ воспитывать нашихъ дѣтей такъ, чтобы не только умственно подготовить ихъ къ предстоящей имъ борьбѣ, но и физически сдѣлать ихъ способными къ перенесенію всевозможныхъ невзгодъ.

По счастью, вопросъ этотъ начинаетъ обращать на себя вниманіе общества. Сочиненія Кингслея указываютъ на реакцію противъ системы чрезмѣрнаго умственнаго развитія дѣтей, и какъ всякая реакція, быть можетъ, заходятъ слишкомъ далеко. Но разныя корреспонденціи и передовыя статьи въ газетахъ точно также свидѣтельствуютъ о пробудившемся интересѣ къ физическому воспитанію. Учрежденіе школы, носящей знаменательное прозвище «*Muscular Christianity*», гдѣ молодые люди, готовящіеся занять мѣста священниковъ, обучаются гимнастикѣ, ѣздѣ верхомъ и плаванію, подтверждаетъ все болѣе и болѣе развивающееся мнѣніе, что теперешніе наши методы воспитанія недостаточно занимаются во-

просомъ о физическомъ благосостояніи дѣтей. Вопросъ этотъ, очевидно, созрѣлъ настолько, что можно приступить къ обсужденію его.

Желанная цѣль. Согласовать домашнее воспитаніе дѣтей и воспитаніе, получаемое ими въ школахъ, съ установившимися истинами науки,—такова должна быть желанная цѣль родителей и наставниковъ. Пора гигіенѣ нашихъ дѣтей сдѣлаться предметомъ тщательныхъ изслѣдованій, на ряду съ гигіеной быковъ и овецъ. Не отвергая важности вопроса о хорошемъ уходѣ за лошадьми и искусномъ откармливаньи свиней, мы все-таки считаемъ своимъ долгомъ напомнить, что воспитаніе здоровыхъ мужчинъ и женщинъ имѣетъ также большое значеніе и что дѣйствія наши, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи, должны строго согласоваться съ выводами теоріи и подтвержденіями практики. Вѣроятно, многихъ удивитъ, а можетъ, и оскорбитъ подобное сопоставленіе. Но мы должны примириться съ неоспоримостью факта, что человѣкъ подчиняется точно тѣмъ же органическимъ законамъ, какъ и низшія существа. Ни одинъ анатомъ, ни физіологъ, ни химикъ на минуту не задумаются подтвердить, что общіе принципы жизненныхъ процессовъ совершенно одинаковы какъ для животныхъ, такъ и для человѣка. Чистосердечное признаніе этого факта не останется безъ вознагражденія; оно заключается въ томъ, что обобщенія, установленныя при помощи наблюденій и опытовъ надъ животными, оказываются весьма полезными для руководства людей. Несмотря на то, что наука жизни находится еще въ зачаточномъ состояніи, въ ней уже выработались извѣстные основные принципы, обусловливающіе развитіе всѣхъ организмовъ, въ томъ числѣ и человѣческаго. Мы постараемся, насколько возможно понятливо, выяснить отношенія этихъ основныхъ принциповъ къ физическому воспитанію дѣтей и юношей.

Аппетитъ — вѣрный руководитель. Во всѣхъ отдѣлахъ соціальной жизни можно прослѣдить постоянное стремленіе къ извѣстнаго рода ритму, т. е. къ правильному, но рѣзкому измѣненію общественнаго строя; такъ, напр., за чрезмѣр-

нымъ деспотизмомъ слѣдуетъ революція, за эпохою реформъ эпоха строгаго консерватизма; за вѣкомъ разврата — вѣкъ аскетизма, и наоборотъ; въ торговлѣ, послѣ самыхъ рискованныхъ предпріятій, является паника; ханжи бросаются отъ одной крайности къ другой. Точно такое же ритмическое стремленіе замѣчаемъ мы и въ нашихъ діэтическихъ системахъ, особенно, относительной дѣтей. Послѣ періода безмѣрнаго объяденія и страшнаго пьянства, наступилъ періодъ сравнительнаго воздержанія; общества трезвости и вегетаріанизма (члены этого общества употребляютъ одну только растительную пищу) суть крайнія формы протеста противъ распущенности прошлыхъ вѣковъ. Вмѣстѣ съ этой перемѣной въ діэтѣ взрослыхъ, измѣнилась совершенно параллельно и діэта мальчиковъ и дѣвочекъ. Въ старину, люди думали, что чѣмъ болѣе ребенокъ будетъ ѣсть, тѣмъ лучше; даже и теперь, между фермерами отдаленныхъ провинцій Англіи, гдѣ древнія традиціи еще вполнѣ сохранились, найдется много родителей, которые хлопочатъ о томъ, чтобы дѣти ихъ наѣдались какъ можно больше. Но въ средѣ образованныхъ классовъ, гдѣ давно уже замѣтна реакція въ пользу воздержанія, обнаруживается рѣшительная наклонность скорѣе недокармливать, чѣмъ перекармливать дѣтей. Правда, это отвращеніе къ прожорливости предковъ выказывается у родителей чаще въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло коснется дѣтей, а не ихъ самихъ. Выбирая пищу для себя, они соображаются съ своимъ аппетитомъ и вкусами, и если придерживаются строгихъ правилъ умѣренности, то только тогда, когда имъ надо предписывать правила діэтетики своимъ дѣтямъ.

Несомнѣнно справедливо то, что какъ чрезмѣрное, такъ и недостаточное употребленіе пищи вредны; но изъ двухъ этихъ золъ — послѣднее хуже. Вотъ что пишетъ одинъ изъ авторитетовъ медицины: «Послѣдствія случайнаго переполненія желудка гораздо менѣе вредны и легче поправимы, чѣмъ послѣдствія истощенія *). Притомъ, если человѣкъ не объѣлся

*) Cyclopoedia of Practical Medicine.

безразсудно, то чрезмѣрное переполненіе желудка есть явленіе рѣдкое». «Излишество скорѣе порокъ взрослыхъ, чѣмъ дѣтей, которые если и бываютъ жадны и лакомы, то, бо́льшей частью, по винѣ своихъ воспитателей». Система ограниченій, считаемая необходимой многими родителями, основана на недостаточномъ наблюденіи и ошибочномъ разсужденіи. Въ дѣтской, какъ и въ государствѣ, оказывается иногда много излишнихъ законовъ; самый вредный изъ нихъ—это чрезмѣрное ограниченіе количества пищи.

«Такъ неужели можно допускать дѣтей объѣдаться? Неужели имъ надо позволять ѣсть до отвалу всевозможныя сласти, чтобы за тѣмъ, занемочь, что̀ неизбѣжно?» Вопросы, поставленные такимъ образомъ, допускаютъ одно только возраженіе, которое вмѣстѣ и послужитъ точкой исхода для отвѣта. Мы утверждаемъ, что такъ какъ аппетитъ есть хорошій руководитель для всѣхъ существъ—для грудныхъ младенцевъ, для стариковъ, для взрослыхъ мужчинъ, для женщинъ, для дѣвушекъ, для юношей, словомъ, для всѣхъ, у кого здоровый желудокъ, то отчего не допустить, что онъ такой же хорошій руководитель и для дѣтей вообще? Странно было бы, если бы они представляли единственное исключеніе.

Можетъ быть, нѣкоторые прочитавъ наше возраженіе съ досадой, на томъ основаніи, что имъ покажется возможнымъ привести факты, совершенно противорѣчащіе ему. Безразсудно было бы отрицать свидѣтельство подобныхъ фактовъ, а между тѣмъ, приведенный нами парадоксъ, нисколько не трудно отстоять. Дѣло въ томъ, что примѣры воздержанія, на которые намъ укажутъ наши критики, обыкновенно бываютъ *послѣдствіями* системы ограниченій, столь ими защищаемой. Это, просто, чувственная реакція, вызванная продолжительной, строгой діэтой. Такого рода примѣры, въ маломъ размѣрѣ, объясняютъ общеизвѣстную истину, что люди, воспитанные въ молодости въ строгихъ правилахъ дисциплины воздержанія, впослѣдствіи впадаютъ въ самыя страшныя излишества. Во всемъ этомъ есть большая аналогія съ тѣми ужасными явленіями,

въ былыя времена весьма обыкновенными въ женскихъ монастыряхъ, гдѣ монахини внезапно измѣняли строгой, постнической жизни и впадали въ гнусный развратъ. Это ничто иное, какъ проявленіе неукротимой силы долго сдерживаемыхъ страстей.

Разсмотримъ теперь обыкновенныя склонности дѣтей и принятую систему обращенія съ ними. Дѣти вообще страстныя лакомки. Изъ ста человѣкъ, девяносто девять непремѣнно будутъ утверждать, что эта страсть есть ничто иное, какъ удовлетвореніе вкуса и что подобно всѣмъ чувственнымъ побужденіямъ, и эту страсть слѣдуетъ непремѣнно обуздывать. Физіологъ, напротивъ, всегда добивающійся узнать коренную причину каждаго дѣйствія человѣка, въ этой дѣтской слабости къ сладкому подозрѣваетъ нѣчто болѣе серьезное, и изслѣдованія его подтверждаютъ такое предположеніе. Оказывается, что сахаръ играетъ важную роль въ жизненныхъ процессахъ. Сахаристыя и жирныя вещества одинаково окисляются въ желудкѣ и производятъ усиленную теплоту въ тѣлѣ. Различныя вещества, попадающія въ нашъ желудокъ, должны прежде обратиться въ сахаръ, чтобы потомъ служить матерьяломъ для развитія теплоты. И это образованіе сахара продолжается въ самомъ тѣлѣ.

Не только крахмалъ превращается, во время процесса пищеваренія, въ сахаръ, но, по свидѣтельству знаменитаго физіолога и химика Клода Бернара, и печень есть своего рода лабораторія, гдѣ другія составныя части нашей пищи превращаются также въ сахаръ; потребность въ сахарѣ до того въ насъ велика, что желудокъ выработываетъ его даже изъ азотистыхъ веществъ, за недостаткомъ другихъ. Чтожъ касается того явленія, что дѣти обнаруживаютъ особенную любовь къ сахару, этой драгоцѣнной согрѣвающей пищѣ, то у насъ есть основательная причина предполагать, что сама природа этого требуетъ, потому что дѣти, обыкновенно, чувствуютъ отвращеніе къ жиру — пищѣ, которая доставляетъ наибольшее количество тепла во время окисленія; очень немудрено, что излишество сахаристыхъ веществъ пополняетъ

у нихъ недостатокъ жирныхъ. Самый организмъ ихъ требуетъ больше сахара, взамѣнъ жирныхъ веществъ, съ которыми ихъ желудку не подъ силу справиться.

За тѣмъ, дѣти страстные охотники до растительныхъ кислотъ. Плоды всѣхъ возможныхъ сортовъ для нихъ лучшее лакомство, а если хорошихъ плодовъ имъ не даютъ, то они съ такимъ же аппетитомъ уничтожаютъ зеленый крыжовникъ и дикія яблоки. Растительныя кислоты, надо замѣтить, въ соединеніи съ минеральными, служатъ прекраснымъ укрѣпляющимъ средствомъ и благодѣтельно вліяютъ на организмъ, если ихъ употреблять въ умѣренномъ количествѣ; кромѣ того, онѣ очень полезны въ своемъ натуральномъ видѣ, безъ другихъ примѣсей. «Зрѣлые плоды, пишетъ докторъ Андру Комбъ, — употребляются въ большемъ количествѣ на континентѣ, чѣмъ въ Англіи; они чрезвычайно полезны, преимущественно въ случаяхъ катарральнаго состоянія кишекъ». Посудите теперь, каково разногласіе между инстинктивными потребностями дѣтей и принятой системой удовлетворенія ихъ. У дѣтей обнаруживаются двѣ преобладающія склонности: къ сахару и къ плодамъ; по всей вѣроятности, ихъ организмъ нуждается въ такой пищѣ; старшіе же распорядители въ дѣтской не только не хотятъ вникнуть въ причину такихъ побужденій, но, напротивъ, общими силами стараются запретить удовлетворять ихъ. Дѣтей въ Англіи кормятъ утромъ — хлѣбомъ съ молокомъ, вечеромъ — чаемъ и тартинками съ масломъ, или даютъ имъ что-нибудь подобное, анти-діэтическое, и строго придерживаются этой системы; малѣйшее баловство вкуса считается ненужнымъ и даже вреднымъ. Какія же бываютъ отъ этого послѣдствія? Когда въ праздничные дни, дѣтямъ позволятъ обѣдать съ большими, когда имъ дадутъ карманныя деньги и разрѣшатъ побывать въ кондитерской, или, наконецъ, когда, по какому-нибудь особенному случаю, для нихъ растворятся двери фруктоваго сада, — долго сдерживаемое и потому сильное желаніе удовлетворить свой аппетитъ, переходитъ границы и дѣти объѣдаются взапуски. Для нихъ начинается импровизованная масляница; они спѣ-

шать наѣсться, частью съ радости, что наложенное запрещеніе на ихъ любимую пищу снято, частью отъ мысли, что съ завтрашняго дня опять начнется великій постъ. А когда вредныя послѣдствія обремененія желудка обнаружатся, старшіе единодушно утверждаютъ, что дѣтей нельзя предоставлять руководству ихъ аппетита! Грустные результаты прошедшаго ограниченія приводятся въ примѣръ, какъ доказательство необходимости дальнѣйшихъ запрещеній. Мы положительно говоримъ, что всякое разсужденіе, оправдывающее такого рода систему вмѣшательства, нелѣпо; мы утверждаемъ, что если бы дѣтямъ ежедневно позволяли ѣсть болѣе вкусную пищу, требуемую ихъ организмомъ, они рѣдко бы объѣдались, подобно большинству дѣтей, при первомъ удобномъ случаѣ. Докторъ Комбъ пишетъ: «Если бы плоды входили въ составъ обыкновенно даваемой дѣтямъ пищи (онъ совѣтуетъ давать ихъ не между завтракомъ и обѣдомъ, а въ одно время съ ними), въ дѣтяхъ не развивалась бы жадность и они не пожирали бы въ огромномъ количествѣ дикія яблоки и сливы. Тоже самое видимъ мы и въ другихъ случаяхъ.

Результаты излишняго воздержанія. Апріористическія причины довѣрять влеченіямъ аппетита дѣтей не только основательны и неоспоримы, но даже другаго руководства родителямъ и искать не нужно. Развѣ можетъ имѣть вѣсъ сужденіе отца или матери, когда они сами безпрестанно его мѣняютъ! Мальчикъ поѣлъ чего-нибудь и проситъ еще. Мать или гувернантка отвѣчаетъ: «Не надо»! На какомъ основаніи онѣ ему отказываютъ? Думаютъ, вѣрно, что онъ получилъ достаточную порцію? Но почему онѣ это думаютъ? Развѣ у нихъ есть тайныя сношенія съ желудкомъ ребенка? Ясновидящія, что ли, онѣ, чтобы умѣть опредѣлять нужды его организма? Если нѣтъ, то какъ же онѣ могутъ такъ рѣшительно произносить свой приговоръ? Развѣ онѣ не знаютъ, что спросъ организма на пищу опредѣляется множествомъ самыхъ сложныхъ причинъ? Онъ измѣняется вмѣстѣ съ перемѣнами температуры, съ гигрометрическимъ и электрическимъ состояніемъ воздуха, измѣняется вслѣдствіе того, много

или мало ребенокъ дѣлалъ передъ тѣмъ движенія, много или мало и что именно онъ передъ тѣмъ ѣлъ, наконецъ, быстро или медленно переварилась только что принятая имъ пища. Въ состояніи ли онѣ взвѣсить результаты такой совокупности причинъ? Вотъ что намъ говорилъ отецъ пятилѣтняго мальчика, переросшаго своихъ сверстниковъ на цѣлую голову и при этомъ сильнаго, румянаго, подвижнаго: «У меня нѣтъ искуственной мѣрки для опредѣленія количества потребной ему пищи. Если бы я ему сказалъ: «довольно», то сдѣлалъ бы это чисто по догадкѣ, а догадка можетъ быть одинаково и ошибочна, и вѣрна. Поэтому, не довѣряя догадкамъ, я позволяю ему ѣсть, сколько онъ хочетъ». Конечно, каждый, кто сталъ бы судить о системѣ дѣйствій этого отца по результатамъ, былъ бы вынужденъ признать его благоразуміе. По настоящему, самонадѣянность, съ которой большинство родителей предписываютъ законы желудкамъ своихъ дѣтей, доказываетъ только ихъ незнакомство съ физіологіей; если бы они имѣли больше свѣдѣній, они, по всей вѣроятности, были бы скромнѣе. «Гордость науки смиренна, сравнительно съ гордостью невѣжества». Если кто-нибудь пожелаетъ убѣдиться, какъ мало можно вѣрить человѣческому сужденію и какъ много существующему порядку вещей, то пусть онъ сравнитъ опрометчивость неопытнаго врача съ осмотрительностью ученаго врача; пусть онъ со вниманіемъ прочитаетъ сочиненіе сэръ Джона Форбса: «О природѣ и искуствѣ лѣченія болѣзней»; тогда онъ увидитъ, что по мѣрѣ того, какъ люди пріобрѣтаютъ болѣе познаній въ законахъ жизни, они гораздо менѣе начинаютъ довѣрять самимъ себѣ и гораздо болѣе природѣ.

Переходя отъ вопроса о *количествѣ* пищи къ вопросу о *качествѣ* ея, мы замѣтимъ точно тоже стремленіе къ излишнему воздержанію. Дѣтей, сравнительно, не только мало кормятъ, но даютъ имъ даже скудную пищу, считая это для нихъ полезнымъ. Составилось общепринятое понятіе, будто дѣтямъ не слѣдуетъ давать слишкомъ много мяса. Надо полагать, что такое мнѣніе зародилось среди недостаточныхъ

классовъ, на основаніи экономическихъ разсчетовъ, изъ желанія сберечь лишній пенни. Родители, неимѣющіе достаточно денегъ, обыкновенно, отвѣчаютъ дѣтямъ на просьбу покормить ихъ мясомъ, такъ: «Мясо нездорово для маленькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ». Этотъ отвѣтъ, придуманный, конечно, какъ подходящее извиненіе, вслѣдствіе частыхъ повтореній, возросъ до значенія догмата. Высшіе же классы, для которыхъ излишнія издержки ничего не значатъ, поддались, частью примѣру большинства, частью вліянію нянекъ, взятыхъ изъ простаго сословія, а въ нѣкоторой степени, и желанію произвести реакцію въ животной жизни дѣтей.

Прочнаго основанія для подобнаго рода мнѣнія мы, конечно, не найдемъ, какъ бы его ни искали. Догматъ этотъ затвердили и приняли его на слово точно такъ, какъ существующій тысячи лѣтъ обычай пеленать ребенка свивальниками. Очень вѣроятно, что желудокъ ребенка не обладаетъ еще достаточной мускульной силой, чтобы растереть какъ слѣдуетъ мясо прежде, чѣмъ оно превратиться въ питательный растворъ, а потому оно не можетъ быть пригодной для него пищей. Но это возраженіе не подходитъ къ той мясной пищѣ, изъ которой отдѣлены волокнистыя части; точно также нельзя примѣнить этого правила къ дѣтямъ двухъ, трехъ лѣтъ, когда желудокъ пріобрѣтаетъ уже значительную мускульную силу. Такъ какъ очевидно, что мясо несовсѣмъ пригодно очень маленькимъ дѣтямъ, а полезно и даже необходимо дѣтямъ болѣе старшаго возраста, а между тѣмъ, ни послѣднимъ, ни первымъ въ Англіи его почти совсѣмъ не даютъ, то доказательство, выше нами изложенное, пріобрѣтаетъ еще болѣе силы и вѣса.

Діэта должна быть питательна. Приговоръ науки въ этомъ случаѣ, радикально противоположенъ установившемуся народному мнѣнію. Мы обращались съ вопросомъ на счетъ дѣтской діэты къ двумъ изъ нашихъ лучшихъ докторовъ и ко многимъ изъ знаменитѣйшихъ физіологовъ, и всѣ они единодушно утверждали одно и тоже, именно, что діэта дѣтей

должна быть не *менѣе*, а скорѣе *болѣе* питательна, чѣмъ діэта взрослыхъ.

Основанія для такого вывода вполнѣ очевидны, а дѣло, само по себѣ, очень просто. Стоитъ только сравнить жизненные процессы взрослаго мужчины и мальчика, чтобы убѣдиться, что требованія пищи, относительно, гораздо сильнѣе у послѣдняго, чѣмъ у перваго. Для какихъ цѣлей взрослому необходима пища? Тѣло его ежедневно утрачиваетъ большое количество теплоты, чрезъ мочеиспусканіе и вслѣдствіе мускульныхъ упражненій; а такъ какъ для продолженія жизненнаго процесса равновѣсіе температуры тѣла должно постоянно сохраняться, то потерю эту нужно безпрерывно вознаграждать веществами, дающими теплоту, что́ достигается окисленіемъ извѣстныхъ составныхъ частей воспринимаемой человѣкомъ пищи. Слѣдовательно, пища необходима взрослому единственно для возстановленія ежедневныхъ утратъ теплоты и для снабженія тѣла необходимымъ топливомъ. Чего же требуетъ мальчикъ? Онъ точно также утрачиваетъ матеріалы своего тѣла чрезъ движеніе, и достаточно обратить вниманіе на его неутомимую дѣятельность, чтобы видѣть, что соотвѣтственно своему росту, онъ расходуетъ почти столько же силъ, сколько и взрослый мужчина. Онъ также теряетъ теплоту чрезъ лучеиспусканіе, а такъ какъ его тѣло, пропорціонально своей массѣ, представляетъ бо́льшую поверхность, чѣмъ тѣло взрослаго мужчины и, слѣдовательно, быстрѣе охлаждается, то понятно, что ему необходимо бо́льшее количество согрѣвающей пищи, чѣмъ взрослому, и потому, если бы въ мальчикѣ происходили даже точно такіе же жизненные процессы, какъ и въ большомъ человѣкѣ, то относительно роста, онъ все-таки требовалъ бы нѣсколько бо́льшаго количества питанія, чѣмъ взрослый. Дѣло въ томъ, что кромѣ возстановленія равновѣсія тѣла и поддержанія въ немъ извѣстнаго градуса теплоты, мальчику приходится вырабатывать въ себѣ новыя ткани, т. е. рости. Пополнивъ утраты силъ и тепла, остающійся излишекъ пищи идетъ у него на дальнѣйшее строеніе тѣла, и нормальный ростъ ребенка

возможенъ только при существованіи такого излишка. Ростъ, превышающій нормальную мѣрку, быстро истощаетъ организмъ, вслѣдствіе недостаточнаго возстановленія силъ. Правда, что на основаніи одного механическаго закона, объяснять который здѣсь не мѣсто, люди небольшаго роста имѣютъ преимущество надъ людьми высокаго роста въ дѣлѣ отношенія между поддерживающей и разрушительной силами, каковымъ преимуществомъ отчасти обусловливается и самый ростъ человѣка. Допустивъ это, станетъ очевидно, что если мы будемъ недостаточно кормить дѣтей и если отъ этого излишки жизненной силы ихъ не вполнѣ утратятся, то все-таки, мы ослабимъ ихъ организмъ, уменьшимъ ихъ ростъ, помѣшаемъ тѣлу достичь необходимаго совершенства развитія. Насколько велика потребность развивающагося организма въ питательныхъ веществахъ, доказывается «непомѣрнымъ голодомъ школьниковъ» — впослѣдствіи рѣдко проявляющимся въ такой же степени — и тѣмъ, что аппетитъ дѣтей быстро возвращается. Если бы потребовалось еще доказательствъ, какъ необходимо для дѣтей питаніе, то напомнимъ читателямъ тотъ фактъ, что во время голода, послѣ кораблекрушенія или другихъ бѣдствій, дѣти всегда умираютъ первые.

Послѣ того, какъ мы признали необходимость давать дѣтямъ болѣе питательную пищу, на томъ основаніи, что они чувствуютъ въ ней болѣе потребности, нежели взрослые, займемся вопросомъ, чѣмъ лучше питать дѣтей: чрезмѣрнымъ ли количествомъ растительной пищи или умѣреннымъ количествомъ пищи концентрированной? Относительно питательности, количество мяса извѣстнаго вѣса можетъ быть замѣнено не иначе, какъ бо́льшимъ по вѣсу количествомъ хлѣба, еще бо́льшимъ количествомъ картофеля и т. д.; значитъ, чтобы удовлетворить потребность ребенка, надо увеличивать количество пищи помѣрѣ уменьшенія питательности ея. Спрашивается теперь, слѣдуетъ ли сообразоваться съ потребностями ребенка, который растетъ, и давать ему соразмѣрное количество пищи такой же хорошей, какъ и взрослому человѣку? Или, не обращая вниманія на то обстоятельство, что желудокъ ребенка можетъ легко переварить, относительно, даже бо́льшее количество этой хорошей пищи, слѣдуетъ ли обременять его худшей въ увеличенномъ размѣрѣ?

Отвѣтъ очевиденъ. Чѣмъ менѣе мы даемъ работы желудку, тѣмъ болѣе сберегаемъ энергіи для роста и движеній тѣла. Желудокъ и кишки не могутъ выполнять своихъ функцій безъ помощи большаго запаса крови и нервной силы; извѣстной степени утомленіе, испытываемое послѣ черезъ-чуръ сытнаго обѣда, ясно доказываетъ, что этотъ запасъ крови и энергіи исчерпывается въ ущербъ всего организма. Если требуемое питаніе получается отъ значительнаго количества непитательной пищи, кишкамъ достается гораздо болѣе работы, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ принимаетъ на себя меньшее количество питательной пищи. Излишняя работа желудку чрезвычайно вредна; вредъ этотъ обнаруживается у дѣтей въ уменьшеніи энергіи или въ остановкѣ роста, а иногда въ томъ и другомъ вмѣстѣ. Выводъ изъ всего сказаннаго слѣдующій: кормить дѣтей нужно, повозможности, питательной и удобоваримой пищей.

Нѣтъ сомнѣнія, что дѣтей можно выростить, давая имъ исключительно растительную пищу. Въ средѣ высшаго сословія въ Англіи очень часто встрѣчаются дѣти, которымъ даютъ, сравнительно, мало мяса и которые, тѣмъ не менѣе, растутъ и, повидимому, здоровы. Въ тоже время, дѣти рабочаго класса почти въ глаза не видятъ мясной пищи, а всетаки достигаютъ здоровой зрѣлости; но эти противорѣчащіе факты отнюдь не имѣютъ того вѣса и значенія, которые имъ придаютъ. Во-первыхъ, никакъ нельзя сказать, чтобы дѣти, питавшіяся хлѣбомъ и картофелемъ и всегда отличавшіяся здоровьемъ, достигали непремѣнно крѣпкаго тѣлеснаго развитія. Сравненіе земледѣльческаго и средняго класса въ Англіи, съ среднимъ и низшимъ классами Франціи, окажется отнюдь не въ пользу тѣхъ, кто питается преимущественно растительной пищей. Во-вторыхъ, тутъ рѣчь идетъ не объ *объемѣ* только тѣла ребенка, но и о *свойствахъ* этого тѣла. На первый взглядъ, мягкое, дряблое тѣло почти также красиво, какъ и плотное,

здоровое; но присмотрѣвшись внимательнѣе къ двумъ такимъ экземплярамъ дѣтей, сейчасъ увидишь разницу между ними; если бы даже неопытному наблюдателю и показалось, что толстый, вялаго сложенія ребенокъ ни въ чемъ не уступаетъ своему коренастому, болѣе крѣпкому тѣломъ сверстнику, то стоитъ только заставить этихъ дѣтей побороться, чтобы увидѣть, кто изъ нихъ сильнѣе. Толщина, даже у взрослыхъ, часто бываетъ признакомъ слабости; не даромъ многіе лѣчатся отъ нея и радуются, когда тѣло ихъ теряетъ вѣсъ. Слѣдовательно, худоба дѣтей, которыхъ мало кормятъ, не есть еще доказательство болѣзненнаго состоянія. Втретьихъ, кромѣ *объема* тѣла, *свойствъ* тѣла, надо еще обратить вниманіе на *энергію* дѣтей. Въ этомъ отношеніи, между дѣтьми тѣхъ сословій, которыя питаются мясомъ, и тѣхъ, которыя сидятъ на хлѣбѣ да на картофелѣ, существуетъ поразительная разница. Какъ по живости ума, такъ и по физической силѣ и проворству, сынъ англійскаго крестьянина несравненно ниже сына джентльмэна.

Если мы начнемъ сравнивать между собой разныхъ породъ животныхъ, разныхъ племенъ людей, или одинаковыхъ породъ животныхъ и одинаковыхъ племенъ людей, только питающихся различной пищей, то мы еще сильнѣе убѣдимся въ истинѣ, *что степень энергіи существенно зависитъ отъ степени питательности пищи.*

Корова, питающаяся такимъ непитательнымъ кормомъ, какъ трава, служитъ лучшимъ обращикомъ, какого огромнаго объёма надо имѣть желудокъ, чтобы переварить потребное ему громадное количество пищи; небольшія, сравнительно съ туловищемъ, ноги обременены его тяжестью; а такъ какъ для ношенія этого бремени и перевариванія чрезмѣрнаго количества корма, требуется большая трата силъ, вслѣдствіе чего, излишекъ ихъ бываетъ самый ничтожный, то и оказывается, что корова животное очень лѣнивое. Сравните теперь корову съ лошадью — животнымъ весьма близкимъ съ нею по строенію, но привыкшимъ къ болѣе умѣренной и питательной пищѣ. Все туловище ея и, въ особенности, брюхо гораздо болѣе пропорціональны съ размѣрами ногъ; она не утрачиваетъ столько

силъ, какъ корова, на поддержку своихъ массивныхъ внутренностей и не обременяетъ своихъ пищеварительныхъ органовъ огромнымъ количествомъ пищи; вслѣдствіе всего этого, она сильнѣе, проворнѣе и живѣе коровы. Если затѣмъ, мы проведемъ параллель между неподвижностью глупаго травояднаго барана и живостью собаки, питающейся мясомъ, мучнистыми веществами или смѣсью тѣхъ и другихъ, то встрѣтимъ еще болѣе рѣзкую разницу. Пройдемтесь по зоологическому саду; тамъ мы увидимъ, что всѣ плотоядныя животныя, впродолженіи цѣлаго почти дня, съ рѣдкими промежутками, тревожно ходятъ взадъ и впередъ въ своихъ клѣткахъ; тогда какъ травоядныя, большей частью, лежатъ. Не ясно ли и это доказываетъ связь между питательностью пищи и степенью дѣятельности животнаго?

Что такая разница не происходитъ непосредственно отъ органическаго строенія животныхъ, какъ многіе предполагаютъ, а есть прямой результатъ различія пищи, потребляемой животными, очевидно изъ того факта, что различныя породы одного и того же вида почти всегда обладаютъ не одинаковой степенью живости и силы, потому что питаются не одинаковой пищей. Разнообразныя породы лошадей лучше всего могутъ подтвердить наши слова. Сравните толстобрюхую, неповоротливую, кроткую ломовую лошадь съ тончавой, горячей скаковой или охотничьей, и вспомните при этомъ, какъ мало питателенъ кормъ первой, сравнительно съ послѣдней. Возьмемъ также примѣръ изъ племенъ человѣческихъ. Австралійцы, бушмэны и другіе дикіе низшихъ породъ, питающіеся кореньями, ягодами, личинками насѣкомыхъ и тому подобной скудной пищей, сравнительно, малорослы, имѣютъ большіе животы, слабые, неразвитые мускулы и совершенно неспособны соперничать съ европейцами ни въ физической силѣ, ни въ продолжительной дѣятельности. Переберите, затѣмъ, рослыя, сильныя, дѣятельныя дикія племена: кафровъ, сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, патагонцевъ, и вы увидите, что всѣ они очень много ѣдятъ мяса. Дурно питающійся индусъ смиряется передъ англичаниномъ, выросшимъ на пи-

тательной пищѣ и превосходящимъ его какъ умственной, такъ и физической силой. Вообще, по нашему мнѣнію, вся исторія міра доказываетъ, что хорошо питавшіеся народы всегда были самыми энергическими и преобладающими.

Доказательство, еще болѣе убѣдительное, представляетъ намъ тотъ фактъ, что одно и тоже животное можетъ, сообразно съ питательностію отпускаемаго ему корма, работать больше или меньше. Это всего чаще замѣчается на лошади. Она можетъ быть довольно тучной, питаясь одною травой; но за то силы у нея окажется меньше, что тотчасъ же и обнаружится, если ее употребятъ на тяжелую работу. Поставьте лошадь на траву—у нея немедленно появится ослабленіе мускульной системы. Трава отличное средство для откармливанія телятъ на продажу, но очень вредное для охотничьей лошади. Издавна уже извѣстно, что послѣ лѣта, проведеннаго на подножномъ корму, охотничья лошадь должна простоять нѣсколько мѣсяцевъ въ стойлѣ на овсѣ или ячменѣ, чтобы сдѣлаться годной для охоты съ собаками, и все-таки она придетъ въ такое состояніе, какое желательно, не ранѣе, какъ въ началѣ слѣдующей весны. М-ръ Эпперлэ утверждаетъ, что новѣйшими опытами дознано, что охотничью лошадь не слѣдуетъ выпускать на траву, и, за исключеніемъ особыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, вообще не слѣдуетъ выгонять ее въ поле. Другими словами, никогда не слѣдуетъ кормить лошадь непитательнымъ кормомъ, потому что наибольшая сила и крѣпость пріобрѣтаются не иначе, какъ постояннымъ потребленіемъ здоровой, питательной пищи. Это такъ справедливо, что, по мнѣнію м-ра Эпперлэ, подтвержденному опытомъ, продолжительнымъ хорошимъ питаніемъ можно сдѣлать посредственную лошадь совершенно равной, по выносливости и силѣ, первоклассной лошади, питающейся обыкновеннымъ образомъ. Къ этимъ доводамъ прибавимъ всѣмъ почти извѣстный фактъ, что когда отъ лошади требуется удвоенный трудъ; ей, обыкновенно, даютъ бобы — пищу, заключающую въ себѣ гораздо большее количество азотистыхъ и мускулообразовательныхъ веществъ, нежели овесъ.

Еще разъ повторяемъ, что относительно отдѣльныхъ личностей изъ человѣческой среды, эта истина столько же, если не болѣе, очевидна. Мы не говоримъ о людяхъ, готовящихся къ тяжелымъ механическимъ занятіямъ, требующимъ особенной силы; тѣ, вѣроятно, соблюдаютъ, по необходимости, діэту, вполнѣ согласную съ нашимъ ученіемъ. Но сошлемся на опытность подрядчиковъ, строителей желѣзныхъ дорогъ и на ихъ рабочихъ. Много лѣтъ тому назадъ признано, что англійскій землекопъ, питающійся мясомъ, гораздо сильнѣе землекопа съ континента, который всегда, говорятъ, кормится, преимущественно, мучнистой пищей и притомъ, настолько сильнѣе, что подрядчики желѣзныхъ дорогъ, англичане, находятъ выгоднымъ брать всюду съ собой своихъ рабочихъ. Въ новѣйшее время, ясно было доказано, что превосходство это происходитъ не отъ племеннаго различія, а отъ различія діэты, такъ какъ многократными опытами удостовѣрились, что рабочіе съ континента, измѣнивъ свой образъ жизни по образцу англійскихъ землекоповъ, быстро крѣпли въ силахъ и вскорѣ могли почти равняться съ своими соперниками въ выносливости. Дополнимъ этотъ фактъ другимъ, противоположнымъ, выведеннымъ нами изъ личнаго шестимѣсячнаго наблюденія надъ вліяніемъ растительной пищи. Мы положительно утверждаемъ, что долгое воздержаніе отъ мяса ведетъ за собой ослабленіе не только физической, но и умственной силы.

Вліяніе высшей діэты. Не подкрѣпляютъ ли приведенные примѣры наши аргументы касательно питанія дѣтей? Не свидѣтельствуютъ ли они, что если при питательной и непитательной пищѣ и возможно довести двухъ разныхъ дѣтей до одинаковаго роста и полноты, то все-таки ткани у одного ребенка окажутся несравненно низшаго качества, чѣмъ у другаго? Не доказываютъ ли они, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ необходимо усилить энергію и ростъ человѣка, нужно непремѣнно кормить его самой лучшей, питательной пищей? Не служатъ ли они явнымъ подтвержденіемъ апріористическаго заключенія, что тотъ ребенокъ, отъ котораго не требуется почти никакой физической или умственной дѣятельности, мо-

жетъ вырости довольно здоровымъ, питаясь преимущественно мучными веществами, тогда какъ другой ребенокъ, которому приходится ежедневно не только выработывать въ себѣ новыя ткани, пополнять потерю физическихъ силъ, потраченнымъ чрезмѣрнымъ упражненіемъ мускуловъ, но и вознаграждать израсходованныя силы мозга, вслѣдствіе продолжительныхъ умственныхъ занятій, — что этотъ ребенокъ непремѣнно долженъ питаться веществами, содержащими въ себѣ бо́льшую пропорцію питательности? Не приводятъ ли насъ вышесказанныя доказательства къ очевидному выводу, что, лишая ребенка хорошей пищи, мы наносимъ ущербъ или росту его, или его физической, или умственной дѣятельности, смотря по сложенію его и по обстоятельствамъ, въ которыя онъ поставленъ? Надѣемся, что всякій разумный человѣкъ не усомнится въ этомъ теперь. Думать иначе, значило бы поддерживать, только въ другой формѣ, старинное заблужденіе изобрѣтателей perpetuum mobile, или, иначе, допускать возможность происхожденія силы изъ ничего.

Прежде, чѣмъ покончить съ вопросомъ о пищѣ, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о необходимости *разнообразія* ее. Въ этомъ отношеніи, діэта молодежи въ Англіи весьма неудовлетворительна. Если нашихъ дѣтей не присуждаютъ, подобно солдатамъ, «на двадцатилѣтнюю ѣду вареной говядины», то имъ все-таки приходится переносить однообразіе пищи, правда, не столь крайнее и менѣе надоѣдающее, чѣмъ у солдатъ, однако, столь же противное законамъ гигіены. За обѣдомъ, дѣйствительно, имъ даютъ, болѣе или менѣе, разнообразную пищу и мѣняютъ ее каждый день; но за то завтракъ, изи дня въ день, изъ года въ годъ, неизмѣнно состоитъ изъ одного и того же кушанья — молока съ хлѣбомъ, изрѣдка замѣняемымъ овсяной кашицей. Ужинъ— повтореніе того же молока съ хлѣбомъ, иногда съ прибавленіемъ чая и тартинокъ съ масломъ.

Такого рода обыкновеніе рѣзко противорѣчитъ законамъ физіологіи. Если дѣтямъ прискучиваетъ одна и та же ѣда, если они искренно радуются, когда ихъ угостятъ новымъ,

рѣдкимъ для нихъ блюдомъ, — это не есть еще признакъ *жадности*, какъ думаютъ многіе, а только побужденіе къ болѣе здоровой, разнообразной діэтѣ. Многочисленными опытами доказано, что едва ли найдется какая-нибудь пища, какъ бы хороша она ни была, которая пополняла бы, въ надлежащемъ количествѣ и видѣ, всѣ вещества, потребныя для поддержанія нормальнаго порядка жизненныхъ процессовъ; изъ чего слѣдуетъ, что для равномѣрнаго доставленія всѣхъ этихъ веществъ, нужно непремѣнно какъ можно чаще мѣнять пищу. Далѣе, физіологи приняли за фактъ, что наслажденіе, доставляемое любимымъ кушаньемъ, дѣйствуетъ какъ нервное, возубдительное средство, облегчающее процессъ пищеваренія тѣмъ, что оно увеличиваетъ дѣятельность сердца и усиливаетъ быстроту движенія крови. На этихъ истинахъ основаны правила новѣйшей системы откармливанья скота посредствомъ постояннаго чередованія различныхъ сортовъ корма.

Не только было бы полезно періодически мѣнять пищу, но хорошо было бы, по тѣмъ же самымъ причинамъ, смѣшивать въ каждомъ кушаньѣ различныя вещества. Чѣмъ болѣе окажется равновѣсія въ составныхъ частяхъ блюда, чѣмъ сильнѣе возбудится этимъ аппетитъ, тѣмъ лучше и скорѣе совершится процессъ пищеваренія. Если отъ насъ потребуютъ фактовъ въ подтвержденіе сказаннаго, мы укажемъ только на ту сравнительную легкость, съ которой желудокъ перевариваетъ французскій обѣдъ, безконечный по количеству блюдъ, но чрезвычайно разнообразный по матерьяламъ. Едва ли кто позволитъ себѣ утверждать, что одинаковое количество всякой другой пищи, хотя бы отлично изготовленной, можетъ быть также легко переварено, какъ этотъ обѣдъ. Если читатели пожелаютъ доискиваться новыхъ фактовъ, пусть они пороются въ любомъ изъ новѣйшихъ сочиненій объ уходѣ за животными. Животныя всегда скорѣе ростутъ, если въ ежедневный кормъ ихъ входятъ разнообразныя вещества. Опыты Госса и Старка представляютъ наиболѣе убѣдительныя доказательства выгоды или, скорѣе, необходимости смѣшивать вещества въ кормѣ животныхъ и въ пищѣ людей, чтобы из-

готовлять изъ нихъ смѣсь, наиболѣе принаровленную къ дѣятельности желудка *).

Если кто-нибудь возразитъ намъ—а это несомнѣнно—что постоянная перемѣна діэты для дѣтей или приготовленіе для нихъ разнообразныхъ кушаній вызоветъ много хлопотъ въ хозяйствѣ, мы отвѣтимъ, что о хлопотахъ нечего думать, когда дѣло идетъ объ умственномъ развитіи дѣтей, и что для будущаго ихъ счастья всего необходимѣе хорошее физическое развитіе. Притомъ, грустно и странно то, что хлопоты объ откармливаніи свиней составляютъ для насъ родъ удовольствія, а хлопоты, какъ бы получше питать дѣтей, мы считаемъ бременемъ.

Добавимъ еще нѣсколько словъ въ видѣ предостереженія тѣмъ, кто предпринялъ бы выполненіе изложенной нами системы. Перемѣну въ пищѣ не слѣдуетъ производить разомъ, такъ какъ скудное питаніе до того разслабляетъ организмъ, что дѣлаетъ его неспособнымъ переносить круто измѣненную діэту. Недостаточное питаніе есть, само по себѣ, причина плохаго пищеваренія. Это мы видимъ и на животныхъ. «Телята, которыхъ поятъ снятымъ молокомъ или сывороткой и вообще скудно кормятъ, бываютъ подвержены несваренію желудка», говоритъ Мартонъ въ своемъ сочиненіи *Энциклопедія земледѣлія* **).

Слѣдовательно, когда силы слабы, переходъ къ болѣе питательной и обильной пищѣ долженъ быть постепененъ; сообразно съ возрастаніемъ силъ можетъ увеличиваться и питаніе. Затѣмъ, не надо выпускать изъ вида и того, что съ концентрированіемъ пищи можно зайти очень далеко. Все, что требуется для хорошаго обѣда, это такое количество здоровой пищи, какое было бы достаточно для наполненія желудка; плохой обѣдъ тотъ, гдѣ недостаетъ веществъ, могущихъ дать соразмѣрную массу. Хотя у хорошо питающихся, образованныхъ націй, размѣръ пищеварительныхъ органовъ

*) Cyclopaedia of Anatomy and Physiology.
**) Cyclopaedia of Agriculture.

гораздо менѣе, чѣмъ у плохо питающихся дикихъ племенъ, и хотя размѣръ этотъ можетъ случайно еще болѣе сократиться, однако, количество принимаемой пищи должно всегда опредѣляться настоящей вмѣстительностью кишокъ. Принявъ во вниманіе эти два опредѣленія, мы придемъ опять-таки къ прежнему выводу, что пища дѣтей должна быть въ высшей степени питательна, что ее надо, по возможности, ежедневно разнообразить и давать дѣтямъ въ обильномъ количествѣ.

Вліяніе личныхъ ощущеній. Относительно одежды дѣтей, воззрѣнія большинства родителей и воспитателей точно также ошибочны, какъ и относительно пищи. Аскетизмъ проглядываетъ и здѣсь. Установилось, почему-то, общее мнѣніе или, скорѣе, теорія, не выразившаяся въ опредѣленной формѣ, что на личныя ощущенія никогда не надо обращать вниманія, такъ какъ они существуютъ не для того, чтобы руководить нами, а чтобы вовлечь насъ въ ошибки; таковъ, по-крайней мѣрѣ, прямой смыслъ установившагося мнѣнія. Это громадное заблужденіе; мы организованы гораздо благопріятнѣе. Наши физическія страданія, преимущественно, происходятъ не отъ того, что мы слушаемся своихъ ощущеній, а отъ того, что не повинуемся имъ. Ѣсть вредно не тогда, когда ощущаешь голодъ, а тогда, когда совсѣмъ его не чувствуешь. Точно также и пить полезно, когда чувствуешь жажду и чрезвычайно вредно продолжать пить, когда жажда утолена. Свѣжій воздухъ, которымъ наслаждаются здоровые люди, не можетъ вредить намъ, а вреденъ испорченный воздухъ, противъ котораго протестуютъ сами легкія. Намъ точно также не можетъ повредить ежедневное правильное и продолжительное движеніе, предписываемое даже природой, что́ мы видимъ на каждомъ ребенкѣ; но невниманіе къ этому природному побужденію очень вредно отзывается на насъ. Вредъ причиняется не той умственной дѣятельностью, которая самопроизвольна и доставляетъ намъ удовольствіе, а той, которая продолжается послѣ того, какъ разгоряченная и разболѣвшаяся голова наша требуетъ отдыха. Мы вредимъ себѣ не тѣмъ тѣлеснымъ упражненіемъ, которое намъ или пріятно,

или, просто, необременительно, а тѣмъ, которое продолжается, когда мы уже выбились изъ силъ. Правда, что у людей, которые долго вели безпорядочную жизнь, ощущенія притупляются и становятся уже плохими руководителями. Точно также и тотъ, кто слишкомъ много сидѣлъ взаперти, умственно изнурялъ себя и движенія не дѣлалъ, ѣлъ, сообразуясь съ часами, а не съ своимъ аппетитомъ, очень легко можетъ быть введенъ въ обманъ своими извращенными чувствами. Но, вѣдь, ненормальное состояніе этихъ людей и есть прямой результатъ нарушенія предписаній ихъ личныхъ ощущеній. Если бы мы съ малолѣтства привыкли повиноваться — скажемъ, «физической совѣсти», она не заглохла бы въ насъ, а сдѣлалась бы нашимъ вѣрнымъ руководителемъ.

Одежда дѣтей. Къ числу ощущеній, служащихъ для насъ руководствомъ, надо причислить и ощущеніе тепла и холода; при выборѣ одежды для дѣтей, необходимо тщательно сообразоваться съ этимъ, иначе можно очень повредить ихъ здоровью. Принятый нѣкоторыми методъ «закаливанья» весьма ошибоченъ и пагубенъ. Не мало дѣтей отправилось на тотъ свѣтъ по милости этого метода, а тѣ, которые пережили его, остались малорослыми и тщедушными. «Ихъ слабое тѣлосложеніе явно показываетъ, какой вредъ нанесенъ имъ, а частыя болѣзни должны бы служить предостереженіемъ для неразумныхъ родителей», говоритъ докторъ Комбъ. Эта система «закаливанія» имѣетъ весьма шаткія основанія. Богатые родители, видя, что у крестьянъ маленькіе мальчики и дѣвочки играютъ и бѣгаютъ на чистомъ воздухѣ полуодѣтые, приписываютъ этому факту здоровое состояніе рабочаго народа и выводятъ изъ него ложное заключеніе, что надо одѣваться какъ можно легче, чтобы быть здоровымъ, вслѣдствіе чего, они начинаютъ держаться правила, какъ можно меньше кутать дѣтей. Они забываютъ, что деревенскіе ребятишки, прыгающіе на лугу и бѣгающіе по полямъ и лѣсамъ, во многихъ отношеніяхъ, гораздо выгоднѣе обставлены: они проводятъ почти все свое дѣтство въ играхъ, цѣлые дни напролетъ дышатъ легкимъ воздухомъ и, вдобавокъ, ихъ организмъ

не подточенъ чрезмѣрной умственной работой. Можно смѣло сказать, что ихъ здоровье поддерживается, *благодаря* этимъ условіямъ, *вопреки*, а не вслѣдствіе недостаточной одежды. Они непремѣнно были бы еще здоровѣе, если бы ихъ теплѣе одѣвали; тогда какъ теперь, потеря животной теплоты, по милости недостаточно прикрытаго тѣла, неизбѣжно наноситъ, хотя и незамѣтный, вредъ ихъ организму.

Если даже ребенокъ настолько крѣпко сложенъ, что можетъ переносить холодъ, и если такого рода методъ отчасти закаливаетъ его, то все же это не проходитъ ему даромъ и отзывается на его ростѣ. Справедливость нашего мнѣнія легко провѣрить какъ на животныхъ, такъ равно и на людяхъ. Шотландскіе пони легче выносятъ суровый климатъ, чѣмъ южныя лошади, но за то они малорослы; шотландскіе овцы и скотъ, живущіе въ горахъ и, въ сравнительно, болѣе холодномъ климатѣ, гораздо мельче англійскихъ породъ. Какъ въ арктической, такъ и въ антарктической полосахъ, человѣческія племена не достигаютъ нормы обычнаго роста: лапландцы и эскимосы почти карлики, жители Огненной земли, которые, по словамъ Дарвина, ходятъ нагіе даже зимою, до того малы ростомъ и такъ безобразны, что «трудно вѣрится, чтобы это были люди».

Наука объясняетъ эту малорослость излишнимъ выдѣленіемъ теплоты изъ тѣла и доказываетъ, что она есть результатъ недостаточно питательной пищи и вообще дурныхъ жизненныхъ условій. Мы уже говорили выше, что для того, чтобы вознаградить потерю теплоты чрезъ лучеиспусканіе, человѣку необходимо принимать въ употребляемой имъ пищѣ извѣстныя вещества, которыя постоянно бы окислялись, и что количество этихъ окисляющихся веществъ должно быть непремѣнно соразмѣрно количеству потери теплоты. Между тѣмъ, сила пищеварительныхъ органовъ ограничена, слѣдовательно, если имъ приходится заготовлять большое количество матеріала, необходимаго для поддержанія извѣстной температуры, то они успѣваютъ выработать весьма малое количество его на строеніе тѣла. Излишняя трата на топли-

во, влечетъ за собой сокращеніе средствъ для другихъ цѣлей. Вотъ почему тѣло, черезъ-чуръ подверженное вліянію холода, туго подвигается въ ростѣ и отличается несовершенствомъ тканей.

Изъ всего сказаннаго, очевидно важное значеніе одежды. Либихъ говоритъ: «наша одежда, относительно температуры тѣла, есть только замѣна извѣстнаго количества пищи. Съ уменьшеніемъ потери теплоты уменьшается и количество топлива, необходимаго для поддержанія тѣла; а когда желудку меньше нужно заготовлять топлива, онъ, естественно, можетъ болѣе заготовлять другихъ матеріаловъ». Этотъ выводъ подкрѣпляется опытомъ людей, посвятившихъ себя уходу за животными. Холодъ, по ихъ мнѣнію, переносится животными на счетъ ихъ жира, мускуловъ или роста, смотря по обстоятельствамъ. Мартонъ пишетъ въ своей Энциклопедіи Земледѣлія: «Если откармливаемый скотъ держатъ на холоду, онъ медленно тучнѣетъ или требуетъ увеличеннаго количества пищи». М-ръ Эпперлэ строго настаиваетъ на томъ, чтобы охотничьихъ лошадей, ежели хотятъ довести ихъ до хорошаго состоянія, держали не иначе, какъ въ теплыхъ стойлахъ. Заводчикамъ скаковыхъ лошадей изстари извѣстно, что подвергать ихъ холоду не слѣдуетъ.

Эта научная истина, подтверждаемая этнологіей и признанная агрономами и спортсмэнами, еще болѣе примѣнима къ дѣтямъ. Чѣмъ меньше ребенокъ и чѣмъ быстрѣе онъ растетъ, тѣмъ труднѣе онъ переноситъ холодъ. Во Франціи новорожденныя дѣти нерѣдко умираютъ зимою отъ того, что ихъ носятъ въ контору мэра для записи въ метрику. Кэтле пишетъ, что въ Бельгіи на одного ребенка, умирающаго въ іюлѣ, приходится двое, умирающихъ въ январѣ. Въ Россіи смертность дѣтей громадная. Даже въ возрастѣ, близкомъ къ зрѣлости, не совсѣмъ развитой организмъ, сравнительно, не способенъ выносить холода; вспомните, какъ быстро умираютъ солдаты новобранцы въ трудныхъ походахъ. Раціональный выводъ изъ всего этого очевиденъ. Мы уже обращали вниманіе читателей на тотъ фактъ, что вслѣдствіе безпрестанно измѣняющихся отношеній между поверхностью и объёмомъ тѣла ребенка, онъ теряетъ, сравнительно, гораздо бо́льшее количество теплоты, чѣмъ взрослый человѣкъ; при этомъ мы должны замѣтить, что ребенку труднѣе возбудить въ себѣ теплоту. Леманъ говоритъ: «Если мы возьмемъ количество углекислоты, выдѣляемой дѣтьми и молодыми животными, и сравнимъ его съ соотвѣтствующимъ вѣсомъ ихъ тѣла, то окажется, что дѣти выдѣляютъ изъ себя вдвое болѣе углекислоты, чѣмъ взрослые». Количество же выдѣляемой ими углекислоты измѣняется сообразно съ количествомъ производимой ими теплоты. Такимъ образомъ, мы видимъ, что организмъ дѣтей, поставленный даже въ невыгодныя условія, долженъ заготовлять почти двойное количество матеріала, производящаго тепло.

Чтожъ сказать теперь о безразсудномъ обычаѣ родителей одѣвать дѣтей какъ можно легче? Между всѣми взрослыми, теряющими, какъ извѣстно, теплоту далеко не такъ быстро, какъ дѣти, и неимѣющими другой физіологической работы, кромѣ пополненія ежедневныхъ тратъ своего организма, найдется ли хотя одинъ отецъ, который счелъ бы полезнымъ для себя разгуливать съ голыми ногами, голыми руками и голой шеей? Между тѣмъ, маленькихъ дѣтей своихъ онъ не жалѣетъ и налагаетъ на нихъ ярмо обычая, которому самъ подчиниться не хочетъ, хотя знаетъ, что дѣти слабѣе его. Если онъ самъ не подвергаетъ малютокъ этому жестокому методу, то допускаетъ другихъ примѣнять его на практикѣ и никогда не протестуетъ. Напомните ему, что каждая унція пищи, напрасно израсходованная на поддержаніе температуры въ тѣлѣ ребенка, вычитается изъ питательныхъ веществъ, идущихъ на строеніе его тѣла, такъ что если его сынъ избѣгнетъ простудъ, приливовъ крови и другихъ недуговъ, то онъ все-таки не достигнетъ надлежащаго роста и будетъ хилъ и тщедушенъ.

Правило таково, что не слѣдуетъ одѣваться всегда одинаково, но надо употреблять такого рода платье, *которое достаточно защищало бы тѣло, въ извѣстныхъ случаяхъ, отъ*

продолжительнаго ощущенія холода, какъ бы это ощущеніе ни было слабо. Это правило, которое докторъ Комбъ обозначаетъ въ своемъ сочиненіи курсивомъ, признано за совершенно справедливое всѣми учеными и всѣми практическими людьми. Мы еще не встрѣчали ни одного компетентнаго по этой части человѣка, который строго бы не осуждалъ обычай обнажать дѣтскіе члены. Изъ всѣхъ вопросовъ, гдѣ дѣло идетъ о томъ, чтобы избѣгать «вредныхъ, губительныхъ обычаевъ», самый важный—это вопросъ объ одеждѣ дѣтей.

Легкомысліе матерей при выборѣ дѣтскаго туалета. Грустно, право, видѣть, какъ матери разстраиваютъ здоровье своихъ дѣтей изъ угожденія нераціональной модѣ. Довольно и того, что онѣ сами сообразуются съ каждой выдумкой по части нарядовъ нашихъ французскихъ сосѣдей; но рядить дѣтей настоящими шутами въ эксцентричные туалеты, измышляемые моднымъ журналомъ «Le petit courrier des dames», не обращая вниманія на неудобство и на нераціональность такой одежды — это, просто, чудовищное легкомысліе. Дѣтямъ неловко, холодно, они безпрестанно простужаются въ своихъ модныхъ костюмахъ, ростъ ихъ чрезъ то задерживается, желудокъ разстраивается, словомъ, вся жизнь ихъ подтачивается и они умираютъ бо́льшей частью преждевременно, а почему? потому только, что маменьки считаютъ необходимымъ одѣвать ихъ по фасонамъ, и изъ матеріаловъ, предписываемыхъ капризомъ французовъ. Матери, ради моды, не только вредятъ своимъ малюткамъ, обнажая ихъ до половины, но даже сами придумываютъ для нихъ туалеты, идущіе въ разрѣзъ съ гигіеническими законами. Ради красоты наряда, выбираются иногда такіе цвѣта и такой сортъ матеріи, которые совершенно не соотвѣтствуютъ бойкимъ дѣтскимъ движеніямъ при различныхъ играхъ, и потому изъ страха измять, изорвать или запачкать изящный костюмъ, ребенку запрещаютъ рѣзвиться. «Встань сейчасъ, ты изомнешь платье»! приказываетъ няня мальчугану, если тотъ вздумаетъ ползать по полу. «Назадъ! ты запачкаешь чулки», кричитъ гувернантка своему маленькому воспитаннику, который сошелъ съ

дороги и карабкается на песчанную насыпь. Дѣти между двухъ огней. Чтобы угодить маменькиной страсти къ щегольству и служить предметомъ восторга для гостей, они должны ходить полуголые, носить тѣсное платье, сшитое изъ матерій свѣтлыхъ, маркихъ цвѣтовъ, и чтобы какъ-нибудь не запачкать и не изорвать эти непрочные наряды, они обязаны сдерживать свою естественную рѣзвость, столь необходимую въ дѣтствѣ. Движеніе, вдвое болѣе потребное ребенку, когда онъ легко одѣтъ, строго запрещается ради того, чтобы не испортить цвѣта и фасона его платья. Когда же люди, придерживающіеся этой глупой системы, поймутъ ея страшную жестокость! Скажемъ прямо, что тысячи дѣтей ежегодно осуждаются на горе, вслѣдствіе такого безразсуднаго поклоненія изящной внѣшности; здоровье ихъ подтачивается, живость пропадаетъ, они становятся совершенно неспособны къ счастливой жизни; мало того, сколько дѣтей преждевременно умираютъ, буквально принесенныя въ жертву материнскому тщеславію. Намъ не хотѣлось бы совѣтовать принять строгія мѣры противъ этого зла, но оно такъ велико, что вполнѣ оправдало бы, ежели не теперь, то впослѣдствіи, рѣшительное вмѣшательство отцовъ.

И такъ, мы пришли къ заключенію, что одежда дѣтей, не доходя до ступени кутанья, производящаго непріятный жаръ въ тѣлѣ, должна всегда быть настолько удовлетворительна, чтобы предотвращать ощущеніе холода *); что вмѣсто легкаго батиста, кембрика, полотна и другихъ смѣшанныхъ тканей, обыкновенно употребляемыхъ въ этомъ случаѣ, дѣтей слѣдуетъ одѣвать въ платье изъ какой-нибудь грубой шер-

*) Необходимо замѣтить, что дѣти, привыкшіи съ самыхъ раннихъ лѣтъ ходитъ съ голыми руками и ногами, перестаютъ чувствовать вліяніе холода на поверхность кожи; точно также, какъ и у насъ по привычкѣ, не зябнетъ лицо даже въ морозные дни. Но если кожа дѣтей и утратитъ излишнюю чувствительность, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы принятая система не наносила имъ вреда, и чтобы житель Огненной земли не страдалъ отъ своей наготы, хотя онъ и не обращаетъ вниманія на талый снѣгъ, падающій на его обнаженное тѣло.

стяной матеріи, надежнаго непроводника тепла. Матерія эта должна быть настолько прочна, чтобы дѣти могли играть, не боясь изорвать или измять ее, притомъ, такого цвѣта, который бы не скоро линялъ и не легко пачкался.

Тѣлесныя упражненія мальчиковъ и дѣвочекъ. Большинство людей, до извѣстной степени, уже сознали необходимость тѣлесныхъ упражненій для дѣтей, слѣдовательно, нѣтъ надобности много говорить объ этой потребности физическаго воспитанія, особенно, относительно мальчиковъ. Какъ въ общественныхъ, такъ и въ частныхъ школахъ Англіи, дѣтямъ всегда отводятся удобныя мѣста для игръ и удѣляется достаточно много свободнаго времени для прогулокъ и тѣлесныхъ упражненій на чистомъ воздухѣ, въ виду пользы для ихъ здоровья. Въ этомъ только случаѣ, повидимому, дозволяется мальчикамъ слѣдовать ихъ естественному побужденію. Вообще, принятая въ послѣдніе годы система разнообразить продолжительные утренніе и послѣобѣденные уроки нѣсколькими минутами отдыха на чистомъ воздухѣ, лучше всего доказываетъ увеличивающееся стремленіе педагоговъ согласовать школьные уставы съ физическими потребностями воспитанниковъ. Значитъ, намъ въ этомъ отношеніи нечего жаловаться или давать совѣты родителямъ и воспитателямъ.

Но мы вынуждены все-таки оговориться, что вышеприведенныя благодѣтельныя нововведенія касаются «только мальчиковъ». Относительно школъ для дѣвочекъ—ровно ничего несдѣлано. По странной случайности, мы имѣемъ возможность почти ежедневно сравнивать положеніе тѣхъ и другихъ. У насъ передъ глазами двѣ школы: одна—мужская, другая—женская; контрастъ между ними поразительный. У мальчиковъ почти половина большаго сада обращена въ открытую, усыпанную гравіемъ площадку, весьма хорошо приспособленную для различныхъ игръ; тутъ же вбиты шесты и устроены трапеціи для гимнастическихъ упражненій. Каждый день, послѣ завтрака, часовъ около 11-ти утра, затѣмъ, послѣ полудня, часа два спустя послѣ обѣда и, наконецъ, вечеромъ, по окончаніи классовъ, вся окрестность оглашается радостными криками и громкимъ хохотомъ мальчиковъ, бѣгущихъ играть все время, пока они рѣзвятся на площадкѣ, вы видите и слышите, что они всецѣло поглощены этой пріятной забавой, отъ которой пульсъ оживленно бьется и возбуждается здоровая дѣятельность каждаго органа.

Дѣвочкамъ позволяютъ дѣлать слишкомъ мало движенія. Совсѣмъ иную картину представляетъ «Заведеніе для молодыхъ лэди». Пока намъ не сказали, мы даже не догадывались, что отъ насъ на такомъ же близкомъ разстояніи находится и школа для дѣвочекъ. Тамошній садъ — точно такихъ же размѣровъ, какъ и въ мужской школѣ—не имѣетъ ни малѣйшихъ признаковъ приспособленія къ развлеченіямъ молодежи; онъ состоитъ изъ чистенькихъ лужаекъ, аллей, усыпанныхъ пескомъ, кустарниковъ и клумбъ съ цвѣтами, словомъ, носитъ общій казенный характеръ хорошо распланированнаго сада. Въ теченіи цѣлыхъ пяти мѣсяцевъ, наше вниманіе ни разу не было привлечено къ этой мѣстности веселыми восклицаніями или звуками дѣтскаго смѣха. Изрѣдка видѣли мы дѣвочекъ, которыя скромно прохаживались по дорожкамъ съ книжками или тетрадками въ рукахъ, а не то, просто, гуляли попарно подъ тѣнью деревьевъ. Разъ только удалось намъ подмѣтить, какъ двѣ дѣвочки гонялись другъ за другомъ по аллеѣ; но за исключеніемъ этого единичнаго случая, мы никогда не видѣли, чтобы воспитанницы упомянутой школы предавались тѣлеснымъ упражненіямъ или играмъ.

Гдѣ кроется причина такой изумительной разницы? Неужели сложеніе дѣвочекъ такъ не похоже на сложеніе мальчиковъ, что дѣятельныя тѣлесныя упражненія совсѣмъ для нихъ не нужны? Неужели у дѣвочекъ нѣтъ никакихъ побужденій къ шумнымъ играмъ, такъ увлекающимъ мальчиковъ? Неужели природа, одарившая мальчиковъ врожденной живостью, съ цѣлью побуждать ихъ къ физической дѣятельности, безъ которой немыслимо окончательное развитіе человѣка, дала ее дѣвочкамъ только для того, чтобы онѣ раздражали своихъ воспитательницъ? Можетъ быть, впрочемъ, мы

не понимаемъ цѣли тѣхъ лицъ, которыя посвятили себя воспитанію слабаго пола. У насъ есть причины смутно подозрѣвать, что родители не желаютъ имѣть дочерей крѣпкаго тѣлосложенія; что избытокъ здоровья и физическихъ силъ считается неприличнымъ для дѣвушки благороднаго происхожденія; что истинная лэди должна быть нѣсколько блѣдная, воздушная, обладать настолько крѣпкими ногами, чтобы быть въ состояніи пройти пѣшкомъ мили двѣ, не болѣе, кушать мало и то съ разборомъ, быть по природѣ робкой, какъ всѣ слабые люди. Никто изъ родителей. конечно, въ этомъ не признается, но намъ сдается, что идеалъ каждой гувернантки аристократическихъ миссъ близко подходитъ къ начерченному типу. Если мы не ошибаемся, то система женскаго воспитанія, принятая въ настоящее время, великолѣпно разсчитана на осуществленіе помянутаго идеала. Но воображать, чтобы таковъ былъ идеалъ мужчинъ—это глубокое заблужденіе. Мы не хотимъ сказать, будто мужчинъ привлекаютъ женщины черезъ-чуръ мужественныя; напротивъ, мы вполнѣ согласны съ мнѣніемъ, что нѣкотораго рода робость, мягкость характера, какъ бы жаждующая опоры въ мужской силѣ, составляютъ большую для насъ привлекательность въ дѣвушкѣ; но эта физическая слабость, противоположная энергіи мужчины, тогда только можетъ нравиться, когда она естественна; если же ее вызываютъ искуственно и превращаютъ женщину въ тряпку, въ вялое, безхарактерное существо—эта слабость скорѣе отталкиваетъ насъ, а не привлекаетъ.

«Такъ вамъ, вѣрно, хочется, чтобы дѣвочкамъ позволяли также скакать и прыгать, какъ мальчикамъ? Чтобы изъ нихъ вышли грубыя, бойкія шалуньи?» спроситъ какой-нибудь защитникъ приличій. Такого рода опасеніе не только весьма естественно со стороны всѣхъ учительницъ и начальницъ женскихъ заведеній, но даже составляетъ больное мѣсто ихъ. Мы узнали, что въ извѣстномъ «Заведеніи для молодыхъ лэди» шумныя игры, ежедневно разрѣшаемыя мальчикамъ, считаются уголовнымъ преступленіемъ, и предполагаемъ, что

ихъ потому запретили, чтобы воспитанницы не пріобрѣли черезъ то дурныхъ манеръ. Опасеніе, вполнѣ неосновательное. Если рѣзвая дѣятельность, допускаемая въ мужскихъ школахъ, не мѣшаетъ воспитанникамъ впослѣдствіи сдѣлаться настоящими джентльмэнами, то почему, спрашивается, физическія упражненія такого же рода помѣшаютъ дѣвочкамъ сдѣлаться настоящими лэди? Какъ бы мальчики ни дурачились въ школѣ въ рекреаціонные часы, не позволитъ же себѣ ни одинъ изъ нихъ, по выходѣ изъ заведенія, играть въ чехарду на улицахъ или въ шары въ гостиной. Вмѣстѣ съ школьной курточкой, мальчики бросаютъ и свои дѣтскія игры; въ нихъ нерѣдко проявляется даже мелочное опасеніе, доходящее до смѣшнаго—не сдѣлать чего-нибудь такого, что недостойно мужчины. Если въ юношахъ это чувство мужскаго достоинства такъ сильно обуздываетъ всякую склонность къ шалостямъ и играмъ дѣтства, то неужели чувство женской скромности, укрѣпляясь постепенно съ приближеніемъ зрѣлаго возраста, не сдержитъ порывовъ къ необузданной рѣзвости въ молодыхъ дѣвушкахъ? Развѣ женщины менѣе обращаютъ вниманія на внѣшность, чѣмъ мужчины? Не проявляется ли въ нихъ даже болѣе сильнаго стремленія къ обузданію всего грубаго и шумнаго? Какъ глупо предположеніе, будто женскіе инстинкты не обнаружились бы никогда въ слишкомъ бойкихъ дѣвочкахъ, если бы не было суровой дисциплины школьныхъ надзирательницъ!

Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, для исправленія зла, отъ искуственности одного рода прибѣгаютъ къ искуственности другаго рода. Дѣвочкамъ запретили нормальныя движенія, а между тѣмъ, убѣдились въ дурныхъ послѣдствіяхъ недостаточности движенія, вотъ и вздумали замѣнить его искуственными упражненіями — гимнастикой. Мы, пожалуй, можемъ допустить, что это лучше, чѣмъ ничего, но чтобы это вполнѣ замѣнило нормальное бѣганье и игры—съ этимъ мы никогда не согласимся. Гимнастика имѣетъ какъ положительные, такъ и отрицательные недостатки. Во-первыхъ, установленныя тѣлодвиженія далеко не такъ раз-

нообразны, какъ тѣ, которыми сопровождаются юношескія игры, и не заставляютъ равномѣрно дѣйствовать всѣ части тѣла, вслѣдствіе чего, упражненіе только нѣкоторыхъ членовъ вызываетъ скорѣе, чѣмъ слѣдовало бы, утомленіе. Кромѣ того, прибавимъ мимоходомъ, что отъ постоянно повторяющагося движенія извѣстныхъ частей тѣла происходитъ непропоріональное развитіе послѣднихъ. Притомъ, гимнастическія упражненія потому уже не полезны, что кромѣ неровнаго распредѣленія дѣятельности между членами, они, по монотонности своей, въ высшей степени скучны? Если ребенокъ и не чувствуетъ къ нимъ отвращенія, какъ къ неизбѣжному уроку, то они все-таки очень надоѣдаютъ ему и утомляютъ его своимъ отсутствіемъ занимательности. Соперничество къ ловкости и проворствѣ служитъ отчасти пріятнымъ стимуломъ; но его нельзя сравнить съ удовольствіемъ, сопровождающимъ процессъ каждой игры. Наиболѣе же вѣское обвиненіе гимнастики еще нами не высказано, Уступая обыкновеннымъ играмъ въ *количествѣ* мускульнаго упражненія, гимнастика ниже ихъ и по *качеству*. Упомянутый нами выше сравнительный недостатокъ занимательности ея, какъ причина быстраго утомленія дѣтей, составляетъ также одну изъ причинъ, почему она не оказываетъ полезнаго вліянія на дѣтскій организмъ. Очень ошибаются тѣ люди, которые предполагаютъ, что дѣтямъ нужна только извѣстная степень физической дѣятельности, не разбирая, пріятна она имъ или непріятна. Умственное возбужденіе, напримѣръ, производитъ въ высшей степени оживляющее вліяніе на человѣка. Посмотрите, какъ дѣйствуетъ на больнаго радостное извѣстіе или посѣщеніе любимаго имъ друга; замѣтьте, какъ тщательно доктора рекомендуютъ пріятное общество слабонервнымъ больнымъ; вспомните, какъ благотворно дѣйствуетъ на здоровье перемѣна обстановки. Въ сущности, удовольствіе есть самое дѣйствительное лѣкарство; ускоряя обращеніе крови, облегчая процессъ каждаго отправленія, оно быстро укрѣпляетъ здоровье и возстановляетъ его даже тогда, когда оно утрачено. Вотъ почему обыкновенныя игры имѣютъ такое огромное преимущество надъ гимнастикой. Живой интересъ, возбуждаемый въ дѣтяхъ играми, бѣшеная веселость, съ которой они предаются иногда довольно грубымъ проказамъ, точно также благодѣтельно вліяютъ на нихъ, какъ и самое движеніе. А такъ какъ гимнастика не вызываетъ въ дѣтяхъ такого умственнаго возбужденія, то, по нашему мнѣнію, она радикально безполезна.

И такъ, допуская, что установленныя гимнастическія упражненія членовъ лучше, чѣмъ ничего, допуская далѣе, что они могутъ служить съ пользою, какъ дополнительныя пособія физическаго воспитанія, мы утверждаемъ, что они никогда не могутъ замѣнить естественныхъ упражненій тѣла. Для дѣвочекъ, равно какъ и для мальчиковъ, самопроизвольная дѣятельность, вызываемая природнымъ инстинктомъ, необходима для здоровья. Тотъ, кто кладетъ на нее запретъ— тормозитъ установленныя природою средства къ физическому развитію.

Вырожденіе человѣческой породы. Намъ остается обсудить одинъ вопросъ, быть можетъ, болѣе важный, чѣмъ всѣ предыдущіе. Многіе утверждаютъ, будто въ средѣ образованныхъ классовъ, юноши и болѣе зрѣлые молодые люди далеко отстали въ ростѣ и въ крѣпости тѣлосложенія отъ стариковъ родителей. Услыхавъ это замѣчаніе въ первый разъ, мы готовы были причислить его къ обыкновеннымъ стариковскимъ разсужденіямъ, въ которыхъ всегда проглядываетъ желаніе восторгаться прошлымъ, въ ущербъ настоящему. Вспомнивъ тотъ фактъ, что судя по воинскимъ доспѣхамъ, люди современной эпохи крупнѣе древнихъ людей (?) и что таблицы смертности доказываютъ не сокращеніе, а напротивъ возростаніе долготы человѣческой жизни, мы не обратили вниманія на вышесказанный аргументъ, считая его лишеннымъ всякаго основанія. Вникнувъ же поглубже въ дѣло, мы измѣнили нѣсколько свой взглядъ. Исключивъ изъ сравненія рабочіе классы, мы убѣдились наглядно, что въ большинствѣ случаевъ, дѣти не достигаютъ роста своихъ родителей, а относительно тучности, соотвѣтственной возрасту, они едва ли не болѣе

еще отстали отъ нихъ. По словамъ врачей, теперешніе люди не могутъ выносить такихъ частыхъ кровопусканій, какъ прежніе. Преждевременная плѣшивость, въ настоящее время, есть явленіе, гораздо болѣе обыкновенное, чѣмъ въ старину. Раннее выпаденіе зубовъ встрѣчается въ современномъ поколѣніи поразительно часто; въ общемъ итогѣ силъ мы также видимъ контрастъ изумительный. Люди прошлыхъ поколѣній, несмотря на то, что вели жизнь разгульную, были гораздо выносливѣе настоящаго поколѣнія, которое ведетъ крайне умѣренную жизнь. Наши недавніе предки кутили напропалую, проводили ночи безъ сна, не обращали никогда вниманія на погоду, мало заботились объ опрятности, и при всемъ томъ, они до преклонной старости могли долго и много работать, безъ ущерба для своего здоровья. Чтобъ убѣдиться въ справедливости этихъ словъ, стоитъ только посмотрѣть архивныя лѣтописи нашихъ присутственныхъ и судебныхъ мѣстъ.

Ужъ какъ мы теперь хлопочемъ о гигіенѣ, ѣдимъ умѣренно, пьемъ безъ излишествъ, заботимся о чистотѣ воздуха, совершаемъ частыя омовенія, дѣлаемъ ежегодныя экскурсіи, пользуемся отличными медицинскими пособіями — и что же? насъ такъ и подкашиваетъ трудъ. Мы обращаемъ особенное вниманіе на законы здравія, а все-таки мы гораздо слабѣе нашихъ дѣдовъ, которые во многихъ случаяхъ шли наперекоръ гигіеническимъ законамъ. Наконецъ, судя по внѣшнему виду и по частымъ болѣзнямъ подростающаго поколѣнія, намъ кажется, что оно даже будетъ менѣе крѣпко, чѣмъ мы.

Чтожъ это значитъ? Не то ли, что *объѣданіе* взрослыхъ и дѣтей въ старину было менѣе вредно, чѣмъ *недоѣданіе*, столь распространенное, въ настоящее время, какъ мы уже замѣтили это выше? Не то ли, что при воспитаніи нашихъ дѣтей мы вводимъ столь достойную порицанія систему обнаженія рукъ, ногъ и шеи ихъ? Или причиною всему нашъ ошибочный методъ запрещать дѣтямъ излишнюю рѣзвость, ради приличія? Все сказанное нами даетъ право заключить, что каждая изъ перечисленныхъ причинъ имѣетъ свою долю участія

въ этомъ злѣ *). Кромѣ того, тутъ сильно вліяетъ еще одно обстоятельство, быть можетъ, самое губительное, именно: чрезмѣрное умственное напряженіе дѣтскаго мозга.

Вредъ, происходящій отъ чрезмѣрныхъ умственныхъ упражненій. Давленіе современной жизни вызываетъ все бо́льшее и большее напряженіе умственныхъ силъ у стариковъ и у молодыхъ, а постоянно усиливающаяся конкуренція во всѣхъ дѣлахъ страшно напрягаетъ также энергію и способности взрослыхъ людей; съ своей стороны, молодежь подвергается строжайшей дисциплинѣ, въ прежнія времена неслыханной, съ цѣлью подготовить ее къ жизненной борьбѣ. Вредъ отъ этого удвоивается. Отцы, стѣсненные со всѣхъ сторонъ сильнымъ наплывомъ конкурентовъ и вынужденные работать при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, тратятъ множество денегъ на покрытіе домашнихъ расходовъ, по причинѣ усиливающейся дороговизны, круглый годъ трудятся съ утра до ночи и только въ краткія минуты отдыха имѣютъ возможность дѣлать движеніе. Измученные, истощенные ненормальнымъ, превышающимъ силы трудомъ, они передаютъ своимъ дѣтямъ подточенный уже организмъ, а эти, сравнительно, слабыя дѣти, предрасположенныя къ изнеможенію даже отъ самаго незначительнаго напряженія энергіи, осуждаются на новый непосильный трудъ: ихъ заставляютъ проходить «курсъ жизни», гораздо болѣе обширный, чѣмъ тотъ, который предписывался неразслабленнымъ дѣтямъ прошедшихъ поколѣній.

---

*) Мы еще не увѣрены въ томъ, не служитъ ли оспопрививаніе, отчасти, причиною распространенія второстепенныхъ видовъ органическихъ разстройствъ. Есть извѣстные патологическіе факты, которые приводятъ къ заключенію, что организмъ ребенка, которому привита была оспа, выдѣляя посредствомъ нарывовъ оспенную матерію, стремится выдѣлить, въ тоже время, тѣмъ же путемъ, и другія острыя матеріи, причиняющія болѣзни; въ особенности это случается тогда, если матерія принадлежитъ къ числу обыкновенно выдѣляющихся черезъ кожу и потому самыхъ ядовитыхъ. Очень возможно, даже вѣроятно, что органически зараженный ребенокъ, хотя бы такъ слабо, что зараза не проявляется еще въ формѣ болѣзни, можетъ, путемъ испорченной лимфы, взятой отъ него, сообщить свою органическую заразу другимъ дѣтямъ, тѣ третьимъ и т. д.

Пагубныя послѣдствія этого, какъ и слѣдовало ожидать, замѣтны повсюду. Куда ни взгляните, вамъ непремѣнно бросятся въ глаза дѣти или юноши, молодые люди обоихъ половъ, болѣе или менѣе, разстроенные въ здоровьи чрезмѣрными умственными занятіями. Вотъ мальчикъ, котораго нашли нужнымъ взять изъ училища на годъ для поправленія силъ, истощенныхъ излишнимъ ученіемъ. Вотъ дѣвочка, у которой хроническіе приливы крови къ мозгу продолжаются уже нѣсколько мѣсяцевъ и грозятъ продлиться еще долѣе. Тутъ вы слышите о ребенкѣ, занемогшемъ горячкой, вслѣдствіе ненормальнаго возбужденія, вызваннаго въ школѣ; тамъ вамъ разскажутъ про юношу, который былъ вынужденъ на время прекратить занятія, а когда потомъ снова принялся за уроки, то началъ падать въ обморокъ въ классѣ. Все это факты, которыхъ мы не искали, но которые обратили на себя наше вниманіе во время нашихъ двухлѣтнихъ наблюденій надъ немногими учебными заведеніями, бывшими у насъ на глазахъ. Но составленный нами списокъ грустныхъ примѣровъ далеко не полонъ. Недавно мы имѣли новый случай убѣдиться, что вкоренившееся у насъ зло передается по наслѣдству. Одну молодую лэди, дочь сильныхъ, здоровыхъ родителей, отдали на полный пенсіонъ къ кому-то въ Шотландію. Тамъ ее такъ плохо кормили и такъ обременяли уроками, что крѣпкое ея сложеніе совершенно расшаталось. Она вышла замужъ и до сихъ поръ, каждое утро, вставая съ постели, подвергается сильнымъ головокруженіямъ, а дѣти ея, унаслѣдовавъ отъ матери ослабленный мозгъ, не въ состояніи позволить себѣ даже умѣренныхъ умственныхъ занятій безъ того, чтобы у нихъ не заболѣла или не закружилась голова. Въ настоящее время, у насъ ежедневно на глазахъ молодая дѣвушка, организмъ которой разстроенъ на всю жизнь тѣмъ училищнымъ курсомъ, чрезъ который она прошла. Ее душили уроками до такой степени, что въ свободные часы, у нея уже не доставало физическихъ силъ для моціона. Теперь, окончивъ свое воспитаніе, она вѣчно жалуется на нездоровье; аппетитъ у нея самый маленькій, вкусъ прихотливый, къ

мясу она чувствуетъ отвращеніе, оконечности у нея постоянно зябнутъ, даже въ самую теплую погоду; она до того слаба, что почти совсѣмъ не можетъ ходить; подымаясь на лѣстницу, она страдаетъ одышкой и усиленнымъ біеніемъ сердца; зрѣніе у нея плохо, росту она маленькаго, сложенія тщедушнаго. Вотъ каковы результаты системы воспитанія, которой ее подвергли. Какъ другой примѣръ, мы можемъ привести ея пріятельницу и подругу по училищу; эта молодая дѣвушка точно такая же слабенькая; ей дѣлается дурно при малѣйшемъ волненіи; наконецъ, пользующій ее докторъ былъ вынужденъ радикально запретить ей всякое серьезное занятіе.

Если такія очевидныя разстройства организма попадаются очень часто, то и не перечесть случаевъ не столь незамѣтныхъ и важныхъ поврежденій его! На одинъ случай, гдѣ серьезную болѣзнь явно произвело чрезмѣрное напряженіе умственныхъ силъ, придется, покрайней мѣрѣ, шесть случаевъ подобнаго рода: когда зло не такъ очевидно и увеличивается постепенно; когда всѣ отправленія человѣка дѣлаются неправильными, что приписывается то той, то другой спеціальной причинѣ, чаще же всего слабости сложенія; когда ростъ задерживается или преждевременно совсѣмъ останавливается; когда проявляется явная наклонность къ чахоткѣ, которая и развивается впослѣдствіи; когда обнаруживается предрасположеніе къ воспаленію мозга и съумасшествію — обыкновенной теперь болѣзни взрослыхъ, обременявшихъ себя умственными занятіями. Каждый изъ насъ увидитъ, до какой степени сильно подточено общественное здравіе въ нынѣшномъ вѣкѣ, когда припомнитъ длинный списокъ умершихъ и заболѣвшихъ за послѣдніе десятки лѣтъ: ученыхъ, писателей, художниковъ, промышленныхъ и торговыхъ людей; все это жертвы непосильныхъ трудовъ и заботъ. Подумайте послѣ этого, какое страшное вліяніе должно производить на неразвившійся организмъ дѣтей чрезмѣрное напряженіе умственныхъ способностей! Гдѣ же ребенку перенести такой трудъ и такое неестественное физическое и умствен-

ное напряженіе, какіе переноситъ взрослый? Обсудите внимательно если взрослые люди видимо страдаютъ отъ чрезмѣрныхъ умственныхъ усилій, то какъ великъ долженъ быть вредъ, наносимый дѣтямъ, когда отъ нихъ требуютъ того же.

Просматривая безпощадную школьную программу ежедневнаго распредѣленія часовъ для учащихся, мы удивляемся не тому, что она причиняетъ вредъ дѣтямъ, а тому, какъ они ее вообще выносятъ. Возьмемъ, напримѣръ, отчетъ, представленный сэръ Джономъ Форбсомъ, лично знакомымъ съ дѣломъ; онъ утверждаетъ, что это есть обращикъ распредѣленія часовъ, почти во всѣхъ среднихъ женскихъ училищахъ въ Англіи. Опуская мелкія подробности распредѣленія времени цѣлыхъ сутокъ, мы возьмемъ только итогъ 24-хъ часовъ.

Воспитанницы проводятъ: въ постели	9—час.	(маленьк. 10).
Въ школѣ за классными и приготовительными уроками	9— »	
Въ школѣ или дома, старшія за необязательными уроками или за рукодѣльемъ, а младшія въ играхъ .	$3^1/_2$ »	(маленьк. $2^1/_2$).
За завтраками и обѣдомъ . . .	$1^1/_2$ »	
Въ движеніи на чистомъ воздухѣ, въ видѣ форменной прогулки, часто съ учебниками въ рукахъ и, притомъ, тогда только, когда въ назначенное время погода хороша	1 часъ.	
Итого . . .	24 часа.	

Каковы же должны быть результаты такого «изумительнаго регламента», по выраженію сэръ Джона Форбса? Конечно, слабость дѣвочекъ, блѣдный цвѣтъ лица, вялость, общее недомогательство. Но онъ приводитъ еще нѣсколько безотрадныхъ подробностей. Это крайнее невниманіе къ физическому благосостоянію воспитанницъ, излишнее усердіе развивать ихъ умъ, слишкомъ продолжительное упражненіе мозга, недостатокъ движенія — какъ оказалось по тщательномъ изслѣдованіи—не только вызвало разстройство физическихъ отправленій, но и отозвалось на тѣлесномъ сложеніи дѣвочекъ. Форбсъ говоритъ: «Мы недавно осматривали въ одномъ большомъ городѣ пансіонъ, гдѣ воспитывалось 40 дѣвочекъ; по внимательномъ и строгомъ изслѣдованіи, мы узнали, что нѣтъ ни одной воспитанницы, которая, пробывъ въ этомъ пансіонѣ два года (большинство поступило именно за два года до нашего осмотра), не сдѣлалась бы *кривобокой*»! *)

Очень можетъ статься, что послѣ 1833 г., т. е. послѣ этого замѣчанія, введены были нѣкоторыя улучшенія. Надо надѣяться, что да, но что система въ школахъ и пансіонахъ все та же теперь, какъ была и прежде, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ она доходитъ до еще бо́льшихъ крайностей, чѣмъ прежде—это мы можемъ лично засвидѣтельствовать. Недавно мы посѣтили учительскую семинарію для молодыхъ людей; это одно изъ заведеній, учрежденныхъ въ послѣдніе годы, съ цѣлью снабженія школъ хорошо подготовленными учителями. Здѣсь, при офиціальномъ надзорѣ, дававшемъ право разсчитывать на нѣчто лучшее, чѣмъ управленіе надзирательницъ частныхъ пансіоновъ, мы нашли слѣдующее распредѣленіе времени на каждый день:

Въ 6 часовъ утра—студентовъ будятъ.

Отъ	7	до	8	—уроки.
»	8	»	9	—чтеніе священнаго писанія, молитвы и завтракъ.
»	9	»	12	—классы.
»	12	»	$1^1/_4$	—отдыхъ, наминально посвящаемый прогулкамъ или другимъ упражненіямъ, но чаще употребляемый на уроки.
»	$1^1/_4$	»	2	—обѣдъ, который, обыкновенно, продолжается 20 минутъ.
»	2	»	5	—уроки въ классахъ.
»	5	»	6	—чай и отдыхъ.

*) Cyclopaedia of Practical Medicine vol. 1. pp. 697, 698.

Отъ 6 до $8^1/_2$—уроки въ классахъ.
» $8^1/_2$ » $9^1/_2$—частныя занятія, состоящія изъ приготовленія уроковъ къ слѣдующему дню.

Въ 10 часовъ вечера—студенты ложатся спать.

Такимъ образомъ, изъ 24 часовъ въ сутки, восемь отдаются сну, четыре съ четвертью — одѣванью, молитвѣ, ѣдѣ и сопровождающимъ ее краткимъ промежуткамъ отдыха; десять съ половиною часовъ — на ученье, часъ съ четвертью — на тѣлесныя упражненія, которыя необязательны и часто даже избѣгаются. Десять съ половиною часовъ, предназначенные для ученья, очень часто доходятъ до одиннадцати съ половиной, потому что студенты посвящаютъ чтенію различныхъ книгъ свободное время, удѣляемое имъ для отдыха и, кромѣ того, нѣкоторые изъ воспитанниковъ встаютъ въ четыре часа утра, чтобы приготовлять уроки. Надзиратели нерѣдко сами поощряютъ ихъ къ тому! Курсъ, который долженъ быть пройденъ въ извѣстный срокъ, до того обширенъ, а учителя, репутація которыхъ зависитъ отъ успѣха экзаменовъ, до того взыскательны, что воспитанники, зачастую, вынуждены отдавать 12, 13 часовъ въ день умственному труду!

Не нужно быть пророкомъ, чтобы угадать, какой вредъ наносится этимъ здоровью. Намъ говорилъ одинъ изъ живущихъ въ заведеніи, что молодёжь, поступающая туда съ свѣжимъ цвѣтомъ лица, быстро блѣднѣетъ. Случаи заболѣванія весьма часты; на скорбномъ листѣ постоянно встрѣтите нѣсколько именъ. Отсутствіе аппетита и разстройство желудка—здѣсь явленія самыя обыкновенныя; поносъ—господствующая болѣзнь; нерѣдко треть всего числа студентовъ подвергается ему одновременно. На головную боль жалуются почти всѣ; многіе страдаютъ ею ежедневно, по нѣскольку мѣсяцевъ сряду; нѣкоторые воспитанники совершенно изнемогаютъ и выходятъ изъ заведенія.

Поразителенъ тотъ фактъ, что подобный порядокъ существуетъ въ образцовомъ, такъ сказать, заведеніи, основанномъ и управляемомъ главными представителями просвѣщенія нынѣшняго вѣка. Еще болѣе поразительно то, что строгіе экзамены, на подготовку къ которымъ дается такъ мало времени, заставляютъ прибѣгать къ системѣ, неизбѣжно подтачивающей здоровье всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ несчастіе подвергаться ей. Это явное доказательство если не жестокости воспитателей, то жалкаго невѣжества ихъ.

Примѣръ этотъ, безъ сомнѣнія, въ высшей степени исключительный; подобный ему можетъ встрѣтиться развѣ только въ заведеніяхъ того же рода; но если возможно существованіе его въ настоящее время, то это уже достаточно доказываетъ, до чего умъ подростающаго поколѣнія страдаетъ отъ ненормальной работы, которую на него налагаютъ. Служа выраженіемъ идеи образованнаго современнаго общества, всѣ эти воспитательныя заведенія, помимо другихъ данныхъ, обнаруживаютъ замѣчательное стремленіе къ совершенно не годной, торопливой системѣ культуры.

Намъ кажется очень страннымъ, что родители и воспитатели такъ мало сознаютъ вредъ отъ чрезмѣрныхъ умственныхъ занятій въ отроческомъ возрастѣ послѣ того, какъ всѣми уже признанъ этотъ вредъ для маленькихъ дѣтей. Большинство родителей давно уже стало убѣждаться въ дурныхъ послѣдствіяхъ скороспѣлаго развитія ребенка; мы безпрестанно слышимъ теперь въ обществѣ осужденіе тѣхъ отцовъ и матерей, которые слишкомъ рано стараются развивать мозгъ своихъ малютокъ. Опасенія этого ранняго развитія постепенно увеличиваются помѣрѣ того, какъ люди ближе знакомятся съ страшнымъ вліяніемъ преждевременнаго умственнаго возбужденія. Лучшимъ свидѣтельствомъ этому служитъ мнѣніе одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ физіологовъ, который говорилъ намъ, что онъ не намѣренъ ничему учить своего маленькаго сына до тѣхъ поръ, пока ему минетъ восемь лѣтъ. Но, въ то время, какъ люди освоились съ истиною, что насильственное развитіе ума въ дѣтствѣ влечетъ за собой или физическую слабость, или совершенное тупоуміе, или раннюю смерть, никто, повидимому, не замѣчаетъ, что та же истина примѣнима и къ юношеству. А между тѣмъ,

она и въ этомъ случаѣ неоспорима. Существуетъ извѣстный порядокъ и извѣстная постепенность развитія; если воспитаніе дѣтей идетъ сообразно съ этимъ порядкомъ и съ этой постепенностью, то результаты получаются прекрасные; если же нѣтъ, если высшія способности ребенка слишкомъ рано обременяются сложными и отвлеченными знаніями, которыхъ онѣ не могутъ еще переварить, или если чрезмѣрною культурою умъ вообще развивается въ степени, несогласной съ естественнымъ его ростомъ,—тогда пріобрѣтенныя ненормальныя познанія неминуемо будутъ сопровождаться такимъ же значительнымъ, если не бо́льшимъ еще зломъ.

Природа — строгій счетчикъ. Если вы потребуете отъ нея въ одномъ случаѣ болѣе, чѣмъ она готова вамъ дать, она немедленно уровняетъ свой счетъ вычетомъ у васъ чего-нибудь другаго. Если вы дадите ей возможность свободно идти своимъ путемъ и доставлять ребенку, въ настоящемъ количествѣ и видѣ, сырые матеріалы для физическаго и умственнаго роста, соотвѣтственнаго каждому возрасту, она вамъ непремѣнно выработаетъ личность, болѣе или менѣе, развитую. Если вы будете настаивать на преждевременномъ и вредномъ развитіи одной изъ способностей вашего ребенка, она, послѣ мѐньшаго или бо́льшаго протеста, уступитъ вамъ; но для того, чтобы выполнить излишнюю работу, наложенную вами на нее, ей придется оставить недоконченной какую-нибудь другую, изъ болѣе важныхъ работъ. Никогда не забывайте, что запасъ жизненной силы, которымъ тѣло обладаетъ въ извѣстный періодъ времени, строго ограниченъ, поэтому невозможно разсчитывать извлечь изъ него болѣе предназначеннаго количества результатовъ. Въ дѣтяхъ и юношахъ спросъ на жизненную силу весьма разнообразенъ и настоятеленъ. Какъ уже выше сказано, истощеніе, происходящее отъ ежедневнаго тѣлеснаго упражненія, требуетъ вознагражденія; трата мозга отъ ежедневной умственной работы должна быть пополнена; постоянный ростъ тѣла нуждается въ хорошемъ запасѣ силъ; затѣмъ, прибавьте ко всему этому количество энергіи, ежедневно поглощаемой при пере-

варкѣ обильнаго количества пищи, потребной для удовлетворенія всѣхъ этихъ процессовъ, и вы поймете, какъ много жизненныхъ силъ уходитъ у дѣтей и юношей на ежедневное ихъ существованіе. Каждый изъ насъ знаетъ по опыту, что привлекать излишекъ энергіи къ однимъ каналамъ, значитъ отвлекать ее отъ другихъ. Это ясно, какъ день, тѣмъ болѣе, что примѣровъ, могущихъ служить доказательствомъ справедливости приведеннаго аргумента, не оберешься.

Всѣ мы знаемъ также, что перевариванье тяжелаго обѣда вызываетъ сильное утомленіе мозга и тѣла, вслѣдствіе чего, человѣка всегда тянетъ ко сну; что излишнее тѣлесное упражненіе ослабляетъ силу мышленія; что временное изнеможеніе послѣ внезапной траты силъ, или утомленіе, произведенное прогулкой въ тридцать миль сопровождаются непремѣнно неспособностью къ умственному труду; что послѣ мѣсячнаго странствованія пѣшкомъ, умственная инерція такъ велика, что требуется нѣсколько дней для того, чтобы ее преодолѣть; наконецъ, что у крестьянъ, проводящихъ всю жизнь въ мускульной работѣ, умственная дѣятельность весьма ограничена. Всѣмъ намъ извѣстна истина, что когда дѣти сильно тянутся, особенно, въ раннемъ возрастѣ, то упадокъ энергіи обнаруживается у нихъ въ соотвѣтствующей физической и умственной слабости. Далѣе, тѣ факты, что сильное мускульное напряженіе тотчасъ послѣ ѣды задерживаетъ пищевареніе; что у дѣтей, которыхъ рано пріучаютъ къ тяжелой работѣ, очень задерживается ростъ — подтверждаютъ вышесказанное мнѣніе, что излишекъ дѣятельности въ одномъ направленіи влечетъ за собой недостатокъ ея въ другихъ. Законъ этотъ, очевидный въ крайнихъ случаяхъ, проявляется и во всѣхъ прочихъ. Вредная трата энергіи происходитъ одинаково, какъ тогда, когда излишнее расходованіе силъ хотя и незначительно, но постоянно, такъ и тогда, когда оно значительно и внезапно. Слѣдовательно, если въ юношествѣ расходъ силъ на умственный трудъ переступаетъ границу, положенную природой, то расходъ ихъ на другія цѣли падаетъ ниже надлежащей степени, а отъ этого происходятъ

всевозможныя бѣдствія. Сдѣлаемъ краткій обзоръ такихъ вредныхъ послѣдствій.

Положимъ, что излишняя мозговая дѣятельность превзойдетъ нормальную не болѣе, какъ на умѣренную степень, слѣдствіемъ чего окажется только слабое противодѣйствіе росту: или ребенокъ будетъ ниже, чѣмъ бы слѣдовало, или не такъ полонъ, какъ онъ могъ бы быть, или, наконецъ, ткани его тѣла не достигнутъ надлежащей доброкачественности. Одинъ или нѣсколько такихъ результатовъ должны непремѣнно обнаружиться. Излишнее количество крови, привлекаемое къ мозгу; впродолженіи самаго процесса умственнаго напряженія, въ то время, когда возстановляется трата мозговаго вещества,—есть именно та кровь, которая иначе обращалась бы по членамъ и пищеварительнымъ органамъ; слѣдовательно, ростъ ребенка и вознагражденіе различныхъ утратъ; для которыхъ эта кровь доставила бы матеріалы,—понесли безвозвратныя потери. Такъ какъ эта физическая реакція несомнѣнна, то спрашивается: равняется ли выгода, пріобрѣтаемая избыткомъ умственнаго развитія, убытку? Вознаграждается ли ребенокъ нѣсколькими прибавочными познаніями за недостатокъ физическаго роста и за то, что онъ не достигнетъ надлежащаго совершенства въ тѣлесномъ сложеніи?

Когда излишекъ умственныхъ усилій очень великъ и повлечетъ за собой гибельныя послѣдствія, тогда страдаетъ ужь не одно тѣло, но и самый мозгъ. Что между ростомъ и развитіемъ тѣла существуетъ антагонизмъ, это вошло, такъ сказать, въ законъ физіологіи, впервые указанный Исидоромъ Сентъ-Илеръ и впослѣдствіи описанный Люисомъ въ его статьѣ «Карлики и великаны». Подъ словомъ ростъ, употребленномъ здѣсь въ смыслѣ антитезы, разумѣется *увеличеніе объема тѣла*, а подъ словомъ развитіе—*увеличеніе тѣлеснаго строенія*. Упомянутый законъ таковъ, что сильная дѣятельность въ одномъ изъ двухъ процессовъ влечетъ за собой замедленіе и почти прекращеніе другаго. Простой примѣръ этого мы видимъ на гусеницы и куколкѣ. Гусеница чрезвычайно быстро увиличивается въ объемѣ, но строеніе вполнѣ

сформировавшейся гусеницы едва ли сложнѣе, чѣмъ когда она была маленькая. Куколка не увеличивается вь объемѣ, напротивъ, вѣсъ ея значительно падаетъ въ періодъ подготовки къ превращенію, за то образованіе болѣе сложнаго строенія совершается очень дѣятельно. Этотъ антагонизмъ, столь очевидный въ настоящемъ случаѣ, гораздо труднѣе проявляется въ высшихъ породахъ, потому что оба процесса происходятъ одновременно. Впрочемъ, мы довольно ясно можемъ это провѣрить на себѣ, если сравнимъ два пола. Дѣвочка физически и умственно быстрѣе развивается, но, сравнительно, перестаетъ раньше рости. Физическое и умственное развитіе мальчика происходитъ медленнѣе, за то онъ дольше ростетъ. Въ тотъ возрастъ, когда первая достигаетъ зрѣлости, законченности и полнаго развитія всѣхъ своихъ способностей, второй, — жизненныя силы котораго преимущественно шли на увеличеніе тѣлеснаго объема, — относительно, несовершенъ въ своемъ сложеніи и отличается физической и умственной незрѣлостью. Законъ этотъ одинаково примѣнимъ какъ къ каждой отдѣльной части организма, такъ и ко всему организму. Неестественно-быстрое развитіе каждаго органа, сравнительно съ его строеніемъ, влечетъ за собой задержку его роста; съ органомъ мышленія происходитъ точно тоже, что и съ другими органами. Если отъ мозга ребенка, который въ раннемъ дѣтствѣ, относительно, великъ по объему, но далеко несовершенъ по своему строенію, требуется непосильная дѣятельность, въ то время, когда онъ совершаетъ свои отправленія, то онъ подвергается быстрому, несвойственному его возрасту, развитію конструкціи; а непремѣннымъ результатомъ такого явленія будетъ сокращеніе объема и ослабленіе мозга, тогда какъ иначе не случилось бы ни того, ни другаго. Это и есть одна изъ причинъ—если не самая главная — почему скороспѣлые дѣти и юноши, которые, до извѣстной поры, во всемъ обгоняютъ своихъ сверстниковъ, вдругъ останавливаются въ своемъ развитіи и разрушаютъ блестящія надежды, на нихъ возложенныя.

Вліяніе мозга на отправленія тѣла. Какъ ни гибельны

подобные результаты чрезмѣрнаго напряженія умственныхъ способностей, но они все-таки не такъ страшны, какъ вліяніе, производимое ими на здоровье дѣтей. Подточенный организмъ, упадокъ силъ, мрачное настроеніе духа, — вотъ послѣдствія, губящія нашу молодежь. Недавнія открытія въ физіологіи показали намъ, какъ велико вліяніе мозга на отправленія тѣла. Пищевареніе, кровообращеніе, а чрезъ нихъ и всѣ прочіе органическіе процессы, сильно подчинены вліянію мозговаго возбужденія. Тотъ, кто подобно намъ, нѣсколько разъ видѣлъ опытъ, впервые произведенный Веберомъ, и показывающій послѣдствія раздраженія *блуждающаго* нерва (vagus), который соединяетъ мозгъ съ внутренностями; тотъ, кто видѣлъ, какъ дѣятельность сердца внезапно прекращается, вслѣдствіе раздраженія этого нерва, какъ она медленно возобновлется, коль-скоро раздраженіе прекратилось и тотчасъ же снова останавливается, когда раздраженіе возобновляется — тотъ получитъ ясное понятіе о силѣ угнетающаго вліянія, которое отягченный работою мозгъ производитъ на тѣло. Мы безпрестанно встрѣчаемъ примѣры подобныхъ явленій, объясняемыхъ физіологіей. Кто изъ насъ не ощущалъ усиленнаго біенія сердца при ожиданіи чего-либо, при страхѣ, гнѣвѣ, радости? Кто не замѣчалъ, до чего напряжена бываетъ дѣятельность сердца въ тѣ минуты, когда эти ощущенія чрезмѣрно сильны? И хотя многіе изъ нихъ не доходили до такого страшнаго возбужденія, что сердце перестало биться и, затѣмъ, послѣдовалъ бы обморокъ, однако, каждый знаетъ, что то и другое есть результатъ волненія. Очень обыкновенное явленіе — сильное разстройство желудка отъ ненормальнаго возбужденія ума, также для насъ не новость. Потеря аппетита есть обыкновенное послѣдствіе большой радости и большаго горя. Если пріятное или непріятное событіе дойдетъ до вашего свѣдѣнія тотчасъ послѣ ѣды, то очень нерѣдко случается, что желудокъ возвращаетъ немедленно принятую пищу или съ трудомъ перевариваетъ ее.

Каждый, кто часто обременяетъ свой мозгъ, можетъ вамъ засвидѣтельствовать, что даже чисто умственная работа иногда

сопровождается точно такими же результатами. Эта связь между мозгомъ и тѣломъ, столь очевидная въ крайнихъ случаяхъ, остается равно дѣйствительной и въ обыкновенныхъ, не столь выдающихся случаяхъ. Сильныя, но временныя мозговыя возбужденія производятъ сильныя, но временныя разстройства пищеварительныхъ органовъ и, наоборотъ, слабыя, но хроническія мозговыя возбужденія вызываютъ слабыя, но хроническія внутреннія разстройства. Это не простое предположеніе, а истина, которую можетъ подтвердить каждый врачъ; долгая и прискорбная опытность даетъ намъ право засвидѣтельствовать тоже самое. Различныя степени и формы физическаго разстройства, часто требующаго нѣсколькихъ лѣтъ насильственнаго бездѣйствія, чтобы нѣсколько оправиться, происходятъ всегда отъ продолжительныхъ, чрезмѣрныхъ умственныхъ упражненій. Иногда, преимущественно, поражается сердце; человѣкъ чувствуетъ постоянное сердцебіеніе, пульсъ у него падаетъ; вмѣсто 72 ударовъ, онъ доходитъ до 60 и менѣе; иногда главное разстройство обнаруживается въ желудкѣ; отъ дурнаго пищеваренія больному жизнь въ тягость; вылѣчивается этотъ недугъ только временемъ; лѣкарства не помогаютъ. Въ большинствѣ случаевъ, страдаютъ и сердце, и желудокъ вмѣстѣ; сонъ прерывистый и короткій; замѣчается общее умственное изнеможеніе.

Посудите теперь, какъ великъ долженъ быть вредъ, наносимый дѣтямъ и юношамъ несоразмѣрнымъ умственнымъ возбужденіемъ. Болѣе или менѣе сильное органическое разстройство будетъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ненормальнаго напряженія мозга; если оно не дойдетъ до такой степени, чтобы произвести положительную болѣзнь, то непремѣнно вызоветъ медленно-увеличивающееся разрушеніе или вырожденіе организма. Можетъ ли формирующееся тѣло процвѣтать при плохомъ, капризномъ аппетитѣ, неправильномъ пищевареніи, слабомъ кровообращеніи? Правильное отправленіе каждаго жизненнаго процесса зависитъ отъ достаточнаго запаса хорошей крови. Безъ достаточнаго ея количества ни одна железа надлежащимъ образомъ не выдѣлитъ соковъ, никакія

кишки не совершатъ вполнѣ своей службы; безъ нужнаго количества крови, ни одинъ нервъ, ни одинъ мускулъ, ни одна плева, никакая ткань не въ состояніи переработаться и замѣниться новыми; безъ надлежащаго количества хорошей крови, невозможенъ здоровый и нормальный ростъ. Посудите теперь, какихъ надо ждать послѣдствій, если развивающемуся тѣлу разслабленный желудокъ доставляетъ недостаточную по количеству и скудную по качеству кровь; если попорченное сердце двигаетъ эту скудную и недостаточную кровь съ ненормальной медленностію.

Ошибочность системы набиванія дѣтскихъ головъ тьмою свѣдѣній.

Каждый, кто только внимательно изслѣдуетъ этотъ вопросъ, непремѣнно долженъ будетъ согласиться съ нами, что физическое вырожденіе человѣчества есть несомнѣнное послѣдствіе чрезмѣрнаго ученія; а признавъ этотъ фактъ, нельзя строго не осудить вышеописанную систему набиванія дѣтскихъ головъ различными свѣдѣніями. Съ какой бы точки зрѣнія мы не стали разсматривать эту систему, она всегда и вездѣ окажется чрезвычайно ошибочной. Она ошибочна даже въ смыслѣ простаго пріобрѣтенія знаній, потому что умъ, равно какъ и тѣло, не можетъ переваривать даваемую ему пищу свыше извѣстной мѣры, и если вы будете пичкать его фактами быстрѣе, чѣмъ онъ можетъ переваривать ихъ, онъ ихъ тотчасъ отрыгнетъ; вмѣсто того, чтобъ остаться въ мозговой лабораторіи, всѣ эти знанія вылетаютъ изъ головы ребенка тотчасъ по окончаніи экзаменовъ, для которыхъ онъ ихъ накапливалъ. Такая система ошибочна еще потому, что она порождаетъ отвращеніе къ ученію. Вѣроятно, болѣзненная связь идей—послѣдствіе безпрерывнаго умственнаго труда, а можетъ быть, и ненормальное состояніе мозга, вызываемое упомянутой системой, причиной тому, что у многихъ дѣтей и юношей является, просто, ненависть къ книгамъ, такъ что вмѣсто того, чтобы продолжать самообразовываться, какъ слѣдуетъ каждому, раціонально воспитанному человѣку, молодежь эта, по выпускѣ изъ заведеній, положительно идетъ назадъ по пути развитія. Система эта ошибочна потому еще, что она предполагаетъ, будто все заключается въ пріобрѣтеніи знаній, забывая, что гораздо болѣе важно организовать эти знанія и что для организаціи ихъ требуется время и самостоятельное мышленіе. Гумбольдтъ не даромъ сказалъ, коснувшись умственнаго прогресса вообще: «толкованіе явленій природы затемняется, если оно растянуто отъ слишкомъ большаго накопленія разобщенныхъ фактовъ». Точно тоже можно повторить и относительно умственнаго прогресса отдѣльныхъ личностей; умъ ихъ, обремененный и подавленный излишкомъ плохо переваренныхъ свѣдѣній, отказывается работать. Дорого не то знаніе, которое накопляется какъ умственный жиръ, а то, которое можетъ переработаться въ умственный мускулъ. Ошибочность системы идетъ далѣе. Допустимъ даже, что она была бы удовлетворительна, какъ средство, вызывающее умственное развитіе — чѣмъ, въ дѣйствительности, она не оказывается—она все-таки должна считаться вредной, потому что, какъ мы доказали выше, по милости ее, подтачивается здоровье молодежи, необходимое для того, чтобы умственное воспитаніе принесло пользу въ житейской борьбѣ. Тѣ родители и воспитатели, которые слишкомъ ревностно хлопочутъ о развитіи умственныхъ способностей дѣтей, забываютъ, что успѣхъ въ жизни зависитъ болѣе отъ личной энергіи, чѣмъ отъ количества знаній и что система набиванія головы кучей свѣдѣній, подрывая эту энергію, заявляетъ сама себя несостоятельной. Непреклонная воля и неутомимая дѣятельность, питаемыя обильной животной силой, въ состояніи вознаградить значительные пробѣлы воспитанія; а при вполнѣ достаточномъ воспитаніи, котораго можно добиться, не принося въ жертву здоровье ребенка, эта воля и эта дѣятельность обезпечиваютъ всякую побѣду надъ соперниками, истощенными чрезмѣрнымъ ученіемъ, какіе бы они ни были феномены учености. Сравнительно, маленькая и грубо устроенная машина, при высокомъ давленіи, можетъ вдвое болѣе наработать, чѣмъ большая, хорошо устроенная машина, при низкомъ давленіи. Не безуміе ли это, приготовить прекрасную

машину и до того испортить паровикъ, что онъ не будетъ выпускать пара! Повторимъ въ заключеніе: система эта ошибочна, такъ какъ люди, руководящіеся ею, составляютъ себѣ ложное понятіе о благосостояніи въ жизни. Допустимъ даже, что она служитъ средствомъ къ пріобрѣтенію успѣха въ свѣтѣ — тогда какъ въ сущности, она есть причина однѣхъ только неудачъ — тѣмъ не менѣе, подтачивая здоровье человѣка, она доставляетъ ему равномѣрное успѣхамъ количество бѣдствій. Что̀ за выгода пріобрѣсти богатство и цѣлую жизнь быть больнымъ? Пріятно ли получать тьму отличій и страдать ипохондріей? Нѣтъ нужды доказывать, что исправное пищевареніе, ровный пульсъ и веселое расположеніе духа — такіе элементы счастья, которыхъ не промѣняешь ни на какія внѣшнія выгоды. Человѣкъ, страдающій хроническимъ физическимъ разстройствомъ, смотритъ мрачно на самую блестящую будущность, тогда какъ здоровый и веселый человѣкъ глядитъ съ розовой точки зрѣнія на самую горькую долю. И такъ, мы утверждаемъ, что чрезмѣрное обученіе вредно во всѣхъ отношеніяхъ; вредно потому, что оно даетъ знаніе, которое скоро забывается, что вызываетъ отвращеніе къ знанію, что пренебрегаетъ организаціей знаній, тогда какъ она гораздо важнѣе пріобрѣтенія ихъ; что оно ослабляетъ и разрушаетъ ту энергію, безъ которой воспитанный умъ безполезенъ; наконецъ, оно вредно потому, что влечетъ за собой разстройство здоровья, не вознаграждаемое успѣхами въ жизни, а, напротивъ, заставляющее человѣка вдвое сильнѣе чувствовать каждое горе.

Эта насильственная система имѣетъ на женщинъ еще болѣе пагубное вліяніе, чѣмъ на мужчинъ. Такъ какъ дѣвочкамъ запрещаются всякія сильныя, веселыя тѣлесныя упражненія, которыми мальчики нѣсколько смягчаютъ зло чрезмѣрныхъ умственныхъ занятій, то очень естественно, что онѣ испытываютъ вредныя послѣдствія системы во всей ихъ силѣ. Вотъ почему очень небольшое меньшинство дѣвочекъ выростаетъ здоровыми и крѣпко сложенными. На блѣдныхъ, худощавыхъ, плоскогрудыхъ молодыхъ дѣвушкахъ, такъ

часто встрѣчаемыхъ нами въ лондонскихъ гостиныхъ, мы видимъ результаты вліянія безпощадныхъ классныхъ занятій, не облегчаемыхъ юношескими играми; это физическое истощеніе отравляетъ ихъ будущее счастье гораздо болѣе, чѣмъ сколько богатство ихъ дарованій доставляетъ имъ радостей. Маменьки, заботящіяся о томъ, чтобы сдѣлать своихъ дочекъ какъ можно привлекательнѣе, едва ли могли выбрать для ихъ воспитанія болѣе худшую систему, чѣмъ эту, гдѣ развитію ума приносится въ жертву тѣло. Или имъ дѣла нѣтъ до вкуса мужчинъ, или онѣ составили себѣ ложное понятіе о немъ. Мужчины мало хлопочатъ о томъ, чтобы у нихъ были жены ученыя; имъ болѣе всего нужны физическая красота, хорошій характеръ и здравый смыслъ. Много ли побѣдъ одержитъ ученая женщина, такъ называемый, синій чулокъ, одними историческими своими познаніями? Какой мужчина влюбится въ дѣвушку потому только, что она говоритъ по итальянски? Гдѣ тотъ Эдвинъ, котораго привлекъ бы нѣмецкій языкъ къ ногамъ его Анджелины? Зато розовыя щечки и блестящіе веселые глазки привлекутъ каждаго; прекрасно округленная фигура чаруетъ всѣхъ; живость и пріятное расположеніе духа—эти спутники избытка здоровья—всего болѣе дѣйствуютъ на сердца мужчинъ. Каждый изъ насъ видѣлъ примѣры пылкихъ привязанностей къ женщинамъ, даже совсѣмъ необразованнымъ, но обладающимъ вышесказанными физическими достоинствами, но врядъ ли кому приходилось видѣть, чтобы мужчина беззавѣтно предался некрасивой, больной, всегда мрачной, хотя и очень умной, образованной женщинѣ. Дѣло въ томъ, что кромѣ различныхъ случаевъ, гдѣ мужчина привязывается къ женщинѣ безочетно, не разбирая, заслуживаетъ она этого или нѣтъ, мы можемъ вывести нѣкотораго рода порядокъ изъ тѣхъ причинъ, которыя вызываютъ въ сердцѣ мужчины привязанность къ женщинѣ. Надо сознаться, что первая причина—это внѣшность ея, т. е. физическая красота, понимаемая, конечно, каждымъ по своему; вторая — это нравственныя качества; третья и самая слабая по притягательной силѣ своей — это высокое умствен-

ное развитіе. Собственно говоря, ученая женщина рѣдко понравится, если она при этомъ не обладаетъ остроуміемъ, находчивостью и живостью характера. Если намъ скажутъ, что такого рода выводъ унизителенъ для мужчинъ и говоритъ не въ пользу ихъ направленія, мы отвѣтимъ, что такъ говорить, значитъ, не понимать дѣла и позволять себѣ судить тайну Божественнаго предопредѣленія. Если бы даже не было очевиднаго предназначенія въ такомъ устройствѣ человѣческаго организма, то все-таки можно навѣрное сказать, что тутъ имѣется въ виду какая-нибудь важная цѣль. Для каждаго наблюдательнаго человѣка, вышесказанное предназначеніе совершенно ясно. Не надо забывать, что одна изъ цѣлей природы или, скорѣе, что конечная ея цѣль есть благо человѣческаго потомства, и далѣе, что по отношенію къ потомству, образованный умъ, при плохо развитомъ тѣлѣ, не многаго стоитъ, потому что поколѣніе такихъ людей должно скоро вымереть, не дождавшись даже внуковъ; что хорошо организованное тѣло, при бѣдно—развитыхъ умственныхъ способностяхъ, напротивъ, стоитъ того, чтобы его поддерживали, потому что въ послѣдующихъ поколѣніяхъ умственныя дарованія могутъ безконечно развиваться. Принявъ все это въ соображеніе, мы поймемъ, насколько важно равновѣсіе вышеописанныхъ инстинктивныхъ побужденій. Но и помимо существенной выгоды, при такомъ равновѣсіи инстинктовъ, безумно придерживаться системы, которая подрываетъ организмъ дѣвушки, обогащая ея память чрезмѣрными свѣдѣніями. Давайте дѣтямъ вашимъ, по возможности, высокое образованіе—чѣмъ выше, тѣмъ лучше — но только не наносите имъ физическаго вреда. Замѣтимъ мимоходомъ, что достаточно высокая степень образованности легко могла бы достигаться, если бы въ дѣтяхъ менѣе развивали способности попугая, а больше способности человѣка, и если бы воспитательная дисциплина распространялась также на тотъ періодъ жизни молодежи, который теперь проходитъ совершенно безполезно, именно, на періодъ между выходомъ изъ школы и вступленіемъ въ бракъ. Но воспитывать юношество такимъ образомъ, что-

бы оно физически вырождалось, значитъ, уничтожать главную цѣль природы, къ которой направляются всѣ труды, заботы и издержки. Подвергая дочерей своихъ этой системѣ высокаго давленія, родители очень часто разрушаютъ всѣ ихъ надежды на жизнь. Кромѣ того, что здоровье дѣвушекъ разстроивается, что у нихъ обнаруживаются различныя страданія, немощи, нервная тоска, но нерѣдко, эти несчастныя существа, по милости родителей, обрекаются на безбрачіе.

Всякое нарушеніе законовъ здравія есть физическій грѣхъ. Мы теперь убѣдились, что физическое воспитаніе дѣтей, въ настоящее время, грѣшитъ во многихъ отношеніяхъ. Мы недостаточно кормимъ дѣтей, одѣваемъ ихъ слишкомъ легко, не сообразуясь съ климатомъ, даемъ имъ слишкомъ мало времени для физическихъ упражненій (въ особенности, дѣвочкамъ) и, наконецъ, чрезмѣрно много учимъ ихъ. Разобравъ принятую теперь систему воспитанія въ цѣломъ, мы узнали, что она черезъ-чуръ взыскательна въ своихъ требованіяхъ, спрашиваетъ слишкомъ много, а даетъ слишкомъ мало. Судя по размѣрамъ ея тяготѣнія на жизненныя силы дѣтей и юношей, можно подумать, что она ихъ принимаетъ за взрослыхъ людей. Она выпускаетъ изъ вида ту истину, что у человѣка въ зародышномъ состояніи всѣ силы жизни поглощаются ростомъ; что въ младенческомъ его возрастѣ, трата жизненныхъ силъ—опять-таки на ростъ—до того велика, что ея едва остается для физической или умственной дѣятельности; что, наконецъ, въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастахъ ростъ составляетъ преобладающую потребность организма, которой должны быть подчинены всѣ остальныя. Потребность эта предписываетъ, чтобы давалось много, а отнималось мало; чтобы, слѣдовательно, физическія и умственныя упражненія сообразовались съ быстротою роста; наконецъ, чтобы обѣ эти дѣятельности увеличивались только въ той степени, въ какой уменьшается сила роста.

Основной причиной такой угнетательной системы воспитанія мы считаемъ нашъ переходный физисъ цивилизаціи. Въ первобытныя времена, когда общественная дѣятельность,

главнымъ образомъ, заключалась въ нападеніи и защитѣ, а физическая сила и неразлучная съ нею храбрость были первой цѣлью человѣка, воспитаніе дѣтей было чисто физическое; объ умственномъ развитіи мало хлопотали, а въ феодальныя времена, напримѣръ, даже относились къ нему съ презрѣніемъ. Но теперь, когда положеніе наше, относительно, мирное, когда мускульная сила требуется почти только для одного ручнаго труда, когда общественный прогрессъ зависитъ прежде всего отъ умственной силы, — наше воспитаніе сдѣлалось исключительно умственнымъ. Вмѣсто того, чтобы уважать тѣло и пренебрегать умомъ, какъ дѣлали наши предки, мы, наоборотъ, уважаемъ умъ и пренебрегаемъ тѣломъ. И то, и другое положеніе ошибочно. Мы еще не усвоили истины, что умъ не слѣдуетъ развивать на счетъ тѣла, такъ какъ здоровый умъ вполнѣ зависитъ отъ здороваго тѣла. По настоящему, нужно бы слить въ одно старыя и новыя понятія объ этомъ вопросѣ.

Можетъ быть, ничто такъ не ускорить наступленіе той эпохи, когда люди начнутъ одинаково дорожить тѣломъ и умомъ, какъ распространеніе мнѣнія, что охраненіе здоровья есть *долгъ* человѣка. Немногіе, повидимому, сознаютъ, что существуетъ *физическая нравственность*. Слова и дѣйствія людей явно доказываютъ ихъ убѣжденіе, что они считаютъ себя въ правѣ обращаться съ своимъ тѣломъ, какъ имъ заблагоразсудится; на устройство своего здоровья, являющееся результатомъ нарушенія предписаній природы, они смотрятъ какъ на несчастье, а совсѣмъ не какъ на послѣдствіе легкомысленнаго своего поведенія. Не смотря на то, что гибельныя послѣдствія, навлекаемыя ими на своихъ дѣтей и на будущія поколѣнія, очень часто равносильны преступленію по своей важности, тѣмъ не менѣе, они не считаютъ себя преступниками. Правда, всѣми уже признано, что пьянство составляетъ преступное нарушеніе физическихъ законовъ, но, повидимому, никто до сихъ поръ не убѣдился, что если нарушеніе физическихъ законовъ преступно въ одномъ случаѣ, то оно точно также преступно и въ другихъ. Дѣло въ томъ,

что всѣ нарушенія законовъ здравія составляютъ *физическіе грѣхи*. Когда мы проникнемся этимъ сознаніемъ, тогда только, но не ранѣе, на физическое воспитаніе дѣтей обратится надлежащее вниманіе.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ.

Глава первая.

Стран.

Какимъ знаніемъ мы должны дорожить болѣе всего? 1

Глава вторая.

Умственное воспитаніе 65

Глава третья.

Нравственное воспитаніе 124

Глава четвертая.

Физическое воспитаніе 171